

Р ъ ч ь

54

ОБЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ВОСПИТАНІЯ

У ПРИМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ НАРОДОВЪ ДРЕВНЯГО МИРА,

Ч И Т А Н Н А Я

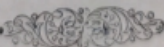
Ординарнымъ Профессоромъ Педагогii

СИЛЬВЕСТРОМЪ ГОГОЦКИМЪ,

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.

9-го Іюня, 1853 года.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1853.

По опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра 29 Мая
1853 года печатать позволяется.

Ректоръ Университета Р. Траутфеттеръ.

Настоящій день, въ этомъ высшемъ святилищѣ науки и воспитанія, обыкновенно посвящается торжественному отчету о годовыхъ дѣйствіяхъ его для образованія юношества и о перемѣнахъ, происшедшихъ въ его составѣ. Но и цѣлыя вѣка, подобно годамъ, передаютъ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ для воспитанія и образованія человѣчества грядущимъ поколѣніямъ. Изъ нихъ сложилась уже для нашего вразумленія огромная лѣтопись образованія давноминувшихъ дней, какъ и изъ нашихъ сложится нѣкогда общая сумма отчета будущимъ временамъ. Въ краткій промежутокъ времени я не могу, Мм. Гг., представить Вамъ полную картину прежнихъ трудовъ на поприщѣ педагогій; позвольте мнѣ занять Ваше снисходительное вниманіе по крайней мѣрѣ краткимъ очеркомъ воспитанія у примѣчательнѣйшихъ народовъ древняго міра.

Въ наше время всѣ почти сознаютъ уже важность воспитанія, и дѣйствительная жизнь владѣетъ уже обильными средствами развитія человѣческой природы, по мѣрѣ силъ и степени, занимаемой каждымъ въ многосложной лѣтвищѣ общежитія. Но эта значительная зрѣлость поня-

тій о воспитаніи есть плодъ вѣковыхъ усилій и трудовъ человеческихъ надъ образованіемъ своей природы и своего быта. Были другія времена, были другія, менѣ совершенныя, иногда и совсѣмъ ошибочныя средства воспитанія. Отъ чего же зависятъ эти видоизмѣненія въ историческомъ развитіи идеи и средствъ воспитанія?

Въ воспитаніи педагогъ обнаруживаетъ свое много-различное вліяніе на питомца. Не умомъ только, не одними познаніями, но всею жизненностію своихъ внутреннихъ силъ, даже внѣшнюю средою, окружающею питомца, воспитатель какъ бы будить въ немъ дремящія силы духа, согрѣваетъ въ немъ зачатки внутренней жизни и способствуетъ возможно-лучшему ея развитію. Но такъ-какъ духовная жизнь воспитателя находится въ неразрывной связи съ жизнью цѣлаго народа, то и различныя направленія исторіи воспитанія зависятъ не только отъ степени умственного или теоретическаго образованія народа, но и отъ внутренняго склада его религіозной, общественной и семейной жизни, отражающагося и въ дѣйствительномъ его бытѣ. Семейная, общественная и религіозная жизнь народа составляютъ какъ бы три ступени, по которымъ человекъ возвышается отъ своей животной, эгоистической замкнутости къ дѣятельному сочувствію общимъ интересамъ духовной жизни, отличающимъ человека отъ другихъ низшихъ животныхъ. Безъ сомнѣнія, какъ на всю жизнь человека, такъ и на направленіе воспитанія много дѣйствуетъ и внѣшняя природа—суровость или пріятность климата, богатство или скудость произведеній земли; но

подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ причинъ происходятъ только частныя видоизмѣненія воспитанія; главныя же перемѣны преимущественно зависятъ отъ внутреннихъ причинъ — отъ цѣлаго міровоззрѣнія и нравственныхъ убѣжденій. Это оправдывается многими примѣрами и нравственной одинаковости человѣка въ разныхъ полосахъ земнаго шара, пока онъ вѣрноп внутреннимъ началамъ своей жизни, и различія людей на одной и той же землѣ, при разности основныхъ понятій дѣйствующихъ на ихъ жизнь. Такъ, Іудеи живутъ подъ разными градусами широты и долготы земнаго шара, и однако сохраняютъ почти неизмѣнно свой нравственный типъ. Подъ тѣмъ же свѣтлымъ небомъ, на той же прекрасной землѣ, гдѣ обитали нѣкогда гомеры и платоны, коснѣютъ теперь грубые османы. Въ тѣхъ же пустыняхъ, гдѣ процвѣтали прежде обители христіанскихъ подвижниковъ, рыщутъ теперь хищныя бедуины. Народы образованной Европы и по географической разности своихъ странъ и по историческимъ причинамъ могутъ обращать особенное вниманіе на такой или другой родъ дѣятельности, могутъ свято сохранять заветныя черты своей народности и однако же всѣмъ имъ доступно уже сознание единства общечеловѣческаго призванія и здравыхъ началъ общежитія. Наконецъ, святое ученіе евангельское для того и даровано намъ божественнымъ Промысломъ, чтобы всѣ люди, не смотря на разности мѣста и времени, пришли къ живому сознанию единства своего человѣчества въ духѣ единой вѣры и любви христіанской. Въ этомъ возвышеніи человѣка къ сознанию и выраженію своего духовнаго на-

значенія заключается достоинство его исторіи, какъ памятника его борьбы съ чувственною природою и употребленія ея силъ для цѣлей своей нравственной жизни. И такъ, можемъ повторить, въ самой разности понятій челоѵѵка о своемъ назначеніи и въ характерѣ его религіозной, общественной и семейной жизни, слагающейся подъ вліяніемъ такихъ или другихъ убѣжденій, нужно искать главнаго объясненія тѣхъ переменъ, которыя встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ воспитанія и образованія. Челоѵѵкъ развивается и зрѣетъ въ періодъ воспитанія въ такомъ или другомъ направленіи подъ преимущественнымъ вліяніемъ не физической, но нравственной среды, окружающей его и дѣйствующей на него. Природа безразлична въ отношеніи къ челоѵѵку; она дѣйствуетъ безмолвно, дѣйствуетъ больше на тѣхъ, кто созрѣлъ уже и можетъ пользоваться ея силами и явленіями; но нравственный міръ проникаетъ въ нашу душу, съ первыхъ дней дѣтства намѣренно и ненамѣренно многоразличными путями — и словомъ и взоромъ, и примѣромъ и опытомъ, и страхомъ и любовью. Если такъ, то историческое обозрѣніе воспитанія начинается тамъ, гдѣ замѣтны первые ясные признаки общественной жизни, гдѣ изъ многочисленныхъ семействъ образовались наконецъ общества, связуемая единствомъ вѣрованій и управленія.

Этотъ предѣлъ исторіи воспитанія по началу ея освобождаетъ насъ отъ разсмотрѣнія той эпохи челоѵѵчества, которая предшествовала образованію государствъ. Намъ нѣтъ нужды доискиваться исторіи воспитанія тамъ, гдѣ она еще и не возможна. Воспитаніе, развивая индивиду-

альные силы человека, должно искоренять въ немъ злоупотребленія воли и руководить къ дѣятельности, согласной съ началами и правилами общежитія. Но онѣ или совершенно не существуютъ, или еще крайне скудны и ограничены у дикихъ народовъ, занятыхъ только предметами грубаго физическаго существованія, сознающихъ только физическую, кровную, а потому самую низшую основу общежитія. Напрасно Руссо, одинъ изъ краснорѣчивыхъ мечтателей прошлаго столѣтія, превозноситъ это дикое или естественное состояніе человека, приписывая ему всѣ добрыя свойства, требуемая нравственною природою человека, и относя на оборотъ всѣ роды нравственныхъ золъ къ общественной жизни. Только съ возвышеніемъ чело-вѣческаго разумѣнія и воли къ гармоніи съ общими законами нравственнаго міра начинается его духовное развитіе, противоположное эгоистической особности чувственнаго произвола. Но гдѣ же больше средствъ къ развитію въ чело-вѣкѣ стремленія къ познанію и выраженію въ своей жизни высшихъ, общихъ для всѣхъ нравственныхъ законовъ дѣятельности — въ благоустроенномъ ли обществѣ гражданскомъ, подъ вліяніемъ законовъ, ограждающихъ благо всѣхъ и каждаго, или въ обществѣ, среди дикой разрозненности интересовъ животнаго потребленія?.. Руссо, въ припадкѣ раздражительности, забылъ отличить случайныя недостатки современнаго ему общества отъ существенныхъ и благотворныхъ результатовъ гражданской жизни вообще.

Между тѣмъ, находя въ такъ-называемомъ естествен-

номъ состояніи человѣка многіе недостатки, не согласныя съ его назначеніемъ, требующіе борьбы и выхода въ другое, высшее состояніе, неосновательно было бы раздѣлять мнѣніе, отличающееся другою, не менѣе важною крайностію. Я разумью мнѣніе тѣхъ, которые хотя сознають вполне важность воспитанія и образованія, думаютъ однако же, что постепенное развитіе человѣка началось съ такого же состоянія его природы, въ какомъ находятся теперь всѣ низшія животныя. Оно противорѣчитъ самому закону обыкновеннаго развитія; ибо какимъ образомъ можетъ развиться то, что не заключено въ природѣ развивающагося существа? Откуда возьмемъ мы присущее намъ сознаніе верховнаго существа, способность вникающаго, соображенія, отвлеченія, если предположимъ, что въ началѣ человѣкъ существенно не отличался отъ другихъ низшихъ животныхъ? Дѣлать такой выводъ значитъ допускать противорѣчіе, къ которому могутъ быть глухи только люди вовсе не размышляющіе. Духовное развитіе человѣка имѣетъ ту особенность, что оно не иначе возможно, какъ при двойственномъ сознаніи, — съ одной стороны, своего дѣйствительнаго состоянія, а съ другой, — несообразности его съ идеею совершенства, какъ цѣлю стремленія. Начало этой двойственности сознанія объясняется отчасти темнымъ преданіемъ древнихъ народовъ; въ разныхъ символическихъ сказаніяхъ оно указываетъ на лучшую эпоху въ жизни человѣчества, предшествовавшую его немощной борьбѣ съ недостатками своей природы, утратившей первобытную чистоту. Но прямо и ясно этотъ вопросъ о первобытномъ

состояніи челоѣка разрѣшается въ священномъ писаніи. Слово Божіе учитъ, что самое стремленіе челоѣка къ усовершенію своей природы невозможно было бы безъ лучезарныхъ остатковъ первоизданнаго богоподобія (†). Въ этихъ остаткахъ образа и подобія Божія былъ какъ-бы залогъ участія божественной любви къ падшему челоѣчеству, открывавшей ему въ нѣкоторой степени и немощь его положенія и высоту потеряннаго имъ совершенства. Разсматриваемая съ этой свѣтлой точки зрѣнія вся исторія воспитанія и образованія не есть несбыточный результатъ животнаго состоянія людей, изъ котораго не могло бы произойти ничто челоѣческое: она совершается подъ верховнымъ смотрѣніемъ Промысла Божія; и къ ней проникаетъ всевидящее око верховнаго Воспитателя, руководящаго все челоѣчество къ одной высокой цѣли его земнаго существованія.

Надѣюсь, Мм. Гг., что эти не многія предварительныя строки объ исходномъ началѣ развитія челоѣческой природы не будутъ казаться излишними тому, кто знаетъ, какъ важны въ каждой наукѣ установка и направленіе перваго шага; а отъ правильнаго понятія объ этомъ началѣ зависитъ истинное понятіе о цѣли и средствахъ воспитанія. Итакъ, возвращаемся къ предмету слова, и, на основаніи нашего понятія о происхожденіи видоизмѣненій въ исторіи воспитанія, прямо переходимъ къ тѣмъ народамъ, у которыхъ исторія находитъ уже нѣкоторыя формы государственной жизни. Между этими народами въ исторіи древняго воспитанія достойны примѣчанія: во-первыхъ, Китайцы,

Индійцы, Египтяне и Персы, далѣе, достойны особеннаго вниманія Греки и Римляне, наконецъ заключеніемъ служить народъ израилскій.

Съ образованіемъ государствъ на востокъ неразлучно было сосредоточенное выраженіе общихъ цѣлей дѣятельности. Въ этихъ цѣляхъ, выразившихся дѣйствительнымъ видимымъ порядкомъ вещей въ обществѣ, заключалось первое важное условіе воспитанія; въ нихъ былъ уже нѣкоторый идеалъ для образованія человѣческихъ силъ, не позволявшій имъ оставаться въ непосредственномъ или въ дикомъ состояніи. Но общій недостатокъ міровоззрѣнія и общежитія языческихъ народовъ востока неразлученъ былъ съ крайнею односторонностію самаго идеала ихъ образованія. Младенческое понятіе о силахъ природы, которымъ они придавали божественное значеніе, преобладаніе фаталистическихъ идей въ вѣрованіяхъ и въ жизни располагало ихъ болѣе къ пассивному состоянію духа, нежели къ живому сознанію и развитію типа своихъ индивидуальныхъ силъ. Поэтому и въ воспитаніи ихъ, говоря вообще, преобладаетъ характеръ механической, самъ по себѣ еще неблагоприятный внутреннему образованію человѣка. Оно было какъ-бы натянутымъ подведеніемъ человѣка подъ родовое понятіе, безъ всякаго вниманія къ внутренней связи между ними. Самое сознаніе необходимости воспитанія не получило еще достаточной силы и ясности. Въ частности, въ воспитаніи у каждаго изъ нихъ, несмотря на всю скудость историческихъ свидѣтельствъ, можно видѣть нѣкоторыя существенныя разности.

У Китайцевъ общественная жизнь издревле основана на семейныхъ отношеніяхъ. Изъ возвышеннаго взгляда ихъ на семейство, какъ на типъ отношеній, господствующихъ въ государствахъ, естественно вытекаетъ и особенное вниманіе ихъ къ семейному воспитанію (1). Но въ семействѣ еще только зародышъ гражданскаго общества; въ немъ только первоначальный элементъ и воспитанія. Въ кругу семейной жизни, частію подъ вліяніемъ авторитета главы семейства, частію по влеченію кровнаго сочувствія, человѣкъ впервые отрѣшается отъ дикости своихъ произволовъ и привыкаетъ повиноваться общимъ правиламъ жизни. Но съ распространеніемъ семейства кровныя отношенія его членовъ теряются, а съ потерей этихъ отношеній многія формы семейной жизни, не смотря на всю ихъ важность въ дѣлѣ воспитанія, не имѣютъ уже полного примѣненія къ другой, обширнѣйшей сферѣ жизни. Будучи приложены къ общественной жизни, къ воспитанію въ обществѣ и для общества гражданскаго, онѣ могутъ вести только къ формальности, къ церемоніямъ безъ внутренней опоры. Таковы же слѣдствія отъ излишествъ примѣненія этихъ семейныхъ отношеній у Китайцевъ.

Въ самой глубокой древности Китайцы болѣе нежели другіе восточные народы сознавали пользу воспитанія. Не смотря на чрезвычайную власть отца въ семействѣ ему вмѣняется въ необходимую обязанность воспитаніе дѣтей. Самое уваженіе, оказываемое родителямъ за хорошее воспитаніе дѣтей, далѣе, желаніе продлить сыновнюю преданность и послѣ своей смерти заставляло ихъ чувствовать

необходимость педагогическаго попеченія о дѣтяхъ. „Гни дерево, пока оно молодо, наставляй дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ“ говаривали еще древніе Китайцы. Вся ихъ древняя литература имѣетъ характеръ педагогическій. Но съ машинальнію своихъ правилъ, съ недостатками содержанія ихъ педагогическая заботливость соединяетъ крайнюю односторонность по самому объему примѣненія; она касается только, или почти только мужескаго пола. Воспитаніе женскаго пола, по общему обычаю восточныхъ народовъ, никогда не удостоивалось у нихъ вниманія. „Когда раждается мальчикъ, говорится въ одной старинной китайской поэмѣ, его кладутъ на постель, покрываютъ дорогими тканями, даютъ ему въ руки разныя игрушки; когда же раждается дѣвочка, то кладутъ ее на землю, покрываютъ холстянымъ одѣяломъ и кладутъ возлѣ нея веретено. Для щастія женщины довольно если она ни въ чемъ невиновна, потому что женщина не можетъ сдѣлать ничего добраго (2). Ея дѣло приготовить мужу вино и кушанье“ (3). Если женщины удѣляется нѣкоторое образованіе, то только въ видѣ снисхожденія. Мудрость китайской педагогій не могла придумать лучшаго побужденія для скуднаго образованія женщины, кромѣ того, что мы учимъ же иногда чему набудь обезьянъ, воронъ и попугаевъ (4). Съ этимъ унижительнымъ понятіемъ о женщинѣ соединяется недовѣрчивость къ нравственному характеру ея; — и не отъ этой ли недовѣрчивости, не отъ желанія ли отнять у женщины возможность ходить свободно произошелъ у Китайцевъ обы-

чай искусственными мѣрами препятствовать естественному развитію ея ногъ (5)?

Въ частности, Китайцы издревле сознавали и пользу умственного образованія, понимая его по своему, и имѣли свою систему обученія. Когда одинъ китайскій владѣтель бросилъ совѣта у Менгція, древняго китайскаго мыслителя, какъ устроить благо государства, то онъ отвѣчалъ: старайся съ улучшеніемъ нравовъ народа, о воспитаніи юношества и объ устройствѣ училищъ (6).

Обученіе дѣтей у Китайцевъ по „Чингъ-це“ должно начинаться на 6-мъ году, или и того ранѣе—какъ только дитя можетъ говорить и безъ помощи другихъ кушать (7). Предметъ первоначальнаго обученія составляетъ чтеніе и письмо, при чемъ по трудности китайскаго чтенія употребляютъ нѣкоторыя средства для легчайшаго заучиванія письменъ. Азбука даже и теперь не преподается въ китайскихъ начальныхъ школахъ (8). Еще древніе учителя китайскіе заботились о приспособленіи первоначальнаго обученія. Чтобы сдѣлать это обученіе какъ можно живѣе и легче, нужно, говорить одинъ изъ древнѣйшихъ китайскихъ ученыхъ, излагать дѣтямъ предметы преподаванія или въ стихахъ, или въ пѣсняхъ, или даже въ формѣ забавы (9). Не смотря впрочемъ на эту педагогическую заботливость о методѣ обученія успѣхи его у Китайцевъ крайне жалки, что доказывается суевѣрными и нелѣпыми изображеніями, употребляемыми для объясненія дѣтямъ значенія словъ (10). Для всего курса начальнаго обученія, соотвѣтственно его постепенности, есть особенныя педагоги-

ческія книги. Въ прежнія времена чтеніе начиналось заучиваніемъ знаковъ языка, которые составляютъ родъ первоначальной азбуки. Въ настоящее время, по свидѣтельству Воазена, эта азбука вышла изъ употребленія. Дѣти прямо начинаютъ изучать „Санъ-це-кингъ“, или „книгу трехъ словъ“, заключающую въ себѣ фразы изъ трехъ знаковъ и притомъ, для обученія памяти, рифмованныхъ. За этою книгою слѣдуетъ „Зе-це-кингъ“, гдѣ фразы состоятъ уже изъ четырехъ знаковъ (11). Когда ученикъ умѣетъ читать и писать, тогда начинаются риторическія упражненія въ хорошемъ слогѣ на темы, взятые изъ классическихъ книгъ, въ стихотворствѣ, наконецъ въ изложеніи какихъ нибудь административныхъ предметовъ. Испытанія бывають частныя, ежемѣсячно, въ присутствіи родителей и родственниковъ, и официальные ежегодно два раза въ присутствіи Мандариновъ, или объѣздныхъ экзаминаторовъ, посылаемыхъ Мандаринами. Въ каждомъ значительномъ городѣ есть сверхъ того зданія со множествомъ комнатъ для испытанія учениковъ высшихъ школъ, — и только тотъ можетъ получить общественную должность, кто доказалъ свои свѣдѣнія на испытаніи. Есть три степени китайской учености; каждой изъ нихъ соотвѣтствуютъ извѣстныя почести и права. Эти ученые конкурсы и соединеніе гражданскихъ правъ съ учеными степенями, установлены еще династією Тангъ, около осьмага столѣтія послѣ Рождества Христова. Строгость на испытаніяхъ, по свидѣтельству Іезуитовъ такъ велика, что иногда изъ десяти тысячъ испытываемыхъ едва 60 человекъ получаютъ ученую степень, — и этой строгой

разборчивости, говорятъ, Китай обязанъ распространеніемъ начального обученія въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи; потому что всѣ незыдержавшіе экзамена отправляются въ отдаленныя провинціи, — и тамъ, для пропитанія себя, занимаются обученіемъ дѣтей. Кромѣ риторическихъ упражненій есть у Китайцевъ и другіе предметы обученія, какъ-то, правоученіе со всѣми обрядами ихъ древняго общежитія, исторія, математика и астрономія, но только по имени; на самомъ же дѣлѣ имъ едва извѣстны самыя поверхностныя начала этихъ наукъ. Собственно-религіознаго обученія нѣтъ; механическое чтеніе „Книгъ“ считаютъ достаточнымъ для духовнаго образованія юношества. Въ „Сіао-гіо“ рекомендуется еще и музыка въ числѣ предметовъ обученія; но какъ средство воспитанія, она не пользовалась особеннымъ вниманіемъ лицъ, замѣчательныхъ въ исторіи китайской педагогіи. Музыка, особенно утонченная, по мнѣнію одного древняго китайскаго императора, ведетъ только къ неподвижности и слабости характера. И Конфуцій, не смотря на свое уваженіе къ музыкѣ полагаетъ, что она производитъ только безпорядокъ въ жизни и нравахъ, и такъ-какъ китайская нравственность состоитъ въ точномъ выполненіи самыхъ мелкихъ церемоній и приемовъ, то, по его мнѣнію, она должна быть исключена изъ круга обученія. На гимнастику, какъ педагогическое средство тѣлеснаго развитія, Китайцы тоже не обращали вниманія. При недостаткѣ стремленія къ гармоническому развитію индивидуальных — внутреннихъ и вѣншихъ силъ человѣка, при господствѣ или мечтательнаго

самопогруженія, или сухаго формализма не могло образоваться и понятіе о педагогическомъ значеніи гимнастики. Педагогическая дисциплина всегда отличалась у Китайцевъ значительною строгостію; но въ этой строгости сторона внѣшняя, механическая беретъ перевѣсъ надъ внутреннею; она направлена преимущественно къ машинальному исполненію церемоній, и преувеличиваетъ пользу тѣлесныхъ наказаній.

Ни у одного изъ древнихъ восточныхъ народовъ нѣтъ такихъ ясныхъ свидѣтельствъ о школахъ какъ у Китайцевъ. За 500 лѣтъ до Рождества Христова не только говорится уже въ древней системѣ китайскаго обученія о начальныхъ школахъ, но и вмѣняется въ обязанность каждому семейству имѣть особое мѣсто для обученія и каждому селенію — свою школу. Императоръ Тонгъ-ву учредилъ въ значительнѣйшихъ городахъ публичныя школы. Послѣ него и многіе другіе императоры заводили училища и покровительствовали имъ. Умноженіе начальныхъ школъ и всеобщее почти распространеніе грамотности въ Китаѣ можно начинать съ династіи Тангъ, когда учреждены были ученые конкурсы, и когда для полученія гражданскихъ должностей стали требовать извѣстной степени образованія. Неизвѣстно, получалили учебныя заведенія Китая общественное содержаніе, или онѣ предоставлены были частнымъ усиліямъ и состязаніямъ. Можно думать, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя эпохи онѣ пользовались содержаніемъ отъ правительства, подобно заведеніямъ, назначеннымъ для престарѣлыхъ, отличившихся какими-нибудь за-

слугами. Въ настоящее время общественнымъ содержаніемъ пользуются только высшія училища, или экзаминаторскіе залы и военное училище въ Пекинѣ; первоначальное же обученіе составляетъ предметъ ремесла.

Такимъ образомъ по формѣ у Китайцевъ есть почти тѣ же средства умственного образованія, что и у Европейцевъ; есть учебныя заведенія, ученые степени, испытанія; знаніе грамоты составляетъ необходимое условіе для полученія общественной должности, есть преимущества, сопряженные съ учеными степенями, и однако же тотъ крайне ошибся бы, кто сталъ бы думать, что образованіе Китайцевъ сходно съ образованіемъ европейскихъ народовъ. Эта обманчивость формы ввела въ заблужденіе и Вольтера, который осыпалъ китайское образованіе незаслуженными похвалами. По формѣ китайское обученіе богаче, нежели у другихъ восточныхъ народовъ; въ этомъ отношеніи оно, можно сказать, полнѣе даже обученія у древнихъ Грековъ; между тѣмъ образованіе греческое составляетъ эпоху въ исторіи просвѣщенія, а китайское остановилось вѣкъ прогрессивнаго хода исторіи. Гдѣ же причина этой неподвижности? Главнымъ образомъ—въ самомъ способѣ и цѣли обученія, упражняющаго только память заучиваніемъ учебниковъ, безъ развитія другихъ высшихъ способностей души; но съ другой стороны мертвенность китайскаго образованія зависитъ отчасти и отъ несовершенства ихъ письменнаго языка, сохраняющаго въ себѣ до сихъ поръ типъ идеографическій. Этотъ языкъ, состоящій изъ множества знаковъ, изъ которыхъ каждый выра-

жасть слово, поглощаетъ всѣ лучшіе годы дѣтскаго возраста и не можетъ быть гибкимъ орудіемъ для выраженія мыслей (12).

Другой народъ, извѣстный по глубокой древности своего образованія, суть Индѣйцы. Въ Китаѣ семейныя отношенія издревле служатъ типомъ общественныхъ отношеній, а индѣйское государство въ своей древней формѣ основано на раздѣленіи на касты. Различіе членовъ семейства не вводитъ еще между ними непереходимыхъ границъ по образованію; между тѣмъ при индѣйскомъ раздѣленіи на касты дѣло воспитанія и образованія превращается въ частный интересъ господствующей касты; духовное достояніе челоуѣка она дѣлаетъ своею собственностію.

Въ законахъ Мену, древнѣйшемъ памятникѣ индѣйской литературы, различаются четыре касты — браминовъ, кшатріевъ, вайсіевъ и судръ. Достоинство свое брамины, составляющіе господствующую касту, полагаютъ не въ высшей степени духовнаго развитія, даже не во внѣшнихъ, случайныхъ преимуществахъ, но въ самой природѣ своего духа и тѣла, существенно будто бы отличной отъ природы другихъ, низшихъ кастъ. Браминъ, на основаніи индѣйскаго вѣроученія, составляетъ предметъ благоговѣнія и для міра и для боговъ; онъ есть нѣчто священное хотя бы совершилъ всевозможныя злодѣянія. За одно прикосновеніе къ нему членъ касты судръ подлежитъ смертной казни. Ему одному принадлежитъ право знать смыслъ священныхъ книгъ и толковать ихъ; кастѣ судръ воспрещено не только читать, но даже слушать чтеніе этихъ книгъ.

Такова же участь и женскаго пола. Такъ-какъ вѣчное блаженство заграждено для тѣхъ, кто не читалъ священ-ныхъ книгъ, то женщинамъ и судрамъ оно также не доступно (13).

Подобная печать униженія лежитъ на женщинѣ и въ нѣдрахъ семейной жизни. Правда, что въ законахъ Мену превозносятся счастье согласной супружеской жизни, взаимная любовь между супругами; но это нисколько не облегчало ея страдательнаго положенія. По словамъ свя-щенныхъ книгъ Индѣйцевъ женщина создана только для служенія мужчинѣ и должна уважать его какъ божество, должна совершенно зависѣть не только отъ отца, мужа, но въ случаѣ его смерти, отъ старшаго сына или род-ственника, никогда не можетъ ничего дѣлать по своей волѣ, не имѣетъ права обучаться чтенію и письму (14),— и наконецъ это жалкое прозябаніе свое должна завершить самосожженіемъ на кострѣ. Прибавимъ къ тому пантеисти-ческое міровоззрѣніе Индѣйцевъ, понятіе ихъ о значеніи человѣка, какъ видоизмѣненіи одной міровой субстанции, разлитой во всемъ и все въ себѣ поглощающей, фанта-стическое, бездѣйственное погруженіе въ созерцаніе брамы, какъ идеаль челоуѣческаго совершенства, — и мы будемъ легко видѣть, что внутренняя и виѣшняя жизнь Индѣйцевъ также неблагопріятствовала еще идеѣ воспитанія и образо-ванія челоуѣка, станемъ ли разсматривать его въ отдѣль-номъ быту, или въ отношеніи къ потребностямъ обще-ственной жизни.

Въ частности отправленія индѣйскаго воспитанія весьма

мало извѣстны. Судить о нихъ можемъ только по немногимъ свидѣтельствамъ древнихъ памятниковъ индѣйской литературы; да и тѣ касаются преимущественно касты браминовъ.

Рожденіе дитяти у Индѣйцевъ, какъ и у другихъ народовъ сопровождалось торжественными обрядами; и однако же эти обряды, какъ выраженіе радости о явленіи новаго члена въ великой семьѣ человечества, не мѣшали варварскому умерщвленію множества новорожденныхъ дѣтей (15). Этотъ безчеловѣчный обычай, въ разныхъ видахъ встрѣчаемый и у другихъ народовъ древности, исчезъ только подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о человѣкѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ рожденія, въ благопріятный день и часъ, подъ вліяніемъ звѣзды, обѣщавшей счастье, давали новорожденному имя; потомъ на первомъ же, или на второмъ, на третьемъ году совершали обрядъ стриженія волосъ (16). Въ ходѣ воспитанія самое важное значеніе имѣло то время, когда воспитанника посвящали въ члены касты, къ которой онъ относился по рожденію; въ это время надѣвали на него внѣшніе знаки касты. Но посвященіе совершалось только надъ тремя высшими кастами. Такъ-какъ въ браминѣ признавали высшую природу и быстрѣйшее развитіе, то и посвященіе его происходило гораздо ранѣе, нежели кшатріевъ и вайсіевъ: браминъ вступалъ въ свою касту на осьмомъ году, кшатрій на одиннадцатомъ, а вайсій на двѣнадцатомъ. До того времени вѣроятно обучали дѣтей только приготовительнымъ наукамъ, въ числѣ которыхъ упоминается грамматика, просодія и математика. Что касается музыки, то, несмотря на значительное развитіе ея

въ древней Индіи (17), колебаніе въ сужденіяхъ о педагогическомъ ея значеніи заставляетъ думать, что она не считалась необходимою принадлежностію воспитанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ законовъ Мену музыка относится даже къ числу предосудительныхъ излишествъ (18).

Время отъ посвященія до женитьбы было періодомъ испытанія, дисциплины и навыка въ правилахъ и обычаяхъ касты. Особенною строгостію, по крайней мѣрѣ по внѣшности, отличалась дисциплина молодыхъ браминовъ. Изъ возвышеннаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ понятія о верховномъ существѣ, изъ убѣжденія въ противоположности между тѣломъ и духомъ произошли у нихъ многія довольно чистыя правила нравственности. Брамину вмѣнялось въ обязанность чуждаться зависти, ненависти, гнѣва и жестокости; ему запрещено было употреблять украшенія и смотрѣться въ зеркало; танцовать, пѣть и играть на музыкальныхъ инструментахъ позволялось только при совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Но эти строгія черты нравственной жизни, какъ цѣль воспитанія, были съ другой стороны потемнѣны самыми грубыми противорѣчіями духовной природѣ человѣка. Фантастическое, изстуженное созерцаніе, доходившее до мечтательнаго наслажденія совершеннымъ бездѣйствіемъ духа и тѣла, отрицаніе даровъ духовной природы человѣка въ низшихъ кастахъ, взглядъ на жизнь человѣческую въ низшихъ кастахъ, взглядъ на жизнь человѣческую въ низшихъ кастахъ, физическое явленіе міровой субстанции, — все это располагало къ расслабленію воли, къ унылому безмолвію предъ силами физической природы въ насъ и внѣ насъ, несообразному

съ цѣлями воспитанія и образованія. Далѣе странное представленіе о превосходствахъ природы брамина, требовавшее осуществленія, вело ко многимъ правиламъ воспитанія, противнымъ нравственности. Браминъ долженъ былъ научиться какъ поддерживать разными обманами свое значеніе въ глазахъ другихъ, когда принимать смиренный видъ и когда — гордый и надменный, какъ и когда пользоваться ложью и обманомъ, и другими приемами браминскаго искусства. Словомъ, нравственное воспитаніе у Индѣйцевъ составляетъ странную смѣсь изступленной отвлеченности и самой грубой чувственности; оно развиваетъ и суровое равнодушіе къ жизни, къ ея потребностямъ, и самое мелочное вниманіе къ личнымъ и кастическимъ интересамъ.

Умственное образованіе древнихъ Индѣйцевъ гораздо глубже и многостороннѣе китайскаго. Ихъ литература богата произведеніями поэтическаго и научнаго содержанія. Поэзія, философія, даже астрономія достигла у нихъ значительнаго развитія; имъ извѣстна была механика, медицина, архитектура. И однако же эти многостороннія свѣдѣнія, какъ исключительная собственность браминовъ, направленная къ униженію челоѵка въ лицѣ низшихъ кастъ, не могли имѣть благотворнаго примѣненія къ воспитанію и образованію народному.

Въ памятникахъ индѣйской литературы нигдѣ не говорится о школахъ; но патриархальная простота нынѣшнихъ сельскихъ школъ въ Индіи, о которыхъ рассказываютъ очевидцы, заставляетъ предполагать въ нихъ остатки школъ отдаленной древности. Кромѣ того по самой многосторон-

ности свѣдѣній у древнихъ Индѣйцевъ, требовавшей совокупной ученой дѣятельности многихъ лицъ, можно заключать, что по крайней мѣрѣ каста браминовъ имѣла свои училища. Въ этихъ школахъ вѣроятно и въ древности, какъ и въ настоящее время было двойное преподаваніе есotericкое и екsotericкое. Нынѣшнее распредѣленіе учениковъ, которымъ въ первые годы должно быть только слушателями, вступать же въ собесѣдованіе съ учителями дозволяется уже по истеченіи извѣстнаго срока, то же древняго происхожденія и напоминаетъ философскую школу Пифагора. Въ устройствѣ школъ и въ распредѣленіи предметовъ обученія не видно никакой опредѣленной системы, направленной къ народному образованію. Дѣло обученія было достояніемъ браминовъ, переходившимъ отъ одного поколѣнія къ другому (19). Не было также и опредѣленной, условленной платы за обученіе. Назначать цѣну за уроки было бы униженіемъ для брамина, по самому положенію своей касты пользовавшагося виѣшними выгодами жизни и высокимъ значеніемъ въ глазахъ народа. Это значеніе учителей въ Индіи было такъ велико, что уваженіе къ нимъ считалось бѣльшею добродѣтелию, нежели уваженіе къ родителямъ. Въ передачѣ наставленій и познаній брамины видѣли основаніе не только высшаго нравственнаго союза между учителемъ и ученикомъ, но и своего господства надъ другими кастами.

По мѣрѣ движенія исторіи на западъ кастическій духъ воспитанія умалется, и созерцательное направленіе въ жизни народовъ уступаетъ мѣсто дѣятельному. Это можно уже

видѣть отчасти у Египтянъ и еще болѣе у древнихъ Персовъ.

Общественное устройство древняго Египта, какъ и въ Индіи, было кастическое, хотя количество кастъ достоверно неизвѣстно. И въ Египтѣ каста жрецовъ была самая могущественная; въ ихъ кругу науки не только теоретическія, но и практическія достигли высокой степени совершенства. Но могущество египетскихъ жрецовъ не было такъ безусловно и постоянно, какъ индѣйскихъ браминовъ; оно не рѣдко было оспариваемо, и не безъ успѣха, кастою воиновъ.

Въ религіозныхъ понятіяхъ Египтяне не выше Индѣйцевъ; но замѣчательно особенно то, что идея смерти получила у нихъ особенное практическое направленіе, которое не могло остаться безъ вліянія на самую жизнь. Показываніе труповъ на пиршествахъ, посмертный судъ живыхъ надъ умершимъ и приговоръ, удостоивающій его почетнаго погребенія, или отказывающій ему въ немъ, вѣра въ загробный судъ надъ душою послѣ смерти и въ существованіе особаго царства мертвыхъ — все это вмѣстѣ должно было имѣть соотвѣтственное вліяніе на характеръ народа, развивая въ немъ не столько созерцательное, сколько дѣятельное направленіе. Оно поддерживалось еще близостию моря, открывавшаго имъ удобный путь сообщенія съ другими частями свѣта. Это вліяніе мѣстности особенно обнаружилось въ царствованіе Псамметиха, сблизившаго Египтянъ съ греческимъ образованіемъ.

Въ семейномъ быту Египтянъ древніе историки указываютъ такія черты, которыя свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ

смягченіи деспотической власти главы семейства. Женскій полъ у нихъ былъ подчиненъ мужескому, но пользовался бѣльшею свободою, нежели у Китайцевъ и Индѣйцевъ. Египтянки занимались не одними внутренними, или домашними работами; онѣ ходили на рынки, вели торговые дѣла и не чужды были нѣкотораго образованія (20).

Эти отличительныя черты въ быту Египтянъ позволяютъ думать, что и воспитаніе дѣтей у нихъ отличалось отъ индѣйскаго практическимъ характеромъ. Но чувство народной жизни, подъ вліяніемъ кастическаго устройства, не могло еще настолько развиться, сколько это нужно для сознанія необходимости народнаго воспитанія, какъ средства общественнаго и частнаго благосостоянія. Оно было подчинено еще частному типу и частнымъ интересамъ преобладающей касты. Далѣе воспитаніе у Египтянъ было только частное, домашнее, — и правительство не заботилось ни о содержаніи педагогическихъ заведеній, ни о началахъ воспитанія. Даже дѣти изъ двухъ высшихъ кастъ воспитывались домашнимъ образомъ, и высшій надзоръ за ихъ воспитаніемъ принадлежалъ только родителямъ или тѣмъ лицамъ, которымъ преимущественно извѣстны были какіе-нибудь предметы обученія (21). Но изъ нѣкоторыхъ примѣровъ видно, что Египтяне сознавали уже пользу совмѣстнаго воспитанія многихъ дѣтей. Такъ, напримѣръ, Сезострисъ воспитывалъ своего сына вмѣстѣ съ ровесниками его изъ лучшихъ семействъ; Псамметихъ посылалъ египетскихъ юношей учиться военному искусству и языку Грековъ. Естественно впрочемъ, что воспитаніе дѣтей двухъ

высшихъ кастъ могло быть лучше и соединялось съ бѣль-
 шимъ надзоромъ. Единоженство жрецовъ, которымъ оно
 вмѣнялось въ обязанность, болѣе благопріятствовало ихъ
 попеченію о своихъ дѣтяхъ, нежели многоженство, позво-
 лительное другимъ кастамъ. Можно думать, что и женщины
 въ кастѣ жрецовъ были образованнѣе, нежели въ другихъ
 кастахъ и что онѣ имѣли болѣе досуга заниматься воспи-
 таніемъ дѣтей, нежели жены въ бѣдныхъ семействахъ,
 занимавшіяся, по свидѣтельству Діодора, торговлею. Дѣти
 изучали мастерство своего отца или матери, — и такимъ
 образомъ не только навыкъ постепенно превращался во
 вторую природу, но и самая природа способствовала на-
 выку, принимая въ цѣломъ поколѣніи извѣстное настрое-
 ніе. Это благопріятствовало общественному спокойствію,
 отклоняя недовольство своимъ состояніемъ и частыя пере-
 мѣны въ родѣ занятій. Объ училищахъ нѣтъ ясныхъ истори-
 ческихъ свидѣтельствъ; но съ другой стороны нельзя от-
 рицать существованіе школъ и учителей; потому что въ
 изображеніи церемоніальныхъ ходовъ есть лице надсмотр-
 щика за воспитаніемъ дѣтей (22). Кромѣ того Платонъ
 говоритъ (23), что у Египтянъ дѣти часто обучались
 вмѣстѣ, — что не могло обойтись безъ какихъ-нибудь
 училищъ, или такихъ мѣстъ, куда собирались дѣти для
 обученія. Главными и общими предметами обученія было
 чтеніе, письмо и счисленіе, пользу котораго Египтяне не
 могли не чувствовать гораздо болѣе, нежели народы внут-
 ренней Азіи, по самому географическому положенію своей
 страны. Но и эти начальныя предметы далеко не были такъ

распространены въ народѣ, какъ чтеніе и письмо у Кн-тайцевъ (24). Предметы высшаго обученія составляли достояніе жрецовъ; оно сосредоточивалось въ трехъ мѣстахъ — въ Фивахъ, въ Мемѣисѣ и Геліополѣ. Въроятно въ эти жреческія полуучебныя, полурелигіозныя заведенія принимали только въ зрѣломъ юношескомъ возрастѣ и обучали по степенямъ, или періодамъ религіозной жизни; потому что у египетскихъ жрецовъ, какъ и у индѣйскихъ Браминовъ, ученики раздѣлялись на ви́шнихъ (ексотериковъ) и внутреннихъ (есотериковъ). Въ число первыхъ принимали и изъ другихъ кастъ, кромѣ жреческой, даже чужестранцевъ; но подъ какими условіями и до какой степени — неизвѣстно. Неизвѣстно также, были ли у Египтянъ гимнастическія упражненія. Діодоръ говоритъ, что они считали эти упражненія лишними. Съ этимъ свидѣтельствомъ должно согласиться, хотя Геродотъ и говоритъ что въ городѣ Хеммисѣ учреждены были гимнастическія игры; потому что эти игры обязаны были своимъ происхожденіемъ ви́шнему, греческому вліянію, и введены были единственно въ честь Персея-геллена. Не менѣе равнодушны были древніе Египтяне и къ музыкѣ; по примѣру другихъ восточныхъ народовъ они считали музыку не только бесполезною, но и вредною. Такъ говоритъ Платонъ (25). Впрочемъ имъ извѣстна была музыка религіознаго характера, ограничивавшаяся немногими пѣснопѣвными въ честь боговъ, отпечатлѣнная унылымъ характеромъ. Употребляли музыку и въ житейскомъ быту, но въ стилѣ ея строго воспрещено было всякое измѣненіе (26).

Выше Египтянъ въ исторіи воспитанія древніе Персы. Въ основаніи религіознаго міровоззрѣнія Персовъ лежалъ дуализмъ. Міръ, по ученію ихъ Маговъ, происходитъ изъ двухъ началъ, добраго и злаго — Ормузда и Аримана. Эти два начала противоположны другъ другу борются между собою, и отъ ихъ борьбы происходитъ все видимое разнообразіе явленій физическаго и нравственнаго міра. Плодъ этой борьбы есть побѣда добраго начала надъ злымъ. Какое же отношеніе человѣка къ этимъ двумъ началамъ міра? По духу вѣроученія персидскаго, оно состоитъ не въ страдательномъ погруженіи въ ихъ сущность, не въ фантастическомъ созерцаніи, какое мы находимъ у Индѣйцевъ, но въ энергическомъ содѣйствіи доброму началу для побѣды его надъ злымъ. А для содѣйствія доброму началу предполагается въ человѣкѣ дѣятельная воля; ему вмѣняется въ обязанность свободное расположеніе къ добру. Такимъ образомъ, эти основныя религіозныя понятія удѣляютъ Персу честь какого-то свободного положенія между двумя началами, правящими міромъ и возможность — быть самому виновникомъ своей участи, отъ чего могъ развиться въ послѣдствіи рыцарскій характеръ персидскихъ героевъ, воспѣтый въ ихъ фантастическихъ поэмахъ. Съ этими же религіозными понятіями находится въ связи и особенный характеръ воспитанія у этого народа. Оно направлено къ осуществленію интересовъ не жреческой касты, но царя и подчиненнаго ему народа, и можетъ быть названо не кастическимъ, но народнымъ. Такъ-какъ царь Персовъ есть земной представитель добраго начала, то каждый

подданный долженъ дѣятельно способствовать своему владыкѣ въ борьбѣ его со злымъ началомъ. Въ періодъ воспитанія каждый Персъ долженъ былъ навькнуть не только говорить и дѣлать правду, ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука, храбро сражаться, но и истреблять все, чѣмъ обнаруживается, по представленію Персовъ, злое начало въ этомъ мірѣ, — въ мірѣ нравственномъ — другіе, враждебныя Персамъ народы, въ природѣ — все вредоносное. Этотъ дѣятельный характеръ воспитанія древнихъ Персовъ много, быть можетъ, зависѣлъ отъ частыхъ переходовъ ихъ съ одного мѣста на другое и отъ иноземнаго происхожденія ихъ жрецовъ. Жрецы у древнихъ Персовъ были индѣйскаго происхожденія, а потому, хотя они хранили древніе законы Зороастра, окружали царей, были народными учителями, однако же, по причинѣ иноземнаго происхожденія, не могли совершенно подчинить народъ своимъ частнымъ, кастическимъ видамъ.

О воспитаніи у древнихъ Персовъ мы имѣемъ свидѣтельства трехъ греческихъ историковъ — Геродота, Страбона и Ксенофонта.

Семейная жизнь этого народа, по изображенію Геродота (27), была совершенно восточная. Подобно другимъ восточнымъ народамъ Персы смотрѣли на бракъ только съ чувственной точки зрѣнія, какъ на средство — имѣть большее количество дѣтей, что придавало даже особенное значеніе главѣ семейства. Самъ царь ежегодно раздавалъ награды отцамъ, у которыхъ было многочисленное семейство. Отцы пользовались исключительною властію въ семей-

ствѣ, между тѣмъ жены, несмотря на то, что многоженство было ограничено нѣкоторыми условіями, не имѣли значенія, приличнаго ихъ полу. Жена была рабски подчинена мужу, и должна была благоговѣть предъ нимъ, какъ предъ высшимъ существомъ. Дѣти до 5-ти или 6-ти лѣтъ были удалены отъ отца и вся забота объ ихъ воспитаніи лежала на матери. И однако же несмотря на это участіе матери въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, въ одной молитвѣ о скрѣпленіи разныхъ союзовъ между людьми — между мужемъ и женою, учителемъ и ученикомъ, отцемъ и дѣтьми, братьями и сестрами, ничего не говорится о обязанностяхъ сыновей въ отношеніи къ матерямъ. Это молчаніе не случайное; оно указываетъ на унижительное положеніе матери въ семейномъ быту Персовъ. На седьмомъ году дѣти выходили изъ-подъ руководства матери и получали воспитаніе, общее съ дѣтьми другихъ семействъ, подъ надзоромъ отцовъ. Тогда же начиналось обученіе. Учителями бывали или сами отцы, или другія лица, свѣдушія и достойныя уваженія по своимъ лѣтамъ и честному поведенію. Впрочемъ, воспитаніе дѣтей у Персовъ, по самому образу ихъ жизни, было очень просто. О продолжительности педагогическаго руководства греческіе писатели разногласятъ. По Геродоту оно продолжалось до 20-ти, по Страбону — до 24-хъ лѣтъ, а изъ словъ Ксенофонта можно заключать, что древніе Персы почти во всю жизнь не выходили изъ-подъ педагогическихъ правилъ жизни (28).

Педагогическая дисциплина въ первые годы дѣтства была довольно снисходительна. До четырехъ лѣтъ счита-

лось неумѣстнымъ бить или стращать дѣтей. Даже до осьми лѣтъ не смотрѣли на поступки дѣтей, какъ на вину и, ради дѣтства, прощали имъ самыяважныя нарушенія правилъ домашняго быта. Но съ осьми лѣтъ начинали обучать дѣтей обрядамъ и молитвамъ; на пятнадцатомъ году дѣти должны были изучать отечественные законы.

Физическое воспитаніе было направлено къ тому, чтобы приучить молодыхъ дѣтей къ простотѣ жизни и развить ловкость въ нѣкоторыхъ родахъ воинской гимнастики. Мы уже имѣли случай сказать, что древніе Персы особенно уважали верховую ѣзду и искусство стрѣлять изъ лука; но гимнастика въ обширномъ смыслѣ, каковую мы увидимъ потомъ у Грековъ, не извѣстна была Персамъ. Геродотъ упоминаетъ еще объ одномъ обычаѣ у древнихъ Персовъ несообразномъ съ цѣлю физическаго воспитанія: дѣти у нихъ всегда имѣли покрытую голову и оттого головной черепъ у Персовъ, по словамъ этого историка, былъ гораздо мягче, нежели у Египтянъ. По этому признаку иногда различали трупы убитыхъ Персовъ и Египтянъ послѣ сраженій (29).

Нравственное воспитаніе не имѣло у Персовъ отвлеченнаго, гимнософистическаго характера, господствовавшаго у поклонниковъ Брамъ и Будды, но было направлено къ дѣйствительности, къ развитію правдивой дѣятельности въ отношеніи къ другимъ. Въ періодъ воспитанія молодой Персъ долженъ былъ навъкнуть — избѣгать лжи и говорить правду; ложь онъ долженъ былъ считать для себя самымъ большимъ безчестіемъ; въ отношеніи къ

другому полу — долженъ былъ соблюдать самое строгое и безукоризненное поведеніе.

Кругъ предметовъ, относившихся къ обученію, у Персовъ былъ ограниченнѣе, нежели у другихъ восточныхъ народовъ, замѣчательныхъ въ исторіи педагогій. Оно состояло изъ чтенія, письма, вѣроученія и обрядовъ богопоклоненія. Главными учителями, по крайней мѣрѣ, въ вѣроученіи и обрядахъ религіозныхъ, были Маги или жрецы. Обязанности учениковъ въ отношеніи къ нимъ, подобно какъ и въ Индіи къ Браминамъ, были чрезвычайно велики; они пользовались такимъ же, или еще бѣльшимъ уваженіемъ, нежели отцы въ семействѣ. Когда воспитанникъ пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ вѣроученіи и обрядахъ религіозныхъ — что должно было окончиться на пятнадцатомъ или шестнадцатомъ году — тогда его возводили въ званіе нозади, или члена націи. Сословіе Маговъ заключало въ себѣ три ступени — гербедъ, мобедъ и дестуръ-мобедъ, изъ коихъ высшей нельзя было достигнуть не проходя предварительно низшихъ. Подобная тройственность ступеней въ образованіи челоука часто повторяется въ исторіи воспитанія; она основывается на природѣ самаго развитія нашего духа. Не смотря впрочемъ на эту постепенность классовъ въ сословіи Маговъ, неразлучную конечно и съ какою-нибудь постепенностію во внутреннемъ развитіи, они не извѣстны особенными свѣдѣніями, и въ этомъ отношеніи далеко уступаютъ жрецамъ Индіи и Египта.

Ксенофонтъ подробнѣе описываетъ воспитаніе у древ-

нихъ Персовъ въ своей Киропедіи (30). Трудно только рѣшить, до какой степени его описаніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности: изображаетъ ли онъ народное воспитаніе такъ точно, какъ наблюдалъ его спустя два поколѣнія послѣ Геродота, или въ этомъ описаніи вѣрны только немногія основныя черты, а остальное прибавлено для соотвѣтствія его собственному идеалу воспитанія, составленному на почвѣ греческой. Если допустимъ послѣднее, то и въ этомъ случаѣ персидское воспитаніе имѣетъ значительныя достоинства по своей послѣдовательности, практическому направленію, требовавшему героической энергіи воли и особенно по своей связи съ назначеніемъ цѣлюй націи, несмотря на то, что въ самомъ понятіи объ этомъ назначеніи есть обыкновенная односторонность, свойственная древнимъ, и особенно восточнымъ народамъ.

„Въ дѣлѣ воспитанія“, говоритъ Ксенофонтъ, „Персы слѣдуютъ иному способу, нежели другіе народы. По законамъ персидскимъ воспитаніе должно быть направлено ко благу цѣлаго государства. Въ другихъ государствахъ позволяютъ воспитывать дѣтей, какъ угодно, и юношамъ не запрещаютъ дѣлать, что угодно; впоследствии же времени наказываютъ ихъ за преступленія. Но по персидскимъ обычаямъ сперва стараются такъ воспитать своихъ гражданъ, чтобы заранѣе предотвратить ихъ отъ дурныхъ наклонностей и слѣлать добрыми членами общества. Съ этою цѣлю у Персовъ такъ поступаютъ: на большой площади, отъ которой устраниютъ торговцевъ и все, что можетъ нарушить порядокъ, устроены четыре публичныя

зданія, даже самая площадь раздѣлена на 4 части: одна для мальчиковъ, другая для юношей (*ἔφηβοι*), третья для мужей, (*τελειῶται*), а четвертая для тѣхъ, которые пережили уже лѣта военной службы. Каждый классъ собирается въ назначенное время на свое мѣсто, мальчики, юноши и мужи съ разсвѣтомъ, а пожилые—когда могутъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дней, когда они должны быть непременно. Каждый изъ этихъ классовъ или отдѣлений имѣетъ двѣнадцать начальниковъ. Начальниками дѣтей бываютъ тѣ, у кого собственныя дѣти хорошо воспитаны; они же завѣдываютъ и юношами. Отдѣленіе мужей подчиняется тѣмъ, которые наиболѣе сознаютъ авторитетъ закона, а стариками завѣдываютъ лица, совѣстливѣе другихъ исполняющія свои обязанности. Въ школахъ мальчики занимаются изученіемъ правосудія; провинившихся подвергаютъ наказанію; наказываютъ также ложныхъ доносчиковъ и неблагодарныхъ; потому что неблагодарные забываютъ, по мнѣнію Персовъ, и боговъ, и родителей, и друзей; они не знаютъ стыда, а безстыдство отворяетъ дверь всѣмъ другимъ порокамъ. Персы образуютъ молодыхъ людей съ здравымъ духомъ и тѣломъ (*σωφροσύνη*), научая ихъ особенно добрыми примѣрами старшихъ, повиновеніе которымъ также стараются внушить во время воспитанія. Наконецъ, чтобы приучить дѣтей къ воздержности, даютъ имъ кушать только у учителей и подъ ихъ надзоромъ. Кушанье ихъ заключается въ хлѣбъ и малости зелени. То и другое дѣти приносятъ съ собою изъ дому; пьютъ только воду, и сами ходятъ за нею къ рѣкѣ. На послѣдокъ, они учатся владѣть

лукомъ и дротикомъ. На семнадцатомъ или осьмнадцатомъ году дѣти поступаютъ въ разрядъ ефебовъ, и въ продолженіе слѣдующихъ десяти лѣтъ проводятъ ночи возлѣ публичныхъ зданій, для охраненія города и нравственности его жителей. Въ этомъ возрастѣ предосторожность и заботливость о воспитанникахъ всего необходимѣе. Въ продолженіе дня они обязаны дѣлать все, чего требуютъ ихъ начальники. Они сопровождаютъ цари на охотѣ по отдѣленіямъ: это упражненіе принято у нихъ, какъ лучший способъ приготовленія къ войнѣ. Во время охоты юноши приучаются вставать рано, переносить холодъ и жаръ, ходить, бѣгать, и приобрѣтаютъ мужество, имѣя случаи или нападать на дикаго звѣря, или защищаться отъ него. Въ продолженіе охоты пища ихъ также умѣренна, какъ и въ обыкновенное время; они питаются частію дичи, ими же пойманной, или убитой. Ефебы, оставшіеся въ городѣ, стрѣляютъ изъ лука, бросаютъ дротики, борются,—и побѣдителя или превозносятъ похвалами, или, въ знакъ награды, употребляютъ на дѣла болѣе значительныя. Спустя 10-ть лѣтъ ефебы поступаютъ въ число мужей. Съ этого времени они обязаны въ продолженіе 25-ти лѣтъ исполнять всѣ должности, требующія способностей и свѣдѣній. На войнѣ они употребляютъ уже не лукъ, а копье и другое оружіе, болѣе годное въ борьбѣ человѣка съ человѣкомъ, какъ-то, латы, щитъ и мечъ. По окончаніи этого періода они поступаютъ въ отдѣленіе пожилыхъ людей, на войну уже не ходятъ, но обсуживаютъ дѣла общественныя и частныя. Законъ никого не устраниваетъ отъ почестей и достоинствъ;

каждый может посылать своих дѣтей въ школы; но чаще посылаютъ только тѣ, которые сами могутъ кормить ихъ и обойтись безъ ихъ помощи. Кто получилъ это общественное воспитаніе, тотъ принимается въ число ефебовъ; другіе лишаются этой чести. То же самое правило соблюдается въ отношеніи къ преимуществамъ взрослыхъ и стариковъ. Таковъ расказъ Ксенофонта о воспитаніи у древникъ Персовъ. Въ какомъ бы смыслѣ мы ни принимали этотъ расказъ, во всякомъ случаѣ со временъ Александра Македонскаго оно не имѣетъ значенія для исторіи педагогіи. Платонъ говоритъ, что даже послѣ Кира древнее — простое и патріархальное воспитаніе измѣнилось у Персовъ отъ сближенія съ Мидянами и подражанія ихъ измѣненнымъ нравамъ (31).

Персами оканчивается историческое развитіе воспитанія у восточныхъ языческихъ народовъ. Заря другаго, высшаго его развитія восходитъ на горизонтѣ другихъ, образованныхъ народовъ древняго міра: это были Греки и Римляне.

У Грековъ, а вслѣдъ за ними и у Римлянъ, впервые является самостоятельное стремленіе къ развитію своихъ внутреннихъ и вѣшнихъ силъ въ связи съ усовершеніемъ и жизни общественной. Подъ вліяніемъ этого стремленія у нихъ гораздо яснѣе обрисовывается уже сознаніе необходимости воспитанія, да и самое воспитаніе на дѣлѣ принимаетъ лучшее направленіе и обширнѣйшее развитіе. У того и другаго народа воспитаніе имѣетъ характеръ индивидуальный; оно должно было образовать индивиду-

альныя силы каждаго гражданина; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же должно было развить въ сознаниі каждаго стремленіе къ общему идеалу совершенства, котораго требовала ихъ общественная жизнь. Таковъ общій характеръ воспитанія у обоихъ народовъ классической древности, по крайней мѣрѣ въ цвѣтущую пору ихъ политической жизни. Но есть между ними и различіе въ дѣлѣ воспитанія. Греки при воспитаніи дѣтей имѣли въ виду преимущественно эстетическое совершенство, пластическую гармонію между внутреннимъ и внѣшнимъ развитіемъ челоуѣка, ради самой гармоніи, не обращая особеннаго вниманія на частныя, практическія цѣли. Даже нравственное совершенство должно было итти у нихъ объ-руку съ внѣшнею красотою. Напротивъ у Римлянъ воспитаніе всегда было направлено къ практическимъ цѣлямъ, которыя поглощались одною главною идеею—идею господства надъ другими народами. У Грековъ, и въ особенности у Аѳинянъ, какъ представителей ихъ образованія, воспитаніе было самостоятельное, многостороннее, а въ воспитаніи Римлянъ было много заимствованнаго, односторонняго.

Изложимъ теперь составъ и ходъ педагогій у этихъ обоихъ народовъ. Начнемъ съ Грековъ.

Въ историческомъ развитіи воспитанія у древнихъ Грековъ можно различать три періода: къ первому періоду относятся героическія времена, ко второму—цвѣтущее время греческой жизни и систематическаго воспитанія; къ третьему—упадокъ жизни политической и перевѣсъ софистики въ наукѣ и въ жизни.

Въ героическія времена во спитаніе у Грековъ было еще такъ-же просто и немногосложно, какъ проста и безъискусвенна была самая жизнь ихъ. Но въ счастливомъ природномъ настроеніи Грековъ былъ уже отчасти зародышь той полноты, того изящества, къ которому потомъ направлено было воспитаніе греческое.

Семейная жизнь служить первою, какъ-бы естественною опорою нравственнаго развитія. Греки чувствовали эту важность семейной жизни еще въ древнія времена: живое и трогательное изображеніе этого чувства представляютъ многія мѣста Илиады Гомера. Они простирали свое сознаніе внутренней связи между родителями и дѣтьми до того, что видѣли не только въ нравственныхъ свойствахъ отца, но и въ кормѣ матери важное условіе нравственныхъ качествъ дѣтей (32). И счастье родителей измѣрялось у нихъ не количествомъ, но прекрасными качествами дѣтей.

Совмѣстное воспитаніе нѣсколькихъ дѣтей разныхъ семействъ Греки признавали полезнымъ еще во времена героическія: имъ развивалась дружба между молодыми людьми—будущими героями, а чувство дружбы есть уже дальнѣйшее проявленіе той общительности между людьми, которой начало, частію физическое, частію нравственное, заключается въ семействѣ. Прекрасными примѣрами подобнаго чувства дружбы могутъ быть: Патроклъ и Ахиллъ, Орестъ и Пиладь (33).

Естественно, что кругъ обученія въ эти отдаленныя времена былъ очень ограниченъ,—когда главною школою была жизнь и опытность, когда наиболѣе уважалась физи-

ческая крѣпость и привычка ко всеѣмъ превратностямъ стихій. Даже въ то время, когда древніе Греки отказались отъ сухопутныхъ и морскихъ набѣговъ, когда они ознакомились съ правильною войною, постояннымъ приготовленіемъ къ войнѣ, были гимнастическія упражненія и охота. Отъ всякаго героя преимущественно требовалось умѣнье владѣть оружіемъ, ловкость въ сраженіи и единоборствѣ; кромѣ того много уважалось еще искусство лѣчить раны. Но не только эта патриархальная медицина, даже гимнастика долго не была предметомъ обученія у древнихъ Грековъ, какъ замѣчаетъ Галенъ (34). По его словамъ, самое слово гимнастика не было извѣстно имъ во времена Гомера. Они умѣли еще хорошо плавать и были искусны въ мореходствѣ, къ чему влекло ихъ самое расположеніе ихъ страны, окруженной моремъ и богатой островами. Въ этомъ отношеніи, Греки самой отдаленной древности были то же, что нынѣ Англичане.

Еще скуднѣе были средства образованія духовнаго; онѣ ограничивались музыкою и пѣснопѣніями въ честь боговъ и героевъ. Но человѣческій характеръ боговъ, близость ихъ къ греческимъ героямъ, любовь къ музыкѣ, заранѣе развивали въ Грекахъ то живое самочувствованіе, ту подвижность ихъ силъ, въ которой было уже сѣмя будущей блестящей образованности (35). Объ обученіи чтенію и письму нигдѣ не упоминается у Гомера. Даже нѣтъ историческихъ слѣдовъ, чтобы письмена были извѣстны во Фракіи, откуда произошло древнее греческое образованіе. Если даже предположимъ, что чтеніе и письмо было уже

извѣстно Грекамъ и во времена Гомера, то все-же нужно согласиться, что то и другое было крайнею рѣдкостію. И эта рѣдкость письменныхъ людей много способствовала развитію памяти, чему блистательнымъ доказательствомъ служатъ рапсолисты. Сдѣлать Грека краснорѣчивымъ и дѣятельнымъ—вотъ главная цѣль воспитанія у Грековъ этой отдаленной эпохи, по словамъ Гомера (36). Изъ искусствъ кромѣ пѣнія и музыки Греки любили танцы.

Таково было воспитаніе мужескаго пола. Что касается женскаго пола, то воспитаніе его было гораздо ограниченнѣе; оно не выходило за предѣлы семейной патриархальной жизни. Прясть, ткать, мыть бѣлье—вотъ предметы обученія и занятій для женъ, древнѣйшихъ греческихъ героевъ. Въ такомъ занятіи проводила время Навзика, о которой говорится въ Одиссеѣ. Дочери кромѣ того завѣдывали женскою прислугою и присматривали за дѣтьми. Женщины не пользовались особенною свободою у Грековъ даже въ древнѣйшія времена; только въ сѣверной Греціи напр. въ Тессалии, да въ Критѣ сфера ихъ жизни была не такъ стѣснена, какъ въ остальной Греціи, гдѣ часто послѣ смерти мужа, жена находилась въ зависимости—отъ старшаго сына. И однакоже несмотря на это незавидное положеніе женщины, типъ нѣкотораго изящества проглядываетъ въ самомъ простомъ ея бытѣ. У Гомера онѣ вездѣ проникнуты любовью къ дѣтямъ, глубокою нѣжностію и какою-то женственностію въ словахъ и поступкахъ (37).

Рабы не получали никакого воспитанія; бывали впрочемъ примѣры, что они иногда воспитывались вмѣстѣ съ

дѣтьми своихъ господъ; такъ напр. Евмей былъ воспитанъ вмѣстѣ съ дочерію Лаэрта Ктимоною (38).

Вотъ почти все, что можно сказать въ краткомъ очеркѣ о воспитаніи у Грековъ, въ героическій періодъ ихъ жизни!

Второй періодъ исторіи греческаго воспитанія начинается около того времени, когда неопредѣленная власть предводителей разныхъ племенъ замѣнилась опредѣленными законами и постановленіями государственными, сосредоточившими силы Грековъ и направившими ихъ къ одной сознательной цѣли общественной жизни. Въ этомъ періодѣ греческаго воспитанія можно различать два отдѣльные направленія по двумъ главнымъ племенамъ—дорійскому и іонійскому. Представителями первыхъ были Спартанцы, вторыхъ—Аѣиняне. Доряне отличались отъ Іонянъ и характеромъ и общественнымъ устройствомъ. Въ характерѣ Дорянъ была твердость и постоянство, они были строгихъ нравовъ; въ поэзіи они склонны были къ лиризму; въ наукѣ—къ отвлеченности, къ мистикѣ; въ разговорѣ они любили краткость и сжатость. Частная жизнь Дорянъ до подростовостей была подчинена требованіямъ и формамъ общественнымъ. Іоняне были воспріимчивѣе, быстрѣе; иногда они были легкомысленны, непостоянны. Въ поэзіи они любили болѣе рассказы, эпопею; въ наукѣ обнаруживали или матеріализмъ, или пластическую законченность идеализма; въ бесѣдахъ они были говорливы. Въ частной жизни Іоняне любили роскошь и удовольствія; отъ живаго, избыточнаго сознанія своихъ частныхъ, личныхъ интересовъ, они образовали общественную жизнь, болѣе благо-

приятную индивидуальному развитію; но за то, изъ за личныхъ выгодъ, часто забывали интересы государства. Это различіе между Дорянами и Іонянами отражалось и въ системѣ воспитанія ихъ представителей—Спартанцевъ и Аѳинянь. У Спартанцевъ оно было всецѣло подчинено законамъ общественнымъ и не переступало за предѣлы требованій, которыми ограничивалось ихъ воинственное государство; у Аѳинянь было болѣе простора индивидуальному развитію и стремленію къ идеалу ихъ эстетическаго образованія.

Спарта особенно становится извѣстною современн Ликургова законодательства. Все призваніе древняго Грека исчерпывалось его національнымъ значеніемъ и пластическою гармоніею душевныхъ силъ; но направленіе, данное Ликургомъ спартанскому воспитанію, было еще ограниченнѣе. Онъ дорожилъ только воинскими доблестями и физическимъ развитіемъ. Не отрицаемъ, что спартанское воспитаніе развивало многія прекрасныя качества, напр. мужество, безусловное повиновеніе, честность характера; но оно оставляло безъ вниманія другія потребности человеческой природы какъ матеріальныя, такъ и духовныя—умственные, нравственныя, эстетическія, и такимъ образомъ удерживало ея въ состояніи полудикости.

Имѣя въ виду одиѣ воинскія цѣли, Спартанцы старались только о томъ, чтобы дѣти ихъ были здоровы и крѣпки; съ этою цѣлію они принимали различныя мѣры не только послѣ рожденія, но и до рожденія дѣтей. Но въ неправильномъ убѣжденіи, что недостатокъ тѣлесныхъ совершенствъ не можетъ быть вознагражденъ другими достоинствами въ

жизни общественной и частной, Спартанцы часто оскорбляли этими мѣрами чувство челоѣчества и высшее нравственное значеніе челоѣка. Къ мѣрамъ до рожденія относятся законы противъ старыхъ холостяковъ, противъ раннего замужества дѣвицъ, законъ о бракѣ съ дѣвицею здоровою и тому подобное. Былъ также законъ позволявшій замужней, но бездѣтной женщицѣ вступать временно въ другой бракъ для того, чтобы имѣть дѣтей. Ихъ чувство не оскорблялось этимъ переходомъ; потому что, имъ еще непонятна была полнота сердечной жизни въ бракѣ, вознаграждающая бездѣтность: никто не соблазнился тѣмъ, что дѣти временнаго брака считались отъ перваго и постояннаго брака; потому что, по основной идеѣ Спартанцевъ, дѣти были собственностію общества. Далѣе, къ этимъ же мѣрамъ относятся гимнастическія упражненія съ суровымъ воспитаніемъ женскаго пола и нѣкоторыя особенныя правила супружеской жизни. (39).

Въ связи съ понятіемъ Спартанцевъ о цѣли гражданскаго общества и жизни челоѣческой былъ у нихъ еще одинъ варварскій обычай въ отношеніи къ новорожденнымъ дѣтямъ. Несмотря на всѣ мѣры для рожденія здоровыхъ дѣтей, могли рождаться дѣти слабыя и съ физическими недостатками. Естественно, что такія дѣти не могли быть воинами, не могли, стало быть, по ихъ понятію, имѣть права на существованіе въ обществѣ, потому что Спартанцы не знали другой цѣли челоѣческой жизни, кромѣ воинской. Для лишенія жизни этихъ дѣтей нуженъ былъ только приговоръ старѣйшинъ. Когда совѣтъ старѣйшинъ

рѣшалъ, что новорожденное дитя неспособно быть спар-
танскимъ гражданиномъ, тогда его бросали съ горы Тай-
гета (40). Впрочемъ, это была, кажется, единственная при-
чина, по которой Спарта отказывала въ жизни новорож-
деннымъ дѣтямъ; между тѣмъ какъ въ другихъ греческихъ
государствахъ онѣ были часто умерщвляемы и по другимъ
причинамъ, такъ наиримѣръ, если рождались въ бракъ,
или отъ бѣдныхъ родителей. Особенно часто эта участь
достигала женскій полъ. Къ чести спартанскихъ нравовъ
должно сказать, что у нихъ весьма мало было незаконно-
рожденныхъ, которымъ всего чаще угрожаетъ опасность
остаться безъ воспитанія. Если совѣтъ старѣйшинъ приз-
налъ новорожденное дитя достойнымъ жизни, тогда начи-
налось его воспитаніе. Весь ходъ воспитанія, исключая
развѣ первыхъ лѣтъ, совершался какъ бы въ глазахъ об-
щества и былъ распределенъ съ самою строгою послѣдо-
вательностію по возрастамъ (41).

До семи лѣтъ воспитаніе дѣтей принадлежало роди-
телямъ, особенно матерямъ, имѣвшимъ въ Спартѣ большое
вліяніе. Онѣ одни только, по выраженію Спартанки Горго,
могли раждать мужественныхъ гражданъ. Впрочемъ и отцы
занимались дѣтьми въ первые годы ихъ дѣтства, такъ напр.
Спартанецъ Агезилай однажды для забавы дѣтей своихъ
ѣздилъ вмѣстѣ съ ними на палкѣ верхомъ и нимало не
смѣшался, когда его увидѣлъ въ этомъ занятіи нечаянный
гость. Изъ многихъ примѣровъ видно, что даже няньки и
кормилицы принимали большое участіе въ воспитаніи дѣ-
тей и отличались въ этомъ дѣлѣ особеннымъ усердіемъ и

искусствомъ, такъ что нерѣдко Греки другихъ государствъ, выписывали себѣ нянекъ изъ Лакедемона (42).

Главное вниманіе Спартанцевъ обращено было какъ мы видѣли на физическое воспитаніе. Они употребляли всѣ извѣстныя имъ средства, что бы приучить дѣтей къ терпѣнію, развить крѣпость и свободное движеніе членовъ, не прибѣгая впрочемъ къ механическимъ снарядамъ, которые по словамъ Аристотеля (43) были въ употребленіи у другихъ греческихъ племенъ; приучали дѣтей къ темнотѣ, къ голоду, къ одиночеству и заботились, чтобы дѣти какъ можно рѣже кричали, полагая, что крикъ есть признакъ нетерпѣнія и развиваетъ нетерпѣніе, неприличное Спартанцу. На седьмомъ году начиналось общественное воспитаніе мальчиковъ. Всѣ дѣти гражданъ даже царскія, составляли какъ бы одно семейство; исключеніе допускалось только для прямаго наслѣдника царской власти. Все нужное на расходы, сопряженные съ воспитаніемъ дѣтей, доставляемо было самими родителями. Только тотъ, кто получилъ полное спартанское воспитаніе, поступалъ въ число членовъ правительственнаго совѣта; невоспитанные не имѣли права на общественныя почести. Спартанцы такъ высоко цѣнили свое воспитаніе и такъ были убѣждены въ необходимости его для общественнаго благосостоянія, что чужестранцамъ тогда только давали право гражданства, когда они прошли спартанское воспитаніе, отличая ихъ впрочемъ по національной гордости особеннымъ названіемъ (*τροφίμοι*). Иногда случалось, что и метики, особенный родъ рабовъ, проходили весь курсъ спартанскаго воспита-

нія; тогда, по законамъ Ликурга, и они получали право на общественныя почести. Извѣстные въ исторіи—Калистратидъ, Гилипидъ, Лизандръ были изъ числа такихъ метиковъ.

Всѣ мальчики, поступившіе съ семи-лѣтняго возраста въ кругъ общественнаго воспитанія, раздѣлялись на агелы (группы) и каждая изъ нихъ имѣла особеннаго виагора (руководителя), который долженъ былъ имѣть не менѣе двадцати лѣтъ. Мальчики и юноши кушали обыкновенно въ своихъ агелахъ за общими столами. Тамъ обыкновенно предлагали имъ разные вопросы, чтобы приучить ихъ къ правильнымъ сужденіямъ, къ точнымъ и краткимъ отвѣтамъ.

Пища не только для дѣтей, но и для всѣхъ Спартанцевъ была самая простая. Главнымъ любимымъ кушаньемъ у Спартанцевъ была, такъ называемая, черная похлебка; она приготовлялась изъ чечевицы. Дѣти малолѣтныя и взрослые могли присутствовать и при обѣдахъ своихъ родителей,—эти обѣды для всѣхъ гражданъ были общіе и назывались сисситією; одни возрастные могли сидѣть рядомъ съ родителями; младшіе сидѣли подале и получали только половину порціи. На этихъ сисситіяхъ дѣти должны были приучаться къ практической мудрости своихъ родителей. Когда младшіе входили въ зданіе, гдѣ бывали сисситіи, то старшіе указывая на дверь, обыкновенно говаривали имъ: изъ этой двери не должно выходить ни одно слово. Всѣ дѣти съ началомъ общественнаго воспитанія, спали въ одномъ мѣстѣ и притомъ на камышѣ, собранномъ ихъ собственными руками на берегу рѣки Еврота. Для развитія въ

нихъ суровости и неустрашимости заставляли ихъ ходить ночью въ темнотѣ—безъ фонарей, купаться въ холодной водѣ Еврота, ходить босикомъ, носить легкую одежду. Не только пьянство, но и употребленіе напитковъ строго было воспрещено закономъ. Строгость Спартанцевъ простиралась дотого, что они преслѣдовали даже малѣйшіе признаки изнѣженности. Каждый десять дней осматривали воспитанниковъ и если замѣчали, что кто либо изъ нихъ тучнѣетъ или становится нѣжнымъ, того сѣкли. Говорятъ, что Спартанецъ Навклидъ былъ даже удаленъ изъ отечества за дородность.

Съ двѣнадцатилѣтняго возраста, мальчики ежегодно получали одинъ плащъ и назывались митилами. Съ этого времени дисциплина усиливалась; для достиженія одной главной цѣли воспитанія Спартанцы употребляли средства даже жестокія. Въ праздникъ Артемиды Ортіи, которой приносятся были кровавыя жертвы, мальчиковъ били до крови и случалось иногда, что засѣкали ихъ до смерти. Кто безчувственно переносилъ это испытаніе, того награждали вѣнкомъ.

Восемнадцать лѣтъ воспитаники назывались эфебами. При воспитаніи эфеговъ употреблялись различныя упражненія, чтобы противодѣйствовать страстямъ, развивающимся въ этомъ возрастѣ. Возрастъ эфеговъ продолжался до тридцати лѣтъ. До двадцати лѣтъ эти эфебы назывались меллейренами, а послѣ того ейренами. Когда приближалось время перехода изъ юношескаго возраста въ мужескій, тогда имъ давали названіе сферейевъ. Переходя въ этотъ возрастъ эфебы приносили жертву предъ изваяніемъ Гер-

кулеса на дромосѣ, — такъ называлась въ Спартѣ площадь для гимнастическихъ упражненій, украшенная надгробными памятниками Агидовъ (генерация царей), статуями Диоскуровъ и храмами. Съ такимъ же постоянствомъ преслѣдовали Спартанцы цѣль своего воспитанія и въ этомъ возрастѣ; средства для развитія крѣпости и суровости въ юношахъ получали уже обширѣйшій размѣръ. Къ числу этихъ средствъ, кромѣ гимнастическихъ упражненій, относится охота. Въ этомъ занятіи эфебы часто проводили цѣлые дни и ночи. Но въ двухъ упражненіяхъ эфебовъ особенно выражается грубое направленіе Спартанцевъ, жертвовавшихъ ложно-понимаемому героизму нравственнымъ закономъ и чувствомъ человѣчества. Первое изъ такихъ упражненій есть воровство. Эфебовъ часто заставляли воровски добывать себѣ пищу, и кто былъ пойманъ, того наказывали за оплошность. Другое состояло въ охотѣ съ оружіемъ въ рукахъ за людьми, — за такъ называемыми илотами или рабами.

Главнымъ руководителемъ и начальникомъ воспитанія былъ педономъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и въ своихъ распоряженіяхъ былъ безотвѣтственъ. Отъ него зависѣло распредѣленіе занятій для воспитанниковъ. Впрочемъ и всѣ граждане, даже безъ специальной педагогической должности, принимали участіе въ воспитаніи юношества. Въ силу этого участія каждый гражданинъ могъ напр. спросить юношу, попавшагося ему на встрѣчу, — отъ куда и куда онъ идетъ? — и если находилъ, что отвѣтъ неудовлетворителенъ, могъ его наказать.

Лучшіе изъ эфебовъ были раздѣлены на три группы, изъ коихъ каждая состояла изъ ста человѣкъ, частію пѣшихъ, а частію конныхъ. Они сопровождали царей во время войны. Отличнѣйшіе изъ нихъ, по выходѣ изъ этой службы, были избираемы для исполненія посольской должности въ продолженіе года. Но во время эфебіи никто не могъ вступать ни въ какія должности въ отечествѣ; эфебамъ не позволено было даже посѣщать народныя собранія, и если кто либо изъ нихъ имѣлъ тяжбыя дѣла, то долженъ былъ поручать ходатайство роднымъ или знакомымъ.

Несмотря на постоянную близость другъ къ другу всѣхъ членовъ спартанскаго государства, старцы всегда пользовались особеннымъ уваженіемъ, такъ что другіе Греки говаривали, что въ Спартѣ только пріятно быть старцемъ. Наибольшими почестями и уваженіемъ между савонниками пользовались геронты—члены герусіи. На нихъ всѣ смотрѣли, какъ на образцы гражданскихъ доблестей.

Воспитаніе женщинъ у Спартанцевъ, несмотря на всю его ограниченность, также соотвѣтствовало общему характеру ихъ общественной жизни и отличалось отъ воспитанія женскаго пола у другихъ племенъ гречестихъ.

Хотя занятія женщины ограничивались только кругомъ семейной жизни, но дѣвицы пользовались въ Спартѣ значительною свободою. И для нихъ были гимнасіи, гдѣ въ легкой одеждѣ, раздѣляясь на группы по возрасту, онѣ занимались нѣкоторыми гимнастическими упражненіями. Нерѣдко эти игры происходили у нихъ вмѣстѣ съ юношами,—и такъ могущественно было спартанское чувство при-

личія и уваженія къ законамъ, что подобное сближеніе двухъ половъ, не вело ни къ какимъ предосудительнымъ послѣдствіямъ. Цѣлю подобныхъ гимнастическихъ упражненій для дѣвицъ было укрѣпленіе ихъ силъ, которое потомъ могло бы перейти и къ ихъ дѣтямъ. Кромѣ того дѣвицы могли присутствовать при гимнастическихъ упражненіяхъ мущицъ, могли ходить не покрывая лица съ мущинами по улицамъ, между тѣмъ какъ жизнь замужнихъ женщинъ была ограничена только кругомъ семейства. Были даже особенные чиновники—гармосины, наблюдавшіе за ихъ нравственностію.

Прочности спартанской дисциплины много пособляли предохранительныя мѣры, противъ вреднаго иноземнаго вліянія на юношество. Чтобы сильнѣе внушить ему любовь къ отечеству и ко всему отечественному, запрещено было выѣзжать изъ отечества до тѣхъ поръ, пока зрѣлость возраста и убѣжденій не ослабитъ безотчетной юношеской восприимчивости. Даже иностранцы по этой причинѣ съ трудомъ могли оставаться въ предѣлахъ спартанскаго государства. Таково было физическое и нравственное воспитаніе у Спартанцевъ.

По самой идеѣ ихъ воспитанія уже можно заключать, что обученіе юношества въ Спартѣ не могло быть обширно. Все образованіе греческое вообще состояло изъ музыки и гимнастики (*εὐχύχλιος παιδεία*). Подъ именемъ музыки Греки разумѣли все духовное образованіе; но какъ Спартанцы пренебрегали науками и искусствами, за исключеніемъ игры на нѣкоторыхъ инстру-

ментахъ и нѣкоторыхъ родовъ поэзіи, то и духовное образованіе было ихъ самое ограниченное.

Спартанцы уважали музыку, какъ лучшее средство для возбужденія героизма и любви къ отечеству, а въ любви къ отечеству, въ воинскомъ героизмѣ сосредоточивалось у нихъ все нравственное, внутреннее настроеніе духа. Какъ и все воспитаніе, обученіе музыкѣ было направлено къ одной цѣли—ко благу ихъ воинскаго государства. Музыка имѣла у Спартанцевъ характеръ общественный; она сопровождала ихъ въ религіозныхъ торжествахъ. Поэтому они не только обучали молодыхъ людей музыкѣ, но и строго наблюдали, чтобы въ напѣвахъ не было никакихъ нововведеній, противныхъ ея національному духу. Терпандръ китаристъ былъ наказанъ денежною пеней за то, что осмѣлился прибавить одну струну къ своему инструменту, и цитра его была выставлена на позоръ въ публичномъ мѣстѣ. Только въ послѣдствіи, когда спартанскіе нравы утратили прежнюю строгость и простоту, измѣнился и характеръ спартанской музыки.

Несмотря на все равнодушіе Спартанцевъ къ наукамъ и искусствамъ, воспитаніе дѣтей было одушевлено у нихъ высокою цѣлю. Ихъ Образованіе должно было состоять въ повиновеніи законамъ, въ перенесеніи трудовъ, въ воинскихъ подвигахъ, въ побѣдѣ или смерти для блага отечества; а науки и искусства, по убѣжденію Спартанцевъ, не только не благоприятствуютъ этой цѣли, но напротивъ вредятъ ей. Одинъ аѳинскій ораторъ порицалъ Лакедемонянъ за невѣжество: да, отвѣчали они, это правда; за тоже мы одни изъ всѣхъ

Грековъ не выучились у Аѳинянъ ничему дурному. Между тѣмъ таково свойство музыки, что она ведетъ къ поэзіи; звуки музыкальнаго инструмента располагають къ произношенію текста, соотвѣтственнаго этимъ звукамъ. Естественно поэтому, что несмотря на все равнодушіе къ умственному образованію, Спартанцы обращали нѣкоторое вниманіе во время воспитанія на поэзію или, по крайней мѣрѣ, на извѣстные роды поэтическихъ произведеній. Особеннымъ уваженіемъ пользовались у нихъ стихотворенія Гомера и пѣсни въ честь падшихъ героевъ. Кромѣ того законы и практическія изреченія мудрецовъ, изложенныя стихотворнымъ размѣромъ произносимы были пѣвучею рѣчью, подъ звуки музыкальнаго инструмента. Читеніемъ и письмомъ Спартанцы весьма мало занимались; такова была простота ихъ жизни, что эти первоначальные предметы обученія даже во времена Исократы многимъ изъ нихъ не были извѣстны, несмотря на всю ихъ малочисленность. Хотя Платонъ и Плутархъ говорятъ, что Ликургъ любилъ геометрію, однакоже извѣстно, что многіе изъ Спартанцевъ едва умѣли считать. При недостаткѣ образованія они не могли усовершенствоваться и своего нарѣчія; оно осталось въ своей первоначальной простотѣ. Даже частыя сношенія съ другими образованными греческими государствами, не вызывали въ нихъ соревнованія и охоты къ усвоенію преимуществъ образованія. Когда ихъ свѣдѣнія оказывались недостаточными къ рѣшенію какихъ нибудь важныхъ дѣлъ, тогда они или совѣтовались съ оракуломъ Аполлона, или выписывали свѣдующихъ людей на время изъ другаго образованнаго

греческаго государства, вовсе не заботясь о томъ, чтобы усвоить себѣ свѣдѣнія этихъ пришельцевъ. До какой степени простиралась эта непроницаемость спартанской нации, видно изъ того, что софисты, несмотря на всю свою вкрадчивость, не успѣли утвердиться въ Спартѣ и не могли рассчитывать на карманы Спартанцевъ. Во всей исторіи греческаго образованія весьма немного встрѣчается мужей лакедемонскаго происхожденія, да и тѣ немногіе большею частию относятся къ позднѣйшему періоду спартанскаго государства.

Гимнастика, появившаяся у Дорянъ прежде нежели у другихъ племенъ греческихъ, составляла другой и притомъ главный предметъ обученія у Спартанцевъ. Сначала цѣлю гимнастическихъ упражненій у Спартанцевъ было только стройное развитіе тѣла, а не грубая чувственная сила и твердость атлетовъ. Но отъ равнодушія къ внутреннему образованію самая гимнастика получила у нихъ иное направленіе, нежели у Юнянъ. По свидѣтельству Аристотеля, Спартанцы потеряли изъ виду мѣру въ развитіи тѣлесныхъ силъ гимнастическими упражненіями; старались о развитіи грубой матеріальной силы, не обращая вниманія на гибкость и разнообразіе тѣлодвиженій, нужныхъ для достиженія разныхъ цѣлей жизни. Однажды Лакедемонянинъ Лизандръ боролся съ другимъ искуснымъ борцомъ, и былъ имъ побѣжденъ. Когда спросили, что доставило побѣду его противнику, то онъ отвѣчалъ: гибкость и ловкость разнообразныхъ движеній.

Въ самыя древнія времена были у дорійскаго племе-

ни—сперва въ Критѣ, а потомъ въ Спартѣ,—особыя мѣста и зданія, назначенныя для гимнастическихъ упражненій. Отъ нихъ произошло самое имя гимнасій, или такихъ строеній, гдѣ, по Платону; (44) занимались гимнастикой въ обнаженномъ видѣ. Скоро этотъ родъ гимнастическихъ упражненій, гармонировавшій съ пластическимъ вкусомъ Грековъ, распространился по всей Греціи; но чистота этаго вкуса сохранилась не надолго. Безразличный, наивный въ началѣ взглядъ ихъ на красоту тѣлесныхъ формъ перешелъ потомъ въ самое грубое, сознательное наслажденіе чувственностію.

Въ Спартѣ на площади, называемой „дромось,, было двѣ гимнасії. Не вдалекѣ оттуда была площадь на острову рѣки Еврота, обсаженная пальмовыми деревьями, на которой происходили гимнастическія игры въ видѣ сраженія двухъ партій эфебовъ—ликурговской и геркулесовской. Изваянія обоихъ были на площади близъ гимнасії. Первый былъ апоѳеозою законодательной мудрости, другой—воинскаго мужества. На этихъ играхъ борьба двухъ партій часто доходила до кровавыхъ ранъ. Другая гимнастическая игра была „сферомахія“ или „гаргастонъ.“ Она состояла въ томъ, что двѣ партіи старались завладѣть шаромъ и перебросить его за опредѣленную черту.

Изъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій Спартанцы наименѣе были знакомы съ верховою ѣздой, и при воспитаніи дѣтей наименѣе обращали на нее вниманія. Это происходило частію, быть можетъ, отъ дороговизны лошадей, рѣдко бывшихъ въ употребленіи и въ другихъ грече-

скихъ государствахъ, а частію потому, что при верховой ѣздѣ, по словамъ Аристотеля, доступной не многимъ, богатымъ, одинаковое воспитаніе всѣхъ гражданъ было бы невозможно (45).

За успѣхи въ гимнастическихъ упражненіяхъ, за побѣду на гимнастическихъ играхъ были установлены (въ седьмую олімпіаду) награды, но самыя простыя, именно вѣнки; потому что Греки тѣхъ время, по свидѣтельству позднѣйшихъ писателей, подвизались не изъ-за денегъ, но по доблестному чувству чести. Для присужденія этихъ наградъ были особые чиновники бидіен—называвшіеся такъ отъ зданія на рынкѣ, въ которомъ они собирались.

Танцы, соединяющіе въ себѣ внутреннее настроеніе съ тѣлодвиженіями или музыку и гимнастику, также составляли одинъ изъ существенныхъ предметовъ обученія у Спартянцевъ,—и какъ все воспитаніе у нихъ было въ тѣсной связи съ общественнымъ устройствомъ и религіею, то и танцы имѣли не только педагогическое, но общественное и религіозное значеніе. Даже у Аркадянъ, грубыхъ горныхъ жителей, танцы были такъ уважаемы, что имъ обучали на общественный счетъ (46).

Таково было воспитаніе въ древней Спартѣ. Весь ходъ его и всѣ его правила вытекали изъ цѣлаго общественнаго состава, и на оборотъ всѣ его отправления были направлены къ одной цѣли,—къ сохраненію гармоніи и крѣпости общественной жизни. Никто въ дѣлѣ воспитанія не преслѣдовалъ какой либо частной цѣли, особенно же несогласной съ духомъ общества. Этой живой гармоніи

воспитанія съ цѣлями общества, живому сочувствію зрѣлыхъ къ молодому поколѣнію и, наоборотъ, глубокому уваженію питомцевъ къ авторитету, къ представителямъ государственной власти, къ сѣдовласой старости, къ отцамъ и матерямъ семействъ Спарта обязана своимъ долговременнымъ существованіемъ, несмотря на всю переменчивость въ судьбѣ многихъ ея соплеменниковъ. Воспитаніемъ сохранялось то глубокое, неразрывное единство всѣхъ и cadaго въ одномъ чувствѣ преданности отечественнымъ законамъ, которымъ Спарта отличалась предъ всѣми другими государствами греческими. И не за эти ли высокія черты въ жизни Спартанцевъ величайшій мудрецъ древности сказалъ, что они знаютъ истинную мудрость, хотя они вовсе не занимались ни философіею, ни другими науками? Гармонія ихъ личнаго настроенія и развитія съ общимъ порядкомъ государственной жизни не была ли въ нѣкоторомъ отношеніи отраженіемъ той же гармоніи, которая требуется истинною мудростію между индивидуальнымъ разумѣніемъ и законами истины, между нашею волею и законами правды?

Инымъ духомъ отличается воспитаніе юношества у Аѳинянъ, представителей іонійскаго племени и, можно сказать, всего образованія классической древности.

Спартанское воспитаніе дышало одною воинственностію; у Аѳинянъ оно направлено было къ гражданскому образованію вообще, какое было только возможно въ ихъ время; у Спартанцевъ воспитаніе и образованіе не знало цѣлей частныхъ, отдѣльныхъ отъ ихъ воинственнаго об-

щества; у Аѳинянъ, при ихъ стремленіи къ полному виѣшнему и внутреннему образованію, оно во многомъ зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія и произвола. Пока Аѳиняне одушевлены были идеаломъ своей калокагаѳіи, любовію къ общему благу, этотъ просторъ, предоставленный индивидуальному развитію, имѣлъ нѣкоторыя добрыя слѣдствія; ему обязаны Аѳиняне славою первенства въ древнемъ образованномъ мірѣ; но потомъ изъ него же произошелъ упадокъ воспитанія, когда стремленіе къ истинному образованію замѣнилось у нихъ суетностію, тщеславіемъ и личными интересами. Этотъ поворотъ въ исторіи воспитанія и образованія аѳинскаго начинается съ появленіемъ софистовъ.

Аѳинское воспитаніе, по крайней мѣрѣ въ цвѣтущей періодъ Аѳинской исторіи, имѣетъ высокое значеніе по своей полнотѣ. Идею совершенства, къ которому должно стремиться истинное воспитаніе, Аѳиняне выражали словомъ *καλοκαγαθία, ὑγεία, σωφροσύνη*, что означаетъ здоровое состояніе души и тѣла, постоянную готовность воли къ добру въ соединеніи съ виѣшнею красотою, какъ выраженіемъ красоты внутренней. Аѳиняне, равно какъ и прочіе Греки, а за ними и Римляне, не имѣли еще высокаго понятія о значеніи духа въ сравненіи съ чувственною природою въ насъ и виѣ насъ, ни о высшей духовной нравственности, требующей самоотреченія, сопряженной съ подвигами внутренняго обновленія. Для нихъ непосредственная, пластическая гармонія души и тѣла составляла верхъ челоуѣческаго совершенства, идеаль и цѣль воспитанія. Аѳиняне служатъ главными представителями эстетическаго воспитанія.

Опредѣленный духъ аѳинскаго воспитанія и образованія началъ обнаруживаться со времени Дракона и Солона. Оба они обращали особенное вниманіе на здравомысліе (*σωφροσύνη*) и благоприличіе (*εὐχολομία*) въ поведеніи юношества и въ частности опредѣлили, какъ воспитывать и чему обучать дѣтей. Но Солонъ имѣетъ особенное значеніе въ исторіи аѳинскаго воспитанія своими преобразованіями въ законахъ Дракона, болѣе сообразными съ духомъ Аѳинянъ. Безъ сомнѣнія, и прежде правительство не могло по временамъ не обращать вниманія на воспитаніе. Покрайней мѣрѣ на основаніи нѣкоторыхъ примѣровъ можно полагать, что Ареопагъ (высшее судилище аѳинское) наблюдалъ, какую молодые люди ведутъ жизнь, и какими средствами снискиваютъ себѣ пропитаніе. Но въ точности педагогическое вліяніе Ареопага неизвѣстно (47).

Кромѣ гармонической полноты была другая отличительная черта въ аѳинскомъ воспитаніи. Въ Спартѣ не было и не могло быть частнаго или семейнаго воспитанія; потому что тамъ почти не было частнаго или гражданскаго права, и образъ жизни всѣхъ гражданъ былъ подведенъ подъ одиѣ правила, установленныя законами. Спартанское правительство не только наблюдало за воспитаніемъ молодыхъ людей, но и предписывало до подробностей постепенный порядокъ и правила воспитанія. Въ Аѳинахъ предоставлено было болѣе свободы частной жизни гражданъ и воспитанію юношества. Солонъ сознавалъ важность воспитанія для общественнаго благосостоянія и въ его за-

конахъ опредѣлено, какъ должно воспитывать и чему должно обучать юношество; но участіе самаго общества въ дѣль воспитанія было только отрицательное: общество наблюдало только, чтобы начала образованія юношества не противорѣчили законамъ отечественнымъ; самое же выполнение воспитанія зависѣло отъ частныхъ усилій, отъ состоянія и степени воспитанія гражданъ. Далѣе въ Спартѣ отношеніе юношества и гражданъ къ обществу состояло въ безусловномъ повиновеніи, и вліяніе общества не только на юношество, но и на всѣхъ гражданъ постоянно было почти педагогическое; а въ Аѣинахъ не возбранено было гражданину стремленіе къ самостоятельному образованію— и періодъ этой самостоятельности рано наступалъ въ его жизни.

Исходное начало воспитанія—въ семействѣ, а потому характеръ семейной жизни Аѣинянъ, взаимное отношеніе между родителями и дѣтьми, отражается и въ воспитаніи.

Женскій полъ у Аѣинянъ пользовался гораздо меньшимъ значеніемъ, нежели у Спартацевъ, надъ которыми, по свидѣтельству древнихъ, жены часто имѣли излишнюю власть въ семейной жизни. Особенно ограничено было положеніе дѣвицъ. Все образованіе женскаго пола, за исключеніемъ нѣкоторыхъ высшихъ семействъ, заключалось только въ домашнихъ рукодѣльяхъ. Нравственное достоинство женщины, по понятію Аѣинянъ, было тѣмъ выше, чѣмъ меньше она извѣстна была за предѣлами своего семейства: мы тѣмъ болѣе уважаемъ женщину, говоритъ Периклъ, чѣмъ меньше она извѣстна (48). А тамъ,

гдѣ женщина не имѣетъ нравственнаго значенія, личнаго ея полу, она не можетъ имѣть и полного нравственнаго вліянія на дѣтей, отъ котораго весьма часто зависитъ все дальнѣйшее ихъ направленіе; дѣти лишены въ такомъ случаѣ перваго проводника нравственныхъ помысловъ и чувствованій. Кромѣ того, раздоры между мужьями и ихъ богатыми женами, а потомъ умноженіе гетеръ, наглость ихъ и открытость цинической жизни, бросающаяся въ глаза въ сравненіи съ одинокимъ, безотвѣтнымъ положеніемъ матери семейства, все это вредно дѣйствовало въ послѣдствіи и на нравственность народную (49). Состояніе женщины въ Аѳинахъ не могло быть безъ вреднаго вліянія на дѣтей даже въ физическомъ отношеніи. Ведя однообразную жизнь въ гинекеѣ, лишенная нравственной жизни, движенія и развлеченій, необходимыхъ для здоровья, аѳинская женщина передавала сѣмя изнѣженности и своимъ дѣтямъ. Въ одинокомъ семейномъ заключеніи имъ оставалось искать развлеченія и занятія своей изобрѣтательности только въ нарядахъ и косметическихъ украшеніяхъ, — жалкое вознагражденіе гаремныхъ затворницъ востока, за потерю нравственнаго значенія въ общежитіи обреченныхъ только на животное угожденіе прихотливому вкусу деспота — мужчины!

Время вступленія въ бракъ не было у Аѳинянъ такъ строго опредѣлено закономъ, какъ у Спартанцевъ. Мужчину въ двадцать лѣтъ считали совершеннолѣтнимъ, принимали и вписывали въ число гражданъ; стало быть въ это время онъ могъ и жениться. Дѣвушка четырнад-

цати лѣтъ могла уже вступать въ супружество (50).

Не станемъ распространяться о томъ, какъ праздновали Аѳиняне рожденіе дитяти. У всѣхъ народовъ появленіе новаго члена семейства было ознаменовано какими нибудь радостными обрядами. Замѣтимъ только одинъ обычай, бывшій въ употребленіи не только у Аѳинянъ, но, въ такомъ или другомъ видѣ, и у другихъ древнихъ народовъ. На пятый день новорожденное дитя обыкновенно представляли отцу для того, чтобы онъ выразилъ, принимаетъ ли его въ нѣдра своего семейства или нѣтъ; потому что отцу предоставлялось право принять ребенка, и отказаться отъ него, или точнѣе, выставить, т. е. удалить отъ правъ принадлежащихъ его дѣтямъ. Когда отецъ бралъ дитя на руки, то этимъ онъ давалъ знать, что принимаетъ его и желаетъ дать ему воспитаніе; когда онъ не бралъ дитя, то это значило, что оно отчуждено. Этотъ обычай, утвержденный законами Солона, предоставившаго неограниченную власть родителямъ надъ дѣтьми, существовалъ и у другихъ племенъ греческихъ. У однихъ только Фивянъ воспрещено было извергать дѣтей. У Спартанцевъ, можно думать, потому только не было этой власти отцовъ надъ дѣтьми, что участь новорожденныхъ дѣтей зависѣла у нихъ отъ общества, отъ совѣта старѣйшинъ. Понятіе о значеніи человѣка, какъ человѣка, было у язычниковъ еще такъ слабо, что даже великій мыслитель Платонъ не замѣчаетъ въ выставленіи дѣтей ничего несообразнаго. Особенно часто отчуждаемы были дочери (51).

Празднованіе десятаго дня, когда дитяти давали

имя, было особенно важно; оно служило доказательствомъ, что отецъ принялъ его въ свое семейство. Имена давались различно, — или по какому нибудь божеству, или въ честь предка, отца, родственника. Но въ періодъ пелопоннзскихъ войнъ Аристофанъ осмѣиваетъ уже суетность и тщеславіе Аѳинянъ въ самомъ назначеніи именъ своимъ дѣтямъ. Аѳиняне этого времени, по словамъ Аристофана, любили давать имена не въ честь какого нибудь почтеннаго предка, не съ нравственною цѣлю, но для выраженія своего блестящаго, моднаго положенія въ свѣтѣ; имя, напоминающее нравственныя и гражданскія обязанности, считалось уже признакомъ простоты (52).

Весь ходъ воспитанія былъ распределенъ у Аѳинянъ слѣдующимъ образомъ. До шести лѣтъ не только дѣвочки, но и мальчики оставались подъ присмотромъ матери. Въ этомъ возрастѣ у всѣхъ дѣтей занятія одинаковы, — это игрушки и забавы; здѣсь воспитаніе дѣйствуетъ почти однимъ отравленіемъ, именно, попеченіемъ. Но въ этомъ же возрастѣ начинается примѣненіе и другаго отравленія воспитанія, — дисциплины, хотя бы въ самыхъ малыхъ, дѣтскихъ формахъ. Въ томъ и другомъ отношеніи также было различіе между воспитаніемъ аѳинскимъ и спартанскимъ. Спартанцы въ самыхъ забавахъ дѣтскихъ имѣли въ виду упражненіе и укрѣпленіе физическихъ силъ дитяти, а Аѳиняне — удовольствіе. У Спартанцевъ и дѣтская дисциплина была направлена къ одной сознательной цѣли, у Аѳинянъ въ пріемахъ дѣтской дисциплины было болѣе безотчетности. Разсматривая періодъ дѣтскаго вос-

питанія въ двухъ знаменитѣйшихъ греческихъ государствахъ, нельзя не удивляться глубокому взгляду греческихъ мыслителей на самыя по видимому маловажныя его отправленія. Геній ихъ привиталъ не на однихъ высотахъ умозрѣній; съ вершины ихъ онъ часто нисходилъ съ особенною любовію и къ маленькому дѣтскому міру. Такъ напр. Платонъ совѣтовалъ въ дѣтскихъ забавахъ и игрушкахъ выражать, по примѣру Критянъ и Спартицевъ, что-нибудь относящееся къ войнѣ и къ другимъ родамъ гражданской дѣятельности. Изъ склонности къ такимъ или другимъ игрушкамъ, по его мнѣнію, часто можно заключать о призваніи и способностяхъ дитяти. Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, часто перемѣнять эти дѣтскія игрушки; частая перемѣна ихъ будетъ питать въ дитяти прихотливость и непостоянство, съ чѣмъ согласны и новѣйшіе опытные педагоги. Аристотель тоже полагаетъ, что дѣтскія игрушки и забавы, придумываемыя для дѣтей, должны имѣть какое нибудь отношеніе къ жизни. Философъ пифагорейской школы *κλιχδν* даже извѣстенъ изобрѣтеніемъ дѣтской игрушки — *πλαταγν*. Съ такою же заботливостію говорятъ великіе философы и о дѣтскихъ разсказахъ. Платонъ, въ своихъ „законахъ“, и въ „государствѣ“, совѣтуетъ обращать на нихъ особенное вниманіе; потому что отъ нихъ зависитъ настроеніе дитяти и развитіе его способностей. И Аристотель раздѣляетъ это мнѣніе Платона.

У Аѳинянъ не было строгихъ діететическихъ правилъ при воспитаніи дѣтей, хотя конечно въ пищѣ и содержаніи они соблюдали извѣстную мѣру. Вообще Аѳиняне дол-

гое время отличались умеренностію; были даже узаконенія противъ излишествъ, такъ напр. Архонтъ, напившійся до-пьяна, подвергался по законамъ смертной казни. Но умеренность ихъ никогда не имѣла спартанской простоты и строгости; объ Ахиллѣ напр. говорится, что онъ, будучи еще ребенкомъ, пилъ вино. Въ дѣтской одеждѣ Аѳиняне любили нѣкоторую изысканность и щегольство, чего Спартанцы всегда чуждались. Дѣти рано приучались къ обуви и къ теплой одеждѣ. Много также заботились объ искусной прическѣ ихъ волосъ.

На седьмомъ году начиналось еще новое отправленіе воспитанія—обученіе; дѣти начинали ходить въ школу подъ присмотромъ педагога. Но педагоги, бывшіе обыкновенно или изъ рабовъ, или изъ друзей дома—паразитовъ, не имѣвшіе часто никакого образованія, не всегда могли благотворно дѣйствовать на дѣтей. Аѳинское воспитаніе и въ этомъ отношеніи отличалось отъ спартанскаго. Дѣти Аѳинянь поручались надзору частныхъ лицъ, а у Спартанцевъ они подлежали лицамъ, уполномоченнымъ отъ общества, и постоянно были какъ бы въ виду общества. Самыя школы, въ которыя ходили дѣти подъ присмотромъ педагога, были частныя. Дѣтскій возрастъ считали до четырнадцати лѣтъ. На восемнадцатомъ году начинался для аѳинскаго юноши возрастъ эфебіи, продолжавшійся до двадцати лѣтъ. Кто вступалъ въ число эфебовъ, того вписывали въ число мужей или гражданъ (*δοξιστία εἰς ἀνδρας*). Эфебы давали присягу въ томъ, что не станутъ уклоняться отъ военной службы и будутъ ратовать за благо отечества.

Они пользовались уже большею свободою и, кажется, были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія; по крайней мѣрѣ такъ можно думать на основаніи Аристофановыхъ словъ. Несмотря на то, они были въ строгомъ подчиненіи родителямъ и должны были исполнять всѣ налагаемыя на нихъ обязанности (*νομίζόμενα*); въ противномъ случаѣ ихъ могли обвинить въ дурномъ поведеніи (*κακώσεως*). Итакъ воспитаніе аѳинскаго юношества отличается еще отъ спартанскаго и кратковременностію. Аѳиняне давали своимъ дѣтямъ права совершеннолѣтія въ томъ возрастѣ, когда у Спартанцевъ наступали усиленные мѣры дисциплины. Въ Аѳинахъ сочли бы отца грубымъ и жестокимъ, если бы онъ сталъ стѣснять жизнь своего сына по окончаніи двадцати лѣтъ;—съ этого времени каждый пользовался правами самостоятельной дѣятельности; а въ Спартѣ и послѣ двадцати лѣтъ молодые люди продолжали свои упражненія подъ надзоромъ общества и за проступки подвергались наказанію. Даже по наступленіи совершеннолѣтія—въ тридцать лѣтъ Спартанецъ не могъ выступить изъ круга однообразныхъ занятій, предписанныхъ законами и воинскими цѣлями государства. Чтобы продолжить свое нравственное вліяніе на дѣтей и развить въ нихъ привязанность ко всему отечественному, отцы семействъ въ Аѳинахъ имѣли обыкновеніе брать съ собою взрослыхъ сыновей въ общественныя собранія и въ храмы.

Несмотря впрочемъ на непродолжительность аѳинскаго воспитанія въ сравненіи съ спартанскимъ у Аѳинянъ долгое время соблюдались нравственныя отношенія

дѣтей къ родителямъ по одному чувству сыновней любви. Кто билъ своего отца или мать, или не оказывалъ имъ пособія, получивъ отъ нихъ воспитаніе, того считали безчестнымъ и не допускали въ народныя собранія. Даже жалобы на дурное обращеніе родителей считались неприличными и скорѣе могли повредить тому, кто жаловался, нежели тѣмъ, на кого была жалоба. Только незаконныя дѣти не обязаны были никакимъ особеннымъ долгомъ въ отношеніи къ родителямъ. За то же они не пользовались и правами законнорожденныхъ. Даже тѣ, у которыхъ отецъ или мать не были изъ Аѳинскихъ гражданъ, не имѣли всѣхъ гражданскихъ правъ; для такихъ дѣтей была даже особенная гимнасія. Съ упадкомъ нравовъ перемѣнилось и это понятіе о дѣтяхъ такого или другаго происхожденія (53).

Аѳинское воспитаніе замѣчательно еще нѣкоторыми учрежденіями въ пользу сиротъ и безпріютныхъ дѣтей. Первый примѣръ содержанія сиротъ насчетъ правительства появился впрочемъ не въ Аѳинахъ, но у Милетянъ, къ чему побудилъ ихъ нѣкто Гипподамъ. Потомъ находимъ нѣчто подобное у Критянъ и Спартанцевъ; но у тѣхъ и другихъ воспитаніе сиротъ не могло быть предметомъ особыхъ постановленій, по тѣсной и безъ того связи частной жизни съ обществомъ. Положеніе сиротъ и наслѣдницъ имуществъ въ Аѳинахъ было уже ограждено отчасти законами Солона, по которымъ избирался особый попечитель сиротъ — *ἐπίτροπος*, вступавшій въ свою должность или по завѣщанію умершаго отца, или по назначенію Архонта. Попечительство надъ дѣтьми мужскаго пола продолжа-

лось до восемнадцатилѣтняго ихъ возраста; оно простира-
лось на лице, имущество, на содержаніе и воспитаніе
сиротъ (54).

Вмѣстѣ съ нравственнымъ образованіемъ дѣтей вмѣ-
нялось родителямъ въ обязанность и обученіе ихъ. Но пра-
вительство не заботилось ни о системѣ, ни о средствахъ
обученія, наблюдая только, чтобы въ направленіи его не
было ничего противнаго религіи и законамъ.

Предметы относящіяся къ внутреннему образованію,
какъ мы уже видѣли, назывались у Грековъ музыкаю, а об-
разованіе тѣла — гимнастикою. Такъ у всѣхъ Грековъ раздѣ-
лялись предметы обученія; но не у всѣхъ эти предметы имѣли
одинъ объемъ, и не у всѣхъ одинаково соблюдалось рав-
новѣсіе между духовнымъ и тѣлеснымъ образованіемъ. Пре-
имущество Аѳинянъ предъ Спартанцами состоитъ въ жи-
вомъ сочувствіи ко всему, что способствуетъ согласному
образованію внутреннихъ и внѣшнихъ силъ человѣка, ме-
жду тѣмъ какъ Спартанцы ограничивали свое образованіе
одною почти гимнастикою. Въ самой общественной жиз-
ни Аѳинянъ были побужденія къ этой полнотѣ образова-
нія: публичная библіотека, основанная Пизистратомъ, чте-
ніе Гомеровыхъ стихотвореній на панатенейхъ, при обще-
ственныхъ играхъ и въ другихъ обширныхъ собраніяхъ
всей Греціи, состязанія поэтовъ, необходимость образо-
ваннаго дара слова для вліянія на народъ при совѣща-
ніи о дѣлахъ общественныхъ — все это возвышало въ гла-
захъ Аѳинянина важность внутреннего образованія.

Неизвѣстно, въ какомъ порядкѣ слѣдовали предметы

обученія въ Аѳинахъ. По словамъ Платона обученіе начинали съ предметовъ, относящихся къ музыкѣ или къ внутреннему образованію, и потомъ уже переходили къ гимнастикѣ (55).

Въ до—сократовскій періодъ къ этому внутреннему образованію относилось чтеніе и письмо, чтеніе и заучиваніе образцовыхъ поэтовъ, правила благопристойности и музыка въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, то есть, игра на инструментахъ. Что касается счисленія, то въ этотъ по преимуществу эстетическій періодъ аѳинскаго образованія не всѣ даже между богатыми, получавшіе хорошее воспитаніе, считали его необходимымъ.

Обученіе дѣтей грамотѣ начиналось обыкновенно, какъ можно думать, на седьмомъ году. Въ это время они начинали, въ сопровожденіи педагога, ходить въ школу, и тамъ обучались чтенію и письму. Діонисій Галикарнасскій такъ говоритъ о постепенности этого обученія: сначала мы заучивали имена буквъ (*στοιχεῖα τῆς φωνῆς*), потомъ ихъ форму и значеніе (*τόπους καὶ δυνάμεις*), далѣ слоги и все что къ нимъ относится (*καὶ τὰ περὶ ταῦτα πάθη*), потомъ части рѣчи и ихъ перемѣны по числамъ, склоненіямъ, сокращеніямъ и. т. д. Тогда уже приступали мы къ чтенію и письму, сперва медленному по слогамъ, съ промежутками, а потомъ связному и скорому, такъ какъ мыслимъ. Чтеніе дѣтей, какъ можно полагать, было не монотонное, но пѣвучее съ повышеніемъ и пониженіемъ, съ протяженіемъ и сокращеніемъ голоса (56).

Не безызвѣстны были древнимъ и мнемоническія

средства при обученіи. Такъ Каллій составилъ такъ называемую граматическую трагедію, которою онъ хотѣлъ облегчить заучиваніе буквъ и складовъ. Софистъ Иродъ, по словамъ Филострата, желая выучить азбукъ своего сына, имѣвшаго тупую память, собралъ двадцать четыре мальчика и называлъ ихъ по имени буквъ въ алфавитѣ (57).

Когда дѣти умѣли читать и писать, тогда заставляли ихъ заучивать наизусть стихотворенія лучшихъ поэтовъ. Самымъ большимъ авторитетомъ пользовалась Иліада и Одиссея Гомера не только между Аѳинянами, но и между Спартанцами. До какой степени древніе Греки благоговѣли предъ его твореніями, видно изъ того, что Алкивіадъ ударилъ одного школьнаго учителя за то, что онъ не имѣлъ ни одного произведенія Гомерова, а Аристофанъ думалъ, что для ученика полезнѣе читать поэтовъ, нежели заучивать законы Солоновы. Зная законы, говорилъ онъ, можно поступать незаконно; но образованіе духа прекрасными поэтическими произведеніями неразлучно съ настроеніемъ къ прекраснымъ дѣламъ (58).

Кромѣ Гомера, употреблялись въ школахъ Эзоповы басни и стихотворенія Симонида; кто не проходилъ Эзоповыхъ басень, того называли невѣжею. Но ихъ заучивали только въ началѣ, въ дѣтствѣ. По самому характеру басня въ кругу поэзіи занимаетъ низшее мѣсто и прилична особенно дѣтству. Стихотворенія Симонида пользовались въ аѳинской педагогіи уваженіемъ, какъ средство для возбужденія героизма въ воспитанникахъ. Но не всѣ учителя были согласны въ мнѣніи, какъ пользоваться поэтами

при обученіи юношества. Одни заставляли учить цѣлыя произведенія извѣстныхъ поэтовъ, а другіе выбирали изъ нихъ лучшія мѣста въ родѣ нынѣшнихъ христоматій (59).

Когда мальчикъ ознакомился съ этими поэтами, тогда его обучали музыкѣ, т. е. игрѣ на музыкальномъ инструментѣ.

Музыка въ нынѣшнемъ смыслѣ слова была необходимою принадлежностію греческаго образованія. Даже суровые Спартанцы обучали своихъ дѣтей музыкѣ; только стиль ихъ музыки отличался большею важностію и долѣе сохранялъ первобытную простоту, нежели у Аѳинянь. У такого народа, съ такимъ эстетическимъ настроеніемъ, какъ Греки, и между ними въ особенности Аѳиняне, въ то время, когда не было еще систематическаго распредѣленія предметовъ обученія по разнымъ цѣлямъ жизни, музыка пользовалась высокимъ уваженіемъ единственно по отношенію къ общему, гармоническому образованію души, а не какъ средство для достиженія какой нибудь выгоды въ жизни. Грекъ учился музыкѣ не потому, что она могла доставить ему хорошее положеніе въ свѣтѣ, или средства къ жизни, не потому, какъ говорить Аристотель, что она *необходима и полезна*, но потому, что она имѣетъ могущественное вліяніе на душу, способствуетъ развитію внутренней, духовной гармоніи и вселяетъ въ нее все доброе и прекрасное. Вотъ почему Платонъ говоритъ, что и киваристы способствуютъ тому, чтобы юноши не дѣлали никакого зла.

Для того, чтобы сохранить это значеніе музыки и благотворное вліяніе ея на образованіе души, не только

Спартанцы, но и Аѳиняне до нѣкотораго времени наблюдали въ ней строгій, дорическій стиль и предпочитали струнные инструменты духовымъ. Музыкальные стили — лидійскій и фригійскій, отличавшіеся восточною извѣженностью, появились у нихъ уже послѣ персидскихъ войнъ; между тѣмъ въ прежнія времена, по словамъ Аристофана, были того, кто захотѣлъ бы отступить отъ возвышеннаго напѣва изъ угожденія извѣженному слуху, изъ желанія блеснуть искусными тонами.

Самые употребительные и наиболѣе уважаемые музыкальные инструменты въ Аѳинахъ были струнные, именно лира и кивара. Изъ духовыхъ инструментовъ извѣстна была Аѳинянамъ флейта; она стала входить въ употребленіе уже со времени персидскихъ войнъ; но въ кругу воспитанія не пользовалась особеннымъ уваженіемъ. Въ этомъ случаѣ Греки руководствовались своимъ особеннымъ эстетическимъ чувствомъ. Мы уже знаемъ, что Греки смотрѣли на музыку въ цвѣтущую эпоху своей жизни, какъ на средство для развитія внутренней гармоніи и красоты; между тѣмъ игра на духовомъ инструментѣ, по ихъ понятію, не только не ведетъ къ цѣли воспитанія, т. е. къ внутренней гармоніи, но противорѣчитъ ей: требуя напряженнаго дуновенія, она обезображиваетъ красоту лица; отнимая возможность произносить или пѣть стихи вмѣстѣ съ тонами инструмента, препятствуетъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствовать на душу содержаніемъ пѣсни. Кромѣ того и азіатское происхожденіе флейты не располагало къ ней Грековъ, что доказывается мнѳомъ о спорѣ между Марсіемъ и

Аполлономъ: Марсій фригіанинъ, какъ говорится въ этомъ мнѣѣ, игралъ на флейтѣ, а Аполлонъ — на киварѣ; Аполлонъ побѣдилъ Марсію своею игрою и, въ знакъ побѣды, содралъ съ него живаго кожу (60). Когда дѣти умѣли играть на киварѣ, тогда заставляли ихъ выучивать творенія лирическихъ поэтовъ, которыя можно было произносить или пѣть подѣ звуки инструмента. Когда именно начинали обучать музыкѣ — неизвѣстно. Платонъ говоритъ, что къ киваристамъ посылали дѣтей учиться въ то время, когда они выучились читать и писать; стало быть, обученіе дѣтей музыкѣ начиналось довольно рано.

Рядомъ съ предметами духовнаго образованія или послѣ нихъ дѣти обучались гимнастикѣ. Общая цѣль ея состояла въ усовершеніи тѣлесной силы и формы въ чловѣкѣ; она была существенною принадлежностію пластической жизни Грековъ. Но у Аѣниянъ гимнастика, какъ мы уже отчасти видѣли выше, имѣла иной характеръ нежели у Спартанцевъ. Въ Спартѣ развитіе тѣлесныхъ силъ преобладало надъ духовнымъ образованіемъ, а у Аѣниянъ, по словамъ Платона, обучали дѣтей гимнастикѣ для того, что бы приготовить тѣло для служенія духу, честной мысли. У Спартанцевъ гимнастика развивала только общую стройность ($\xi\xi\iota\varsigma$) и крѣпость тѣла, и не была богата видоизмѣненіями тѣлесныхъ упражненій ($\xi\rho\upsilon\alpha$); у Аѣниянъ гимнастика, какъ особенный предметъ обученія, получила многообразное развитіе примѣнительно къ разнымъ цѣлямъ жизни. У Спартанцевъ гимнастика развивала неподвижную стойкость тѣла, выдерживающую всѣ трудности воинской

дѣтельности; у Аѳинянь совершенство ея состояло въ гармоническомъ единствѣ силы и гибкости тѣлодвиженій (61).

Гимнастическія упражненія были разныхъ родовъ. Простыя состояли въ бѣганіи, прыганіи, борьбѣ; это были какъ бы начала гимнастики для мальчиковъ. Другія, болѣе трудныя и сложныя, требовавшія большихъ силъ, были: бросаніе диска (круга), кулачный бой и, такъ называемый, пентаолонъ или сложное гимнастическое упражненіе, состоявшее изъ пяти видовъ гимнастики вмѣстѣ—скаканія, бросанія диска, бѣга, борьбы и кулачнаго боя. Кромѣ этихъ упражненій общихъ всѣмъ, были еще частныя, зависѣвшія отъ обстоятельствъ, какъ-то, ѣзда верховая и въ повозкахъ, игра въ мячъ и бѣганіе съ зажженными факелами. Но не одни мальчики и юноши упражнялись въ гимнастикѣ; многіе и въ мужескомъ возрастѣ любили участвовать въ гимнастическихъ играхъ. Въ послѣдствіи времени (т. е. въ концѣ 5-го и въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Хр-ва) въ гимнасіи часто собирались для бесѣдъ и ученыхъ споровъ. Тутъ бывали философы и софисты, искавшіе случая пустить въ ходъ свое краснорѣчіе и привлечь на свою сторону умы слушателей и собесѣдниковъ.

Учителями гимнастики были педотрибы и гимнасты. Тѣ и другіе были подчинены гимнасіархамъ. Должность этихъ гимнасіарховъ сначала продолжалась годъ, а потомъ одинъ мѣсяць. Кромѣ гимнастовъ и педотрибовъ были еще алейпты. Они должны были смазывать тѣло учениковъ гимнастики масломъ и заботиться о діететическомъ приготовленіи пищи и питья. Далѣе слѣдуютъ ксистерхи и соф-

ронисты. Значеніе ксистерховъ опредѣленно неизвѣстно; вѣроятно они смотрѣли за ксистою, — покрытымъ зданіемъ для гимнастическихъ упражненій осенью. Назначеніе софронистовъ было очень важное. Они должны были смотрѣть, чтобы гимнастическія упражненія не уклонялись отъ главной идеи образованія, — гармоніи тѣла и души и не выступали бы изъ предѣловъ нравственности и благоприличія. О заведеніяхъ, въ которыхъ обучали грамотѣ и гимнастикѣ, не много сохранилось свѣдѣній. Образованіе со стороны своего направленія всегда было подъ надзоромъ правительства; но не у однихъ Аѳинянъ, и у другихъ народовъ древности школы весьма долго не имѣли еще никакой организаціи, не состояли въ завѣдываніи правительства и не пользовались его содержаніемъ. Лица, занимавшіяся обученіемъ, принимали на себя учительскія обязанности безъ участія и содѣйствія со стороны правительства; оно наблюдало только, чтобы ихъ нравственность была согласна съ назначеніемъ аѳинскаго гражданина (62).

Законами опредѣлено было, въ какомъ количествѣ мальчики свободныхъ родителей могли ходить въ школу; установлено было и время ученія. Учители могли открывать свои школы, а педотрибы свои палестры только съ восходомъ солнца; съ закатомъ солнца они должны были закрывать ихъ для предупрежденія безпорядковъ отъ собранія и движенія молодыхъ людей по улицамъ. Возвращались ли ученики въ полдень домой для отдыха и обѣда достоверно неизвѣстно. Были также опредѣленные постановленія — какія дѣти и какихъ лѣтъ могли ходить къ учи-

телямъ въ школу. Они могли тамъ обучать только своихъ дѣтей и дѣтей родственниковъ; другихъ запрещено было принимать (63).

Назоръ за дѣтьми составлялъ обязанность педагоговъ. Педагоги не были учителями; они только сопровождали дѣтей въ школу и должны были надсматривать за ними дома и внѣ дома. Правительство строго наблюдало, чтобы педагоги исполняли свои обязанности и надзирали за дѣтьми въ общественныхъ собраніяхъ, куда они были допускаемы, наприм. на музеяхъ или праздникахъ въ честь музъ, на гермахъ, на энциклическихъ играхъ, гдѣ впрочемъ и хорагъ, поступавшій въ свою должность не моложе сорока лѣтъ, долженъ былъ наблюдать за порядкомъ и благопристойностію. Можно думать, что были продолжительные отдыхи для учениковъ или такъ называемыя вакаціи. Такъ Анаксагоръ, умирая просилъ, что бы въ день его смерти дали ученикамъ вакацію (64). О внѣшнемъ устройствѣ школъ почти ничего неизвѣстно.

Гимнасій или общественныхъ заведеній для гимнастическихъ упражненій было много въ Аѳинахъ, какъ то: Птолемеумъ, Академія, Одеумъ, Гимнасія Гермеса, Киносаргъ, Лицей, назначенный болѣе для воинскихъ упражненій и т. под. Эти гимнасіи очень часто помѣщались при храмахъ, что особенно одобряетъ и рекомендуетъ Платонъ въ своихъ законахъ. Не всѣ могли входить туда; рабамъ входъ былъ запрещенъ. На Гимнасіархъ лежала обязанность наблюдать, чтобы не было тамъ людей неимѣющихъ права входа; за нерадѣніе въ исправленіи этой обязанности онъ

подвергался отвѣтственности предъ законами, какъ нарушитель нравственности. Въ послѣдствіи времени, особенно послѣ Александра Македонскаго, когда гимнастика потеряла прежнее значеніе, въ гимнасіяхъ философы читали свои уроки. Во время Цицерона всѣ почти гимнасіи были заняты философами (65).

Что касается платы за уроки въ музыкѣ и гимнастикѣ, то въ Аѣнахъ ее выдавали отчасти филы, имѣвшія своихъ учителей. Въ прочихъ школахъ долженъ былъ платить каждый за обученіе своихъ дѣтей (66). Но неизвѣстно, какъ велика была плата этимъ учителямъ; можно полагать, что она была очень незначительная, судя потому, что въ цвѣтущее время аѣинской жизни дорожили болѣе общественнымъ мнѣніемъ, честію, вѣнками, нежели деньгами. Побѣдителей на гимнастическихъ играхъ награждали вѣнками; оказавшихъ услуги отечеству своими доблестями награждали общественнымъ содержаніемъ, но не деньгами. Древніе учителя краснорѣчія и философіи не скоро, именно въ періодъ римскаго владычества, стали получать общественное жалованье.

Восемнадцатымъ годомъ оканчивался для аѣинскаго юноши періодъ воспитанія. Отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ онъ обязанъ былъ нести военную службу въ предѣлахъ отечества; но въ другихъ отношеніяхъ онъ могъ избирать родъ занятій по своему усмотрѣнію. Бѣдные принимались за труды необходимые для пропитанія, а кто былъ подостаточнѣе, дѣлилъ время между забавами, гимнастическими упражненіями, звѣриной охотой и филосо-

тей, которою обозначалось тогда все высшее образование. Драматическія представленія также были однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ дальнѣйшаго образованія для молодого аѳинянина.

О школахъ для дѣвицъ ничего не знаемъ. Должно думать, что ихъ совсѣмъ не было. Если по сознанію Перикла, государственнаго человѣка, достоинство женщины состоитъ въ томъ, чтобы ее какъ можно меньше знали и видѣли, то очевидно, что съ такимъ понятіемъ трудно было ужитья духовному образованію женскаго пола.

Послѣ пелопоннесской войны постепенный политическій упадокъ Аѳинъ идетъ въ неразрывной связи съ упадкомъ въ направленіи воспитанія и образованія юношества. Эпоха Александра македонскаго рѣшительно отдѣляетъ періодъ прежняго національнаго, эстетическаго образованія отъ обще-греческаго, ^асціентифическаго и реальнаго.

Аѳинянинъ всегда отличался избыткомъ гражданскаго самочувствованія и самосознанія. Пока интересы этого самосознанія были въ гармоніи съ интересами общественными, до тѣхъ поръ его развитіе благотворно дѣйствовало на политическій бытъ Аѳинъ. Но золотое время этой прекрасной гармоніи уносилось невозвратно съ того времени, какъ субъективное направленіе стало уклоняться отъ требованій общественныхъ въ свою отдѣльную, уединенную область, когда критическимъ взглядомъ стали повѣрять то, что прежде было для всѣхъ жизнію и дыханіемъ. Аристофанъ съ горькимъ чувствомъ свидѣтеля минувшихъ, счастливыхъ дней аѳинской жизни описываетъ эту перемену

въ воспитаніи и въ жизни современнаго ему молодаго поколѣнія. Она отразилась во всемъ, — начиная отъ высшихъ до низшихъ сферъ образованія. Представителемъ ея въ высшемъ смыслѣ служить великая личность Сократа, въ низшемъ — софистовъ. Правственное достоинство Сократа не требуетъ доказательствъ; но только возвышенная мысль его великихъ преемниковъ могла видѣть и удержать добрую сторону его основныхъ началъ и убѣжденій. Для древняго Грека внутреннимъ міромъ было то самое, что окружало его извнѣ — въ капищѣ, въ обществѣ, въ семействѣ. Сократъ въ своихъ бесѣдахъ проникнутыхъ глубокою проницею приподнимаетъ завѣсу, прикрывавшую святилище нашего духа, ставитъ нерѣдко положительное лицомъ къ лицу съ нашимъ сознаниемъ и мало по малу колеблетъ очарованіе прежняго наивнаго, безпечнаго согласія. Вышнему ходу вещей онъ противопоставляетъ совѣсть, застарѣлому предрасудку — внутренней голосъ духа (*δαμόμων*), употребляетъ особенную разговорную форму бесѣды, возбуждающую силы ума, и своимъ мнимымъ незнаниемъ сокрушаетъ наглое неразуміе. Словомъ, Сократъ какъ — бы отозвалъ древняго Грека отъ этаго вышняго міра въ міръ внутренней, субъективный. Нужны были еще цѣлыя столѣтія для того, чтобы силы духа сосредоточенныя внутри его, развились, созрѣли въ этомъ новомъ направленіи и создали для себя новую, достойную среду. Но время зиждательности этихъ началъ еще не пришло; оно было далеко впереди; а на первыхъ порахъ оно дѣйствовало только разрушительно. Голосъ совѣсти,

голосъ духа не былъ еще понятенъ большинству его современниковъ. Скорѣе могла поднять свою голову низшая субъективная сторона съ ея чувственными произволами и интересами противъ прежняго объективнаго направленія въ наукѣ и въ жизни. И она не замедлила явиться въ лицѣ софистовъ. Признавая челоѵка мѣрою истины, приобѣгая къ уловкамъ слова для приобрѣтенія авторитета и матеріальныхъ выгодъ, софисты сосредоточили въ себѣ то самое, что уже отчасти было въ ихъ время и что начало потомъ разливаться по всѣмъ направленіямъ. Въ области воспитанія эта перемѣна обнаружилась въ дисциплинѣ, въ музыкѣ или вообще въ духовномъ образованіи и въ гимнастикѣ.

Прежнее юношество, по описанію Аристофана, отличалось скромностію и повиновеніемъ, а въ современномъ ему замѣтно было только самоволіе, наглость и неуваженіе къ старшимъ (67). Прежнюю пламенную любовь къ отечеству замѣнило самолюбіе и стремленіе къ собственнымъ выгодамъ. Стыдъ уступилъ мѣсто безстыдству (68). Ходить въ школу и учиться боялись, чтобы не потерять цвѣта лица. Отецъ не стыдился уже говорить о своемъ сынѣ, что онъ хорошъ, но учиться и не хочетъ и не можетъ. Это было тогда въ модѣ, означало лучшей тонъ (69). Главнымъ и любимѣйшимъ занятіемъ юношества была верховая ѣзда и охота, а прежде эти увеселенія были рѣже, и притомъ въ часы досуга послѣ прилѣжныхъ упражненій въ музыкѣ и гимнастикѣ (70). Не только богатые, но и бѣдные пристрастились къ разсѣянности и, отъ страсти къ

собакамъ и лошадямъ, впадали въ долги (71). То же самое говоритъ Аристотель, жившій въ третьемъ поколѣнн послѣ Сократа. Онъ жалуется, что богатыхъ въ его время трудно было воспитывать (72). При всеобщемъ стремленн къ разсвѣнности и наслажденіямъ образовалось у богатыхъ людей предубѣжденіе, что наука имъ не къ лицу; отсюда естественно долженъ былъ произойти упадокъ нравственности и образованія, прикрытый только блескомъ роскоши и щегольства (73). Вънутренній бытъ семейной жизни тоже началъ терять прежній нравственный характеръ отъ упадка дисциплины, отъ переменъ въ образѣ жизни молодаго поколѣнн. Женскій полъ, по словамъ Аристофана, предался только суетности, мотовству и кокетству (74). Словомъ, въ воспитанн и во всей жизни частныя стремленія и произволы со всѣми ихъ видоизмѣненіями брали уже перевѣсъ надъ требованіями нравственными и государственными. Вънутренняя нить сочувствія живыхъ частей живому цѣлому начала слабѣть, и близилось время ея разрыва.

Упадокъ нравственной стороны воспитанія отразился въ духѣ и предметахъ обученія.

Въ прежнемъ, цвѣтущемъ періодѣ Аѳинъ идеаломъ совершенства для каждаго гражданина была *καλοκαγαθία*, *σωφροσύνη*—гармонія между внутреннимъ и внѣшнимъ развитіемъ, направленная къ славѣ и благу отечества. Въ этомъ же періодѣ два недуга принимаютъ широкіе размѣры въ жизни Аѳинянъ и губительно дѣйствуютъ на духъ и предметы обученія, это—страсть къ тяжбамъ и къ рито-

рическим хитросплетеніямъ. Одно было въ связи съ дру-
родству, къ правиламъ чести, при стремленіи къ корысти и
столкновеніи множества частныхъ интересовъ очень есте-
ственна была страсть къ ораторской изысканности и софи-
стикѣ. Первыми и главными представителями такого пре-
вратнаго употребленія слова, одного изъ прекраснѣйшихъ
даровъ человѣческой природы, были софисты. Не отри-
цаемъ, что и они оказали услугу греческому языку, вводя
правила и нѣкоторую систему въ языкоученіе. Но это
было уже не то, прежнее развитіе дара слова, живое, изъ
чтенія образцовыхъ, дорогихъ для сердца каждаго гел-
лена, твореній его великихъ поэтовъ, но искусственное,
формальное, не согрѣтое силою внутреннихъ убѣжденій;
а въ связи съ недостаткомъ въ убѣжденіяхъ, съ нрав-
ственнымъ индефферентизмомъ, оно было губительно, потому
что дѣлало изъ слова орудіе для возвышенія лжи и об-
мана (75). Таково было направленіе софистовъ и боль-
шинства увлеченной ими толпы. Исключеніе оставалось за
немногими избранниками, для которыхъ слово по преж-
нему оставалось прекраснымъ органомъ и результатомъ
внутренней красоты и внутренняго образованія.

Отъ этого ложнаго риторическаго и софистическаго
направленія, внесеннаго софистами въ жизнь аѳинскую,
произошло, во первыхъ, сокращеніе элементарнаго обуче-
нія, а во вторыхъ, переѣна въ направленіи музыки и
гимнастики.

Сокращеніе элементарнаго обученія было очень есте-

ственно въ эту эпоху. Элементарное обученіе сопряжено было съ большею или меньшею дисциплиною и требовало постепеннаго ровнаго труда и напряженія, между тѣмъ какъ высшее образованіе въ Аѳинахъ не стѣсняло молодого человѣка: оно почерпалось въ театрахъ, въ живой бесѣдѣ съ философами и софистами, или въ слушаніи ихъ уроковъ; курсъ его могъ быть продолженъ или сокращенъ, усиленъ или ослабленъ по волѣ самаго слушателя. Тутъ былъ полный просторъ дилеттантизму, стремящемуся обыкновенно къ результатамъ, безъ долговременнаго процесса предварительной умственной работы. Естественно, что при упадкѣ дисциплины и нравственнаго воспитанія каждый торопился поскорѣе оставить трудъ приготовительнаго образованія, чтобы поскорѣе овладѣть обманчивыми сокровищами ума и краснорѣчія, о которыхъ такъ много шумѣли софисты.

Музыка въ предъидущемъ періодѣ воспитанія, прославлявшая боговъ и героевъ, имѣла высокое нравственное значеніе для Аѳинянина; она питала въ молодыхъ людяхъ духъ героизма и любовь къ отечеству. Но въ періодъ нравственнаго упадка торжественный характеръ ея уже не правился избалованному слуху; всѣхъ увлекали теперь страстные, прежде неизвѣстные звуки театральной музыки (76). Міръ страстей жаждалъ уже и звуковъ, питающихъ страсти. Еще болѣе пала, музыка и утратила свою образовательную силу, когда при звукахъ музыкальнаго инструмента перестали произносить текстъ поэтическихъ произведеній. Явственный смыслъ стиха все еще

обуздывали чувственное настроеніе артиста; но когда оставлены были народныя пѣснопѣнія, питавшія доблестное чувство, ничто уже не удерживало общей склонности къ извѣстному, восточному стилю музыки. Музыка уже не возвышала питомца въ высшую область чистаго восторга, но сама низпала до рабскаго служенія чувственности, и питала только чувственность (77). Въ самомъ вкусѣ къ поэтическимъ произведеніямъ, какъ средству музыкальнаго или духовнаго образованія, произошли перемѣны. Многіе изъ поэтовъ, пользовавшихся прежде педагогическимъ значеніемъ, теперь—въ этомъ періодѣ уже не нравились. Симоида, съ его героическими пѣснями, считали уже грубымъ, а Еврипида, съ его утонченнымъ изображеніемъ страстей, предпочитали суровому Эсхилу (78). То же самое произошло въ направленіи гимнастическихъ упражненій. Ихъ цѣлью было уже не развитіе тѣлесной здравости и красоты, какъ выраженія внутренней доблести, какъ орудія духовной дѣятельности, но желаніе красоваться обольстительными формами и позами тѣла. Пріятное, говорить Аристотель, взяло перевѣсъ въ гимнастикѣ надъ изящнымъ (79). Въ связи съ этимъ искаженіемъ гимнастики было упадокъ прежняго героизма Афинянъ и появленіе наемниковъ въ воинскихъ рядахъ увядшаго юношества (80).

Важнымъ явленіемъ въ исторіи воспитанія этого періода служитъ огромная плата за уроки софистамъ, молодымъ учителямъ того времени. Истина неоспоримая, что человѣкъ долженъ питаться трудомъ, и что трудъ, для приобрѣтенія средствъ къ жизни, противодѣйствуетъ прав-

ственной порчѣ общества. Но софисты цѣнили свои педагогическіе труды съ явнымъ духомъ корысти. Такъ напр. Протагоръ и Горгій за каждое обученіе риторикѣ брали съ каждаго ученика по 100 минъ, или около 2,300 руб. сереб. (81). Они же первые (и первый между ними Протагоръ) стали требовать опредѣленной платы—за уроки, безъ чего никто не могъ ихъ слушать (82). Могутъ сказать, что высокая плата за уроки софистовъ проистекала не отъ ихъ корыстолюбія, но отъ большаго требованія на ихъ труды. Но не должно ли различать трудъ угождающій прихотямъ, съ явнымъ ущербомъ для нравственности и здраваго образованія, единственно для удовлетворенія своего корыстолюбія, отъ труда, не выступающаго за предѣлы закона и нравственности. А софисты, не смотря на свою образованность и даже на нѣкоторыя заслуги въ исторіи образованія, именно потому составляютъ печальное явленіе въ жизни Аѳинянъ, представителей греческаго образованія, что жертвовали завѣтными началами нравственности для угожденія слабостямъ современниковъ и для привлеченія къ себѣ большей толпы слушателей. Имъ дорого было не общее благо, а собственное обогащеніе.

Послѣ Александра македонскаго аѳинское воспитаніе теряетъ свой національный характеръ и постепенно сливается въ одно съ обще-греческимъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ и это послѣднее соединилось съ исторіею римскаго воспитанія и образованія.

Ходъ греческаго воспитанія въ этомъ періодѣ неизвѣстенъ. Извѣстны только учителя, преподававшіе фило-

софію и риторикѣ; но это обученіе касалось взрослыхъ, и отличается характеромъ научнымъ, отдѣльнымъ отъ жизни. Прежнее образованіе было въ высшей степени живое, наглядное; цѣль его была общая, — гармоническое развитіе души и тѣла; съ обобщеніемъ греческихъ государствъ это живое, наглядное образованіе превращается въ учебное, критико-филологическое. Науки явственнѣе начинаютъ отдѣляться одна отъ другой; обученіе, вмѣсто общей цѣли — душевной и тѣлесной здравости (*καλοκάγαθία*), преслѣдуетъ уже частныя, отдѣльныя цѣли жизни, не забываясь объ этомъ цѣлостномъ образованіи гражданина, для котораго, съ упадкомъ Аѣинъ, какъ бы не стало уже ни идеала, ни родины. Главными предметами изученія была философія, риторика и филологія.

Другой предметъ аѣинскаго образованія — гимнастика, потерявшая и въ прежнемъ періодѣ свой изящный характеръ, теперь переродилась въ фиглярство и пустое проворство тѣлодвиженій. Уже и въ Фокіоново время учились прыгать съ лошади на лошадь на бѣгу, плясать на канатѣ, кружиться на обручѣ. Во время Александра македонскаго Аѣиняне такъ много цѣнили эту искаженную гимнастику, что нѣкоему Каристию Аристонику дали право гражданства и воздвигли статую за искусную игру въ мячъ; между тѣмъ прежде подобную награду давали только за истинныя заслуги отечеству (83). Въ періодъ римскаго владычества потомки мараѣонскихъ героевъ отличались уже искусствомъ канатныхъ плясунѣвъ, потѣшавшихъ народъ римскій. Ювеналь въ своихъ сатирахъ живо изобра-

ное значеніе приобрѣталось только напряженіемъ воли, характеромъ. Грекъ любилъ наслаждаться; Римлянинъ хотѣлъ владѣть собою. Грекъ довольствовался героическимъ самоотверженіемъ въ защищеніи своей независимости; Римлянинъ стремился къ владычеству надъ другими.

Практическій характеръ воспитанія у Римлянъ объясняется отчасти самымъ свойствомъ ихъ религіозной, общественной и семейной жизни. Мы не имѣемъ определенныхъ историческихъ свидѣтельствъ о тѣхъ колоніяхъ, которыми занесены первая сѣмена образованія въ Италію. По оставшимся памятникамъ можно только заключать, что сосѣди Римлянъ не лишены были нѣкотораго образованія. Нума, первый изъ царей римскихъ смягчилъ нравы Римлянъ лучшими понятіями религіозными, научилъ ихъ мирному уваженію правъ во взаимныхъ отношеніяхъ между собою и съ своими сосѣдями. Несмотря на то, въ характерѣ ихъ всегда преобладала воинственность и властолюбіе. Увѣренность въ будущемъ владычествѣ Рима надъ другими народами, священные символы этого владычества, религіозныя гаданія, бывшія въ рукахъ правительства, постоянныя столкновенія съ другими народами, еще болѣе питали ихъ дѣятельный, энергическій характеръ. Жреческое сословіе, подобно какъ и въ Греціи, не подчиняло своимъ интересамъ общественной жизни; онъ были слиты съ интересами государства. Далѣе постоянная противоположность внутри Рима между патриціями и плебеями поддерживала въ немъ дѣятельное напряженіе силъ, которымъ постепенно вырабатывался его внутренней, гражданскій бытъ.

И въ семейномъ быту Римлянъ были другія отноше-
 нія, нежели въ семейной жизни Грековъ. Ни у одного
 древняго народа, не выключая даже Спартанцевъ, жен-
 щина не пользовалась такимъ значеніемъ, какъ у Рим-
 лянь. Отсюда со стороны женщины появляется въ Римѣ
 больше вліянія на воспитаніе дѣтей, больше внутренней
 связи между началомъ развитія въ нѣдрахъ семейства и
 продолженіемъ его въ обществѣ, между семействомъ и
 государствомъ. У Грековъ женщина была часто пово-
 домъ раздора, какъ напр. Бризеида и Елена; у Римлянъ
 она была посредницею, примирительнымъ началомъ (84).
 Грекъ не дорожилъ еще нравственными основаніями своей
 любви къ женщинѣ; Римлянинъ чтилъ въ женщинѣ не только
 физическія качества, но и нравственное достоинство (85).
 Религіознымъ символомъ женственной чистоты былъ свя-
 щенный огонь Весты; она чтила была въ Римѣ не только
 въ публичныхъ мѣстахъ, но и въ нѣдрахъ семейной жиз-
 ни, какъ виновница ея мирнаго счастія. Самое уваженіе
 къ дѣвственнымъ жрицамъ Весты и высшія права ихъ слу-
 жать явственнымъ доказательствомъ, что женщина пользо-
 валась въ Римѣ значеніемъ не потому только, что она
 была дочь и жена, но въ силу самой женственности своей.
 Для ея достоинства не всегда нужна была роскошь пла-
 стической красоты; довольно, если она не имѣла физи-
 ческихъ недостатковъ и поврежденій. Съ значеніемъ жен-
 щины соединено другое высшее значеніе брака у Рим-
 лянь и другое отношеніе дѣтей къ своимъ матерямъ. Рим-
 ляне уважали бракъ, по крайней мѣрѣ въ первую поло-

вину своей исторической жизни, какъ союзъ не разрушаемый. Первый извѣстный примѣръ расторженія брачнаго союза по неплодію жены, бывший въ 231-му году до Р. Хр. возбудилъ общее негодованіе народа (86). Даже божественныя силы, по понятію Римлянъ, принимали участіе въ согласіи семейной жизни. Мужъ и жена, въ случаѣ недоразумѣній, угрожавшихъ разрушеніемъ брачному союзу, должны были спѣшить къ алтарю богини *Virgata* и тамъ испрашивать прочность колебавшемуся между ними согласію (87). Кромѣ того и правительство принимало мѣры къ сохраненію мира и любви между супругами. На цензорахъ, блюстителяхъ народной нравственности, лежала между прочимъ обязанность наблюдать за чистотою и неприкосновенностію семейной жизни. Такимъ образомъ лучшее понятіе о значеніи женщины и о бракѣ естественно сообщало болѣе, нежели въ Греціи, нравственного духа семейной жизни, подъ вліяніемъ которой совершается первое развитіе человѣка. За то и вліяніе женщины на воспитаніе было не безъ благотворныхъ дѣйствій. Исторія Рима не скудна примѣрами доблестнаго участія матерей въ образованіи своихъ дѣтей. Таковы были—Витурія, мать Коріолана, Корнелія, мать Тиберія и Кая Гракховъ, Реа, мать Серторія, Юлія Процилла, мать Юлія Агриколы. Этими лучшимъ нравственнымъ значеніемъ женщины и брачной жизни объясняется отчасти доблестный характеръ римскихъ гражданъ, не смотря на то, что воспитаніе въ Римѣ весьма долго было дѣломъ частнымъ, а не общественнымъ, какъ у Спартацевъ.

Несмотря на эти новыя, добрыя черты семейной жизни Римлянъ, въ ней были еще остатки грубаго, виѣ-гражданственнаго отношенія отца къ своимъ дѣтямъ, противныя идеѣ человѣческаго существа. Это, вопервыхъ, чрезмерная власть отца надъ своими дѣтьми. Отецъ могъ заключать своихъ дѣтей въ темницу, осудить на тяжкую работу, продавать по нѣскольку разъ, имѣлъ даже право жизни и смерти надъ ними, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока эманципація не сдѣлала ихъ независимыми. Даже въ то время, когда сынъ проходилъ уже какую нибудь гражданскую должность, онъ въ частныхъ отношеніяхъ подлежалъ власти отца. Такъ, Брутъ въ силу своей отцовской власти осудилъ своихъ сыновей на смертную казнь, Фабій Бутео умертвилъ своего сына за воровство (88). Въ этомъ правѣ отца надъ дѣтьми Римляне видѣли дѣйтельное средство дисциплины; окруженное грозой виѣшняго мугущества, при недостаткѣ внутренняго развитія, при слабомъ сознаніи внутренней силы нравственнаго закона, оно не осталось безъ вліянія на героическую строгость римскихъ правовъ; но съ другой стороны, оно же неразлучно было съ злоупотребленіями произвола и питало безчеловѣчную суровость. Другая темная сторона семейнаго быта, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ общая у Римлянъ съ Греками—это право такъ называемаго выставленія дѣтей (89). Дѣтей, которыхъ не намѣрены были воспитывать, выставляли на рынкѣ у такъ называемой молочной колонны (*lactaria columna*), гдѣ продавалось молоко, въ той надеждѣ, что кто нибудь изъ состраданія

вскормить ихъ молокомъ. Это мѣсто у молочной колонны было какъ бы первымъ въ исторіи воспитательнымъ приютомъ для дѣтей (90). Иногда впрочемъ такихъ дѣтей клали у дверей богатыхъ людей; но ихъ ожидала тамъ большею частію жалкая участь самаго безчеловѣчнаго рабства. Несмотря на многія мѣры со стороны правительства, желавшаго ограничить этотъ ужасный обычай, онъ постоянно существовалъ въ Римѣ въ такихъ или другихъ безчеловѣчныхъ видахъ. Для искорененія его нужны были другія, высшія убѣжденія о значеніи человѣка и о цѣли его земнаго бытія; но міръ языческой не зналъ ихъ. Только съ того времени, какъ христіанство сдѣлалось господствующимъ, появляются въ римской исторіи рѣшительныя ограниченія прежнихъ злоупотребленій во власти родителей надъ дѣтьми.

Время самаго высшаго развитія могущества Римлянъ служить предѣломъ, раздѣляющимъ всю исторію ихъ воспитанія на два періода. Первый періодъ продолжается до покоренія Греціи Римлянами (146 год. до Р. Х.), второй отъ покоренія Греціи до торжественнаго воцаренія христіанства на престолѣ римскихъ кесарей. Главное основаніе этого раздѣленія заключается въ томъ, что до присоединенія Греціи къ Риму воспитаніе было дѣломъ частнымъ, семейнымъ, а потомъ постепенно возрастаетъ положительное участіе правительства въ дѣлѣ воспитанія. У Спартанцевъ воспитаніе всегда имѣло характеръ общественный; у Аѳинянъ оно сначала болѣе зависѣло отъ государства, а потомъ постепенно начало терять свой обще-

ственный характер; а въ Римѣ наоборотъ, сначала оно было частнымъ, а потомъ общественнымъ. Изложимъ сперва ходъ римскаго воспитанія въ первомъ періодѣ, а потомъ тѣ перемѣны, которыя произошли въ немъ во второмъ періодѣ.

И Римляне, подобно другимъ народамъ имѣли различныя религіозныя обряды, относившіеся къ рожденію дитяти и обнаруживающіе инстинктивное убѣжденіе человѣка въ томъ, что его явленіе въ міръ не есть безразличное дѣло одной природы; и у Римлянъ былъ, какъ мы видѣли, обычай выставленія дѣтей, печально противорѣчившій радостному торжеству, знаменовавшему рожденіе человѣка. Когда отецъ принималъ новорожденное дитя, то это значило, что оно принадлежитъ уже его семейству и получаетъ право на воспитаніе (91). По исполненіи первыхъ религіозныхъ обрядовъ дитяти давали имя, — мальчику на седьмой, а дѣвчкѣ на осьмой день, окропляя, или омывая ихъ при этомъ водою. Этотъ день назывался *dies nominis, lustricus* (92). Когда дитяти дано было имя, тогда вписывали его въ книгу гражданъ римскихъ въ храмъ Юлины, при чемъ вносилась небольшая плата. Въ послѣдствіи времени Антоній философъ повелѣлъ, чтобы каждый гражданинъ, въ теченіе тридцати дней послѣ нареченія имени дитяти, объявилъ о рожденіи его префекту Сатурнова казнохранилища. Иногда праздновался день прорѣзыванія зубовъ и отлученія отъ груди. Весь періодъ младенчества былъ, какъ и вездѣ обыкновенно бываетъ, временемъ матерняго попеченія о дитяти. Но замѣчательно, что въ періодъ лучшихъ нравовъ въ Римѣ матери сами

кормили своихъ дѣтей, и что только съ упадкомъ народной нравственности вошли у нихъ въ употребленіе кормилицы (93).

Римское воспитаніе въ первомъ періодѣ, какъ мы сказали, отличается семейнымъ, частнымъ характеромъ. Государство, по словамъ Цицерона, не предписывало общихъ правилъ воспитанія и не заботилось о введеніи въ него однообразія (94). Даже въ то время, когда правительство стало обращать вниманіе на воспитаніе, различныя постановленія касаются не столько хода воспитанія, сколько обученія. Не смотря однакожъ на то, нельзя думать, чтобы способъ воспитанія дѣтей былъ совершенно предоставленъ въ Римѣ произволу родителей. Впрочемъ власть цензоровъ, наблюдавшихъ за чистотою нравовъ вообще, простиралась отчасти и на эту сторону семейной жизни и, несмотря на отсутствіе опредѣленныхъ правилъ, могла воспрещать все то, что противорѣчило въ немъ римскому духу, насколько это могло быть извѣстно правительственнымъ лицамъ (95).

Первоначальное воспитаніе въ отеческомъ домѣ продолжалось до пятнадцати лѣтъ, то есть до того времени, когда на мальчиковъ надѣвали мужескую тогу—*toga virilis*. До того времени они носили длинные волосы и бѣлую тогу, украшенную пурпуровыми полосами—*toga praetexta*. Впрочемъ, судя по словамъ Макробія, не всегда дѣти всѣхъ гражданъ пользовались правомъ ношенія тоги претексты. Съ этою переменною въ одеждѣ оканчивался дѣтскій возрастъ (*pueritia*) и наступала юношескій (*juventa*). Тогда

обыкновенно вписывали дѣтей въ списокъ молодыхъ гражданъ (*in libros juniorum*), что бывало 17-го Марта, въ ближайшія либералии и сопровождалось жертвоприношеніемъ въ Капитоліѣ. Практическою и какъ бы общественною школою воспитанія дѣтей, носившихъ тогу претексту, были сенатскія собранія. Туда обыкновенно водили ихъ отцы въ первыя времена республики; но въ послѣдствіи этотъ обычай былъ оставленъ (96).

Самая естественная дисциплина для дѣтей въ лучшія времена Рима состояла въ простой воздержной жизни домоладыкъ и членовъ семейства. Воспитанное подъ вліяніемъ доблестной нравственной среды, молодое поколѣніе строго хранило потомъ заветныя правила жизни своихъ предковъ. Доказательствомъ такой строгости въ жизни можетъ служить на примѣръ то, что женщинамъ постоянно, а мужчинамъ до тридцати лѣтъ, воспрещено было пить вино. Практическій инстинктъ Римлянъ видѣлъ въ семейной жизни, въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, средства не одного только нравственнаго воспитанія дѣтей, но и взаимнаго нравственнаго улучшения: не только дѣти въ родителяхъ находили образецъ жизни, но и отцы въ присутствіи своихъ дѣтей видѣли для себя лучшее предохранительное средство отъ излишествъ своего возраста, пользовавшася большею свободою. Своею воздержностію предъ дѣтьми отцы должны были обнаруживать какъ бы уваженіе къ юнымъ лѣтамъ дѣтей. Съ этою цѣлію у Римлянъ долгое время господствовалъ обычай, что отцы отирались къ кому нибудь въ гости на пиршество, брали съ собою и

своихъ сыновей (97). Это сближеніе двухъ противоположныхъ возрастовъ поддерживало чистоту нравственную; оно соединяло ихъ узами взаимной любви и привязанности. Молодые люди видѣли въ престарѣлыхъ дѣтеляхъ на общественномъ поприщѣ не отживающіе остатки жалкой старины, но предметъ уваженія и благоговѣнія. Не подняться сидящему молодому человѣку предъ старцемъ, не уступить ему перваго мѣста, было преступленіемъ (98).

Несмотря на большую власть отца надъ дѣтьми, въ семейной дисциплинѣ Римлянъ часто встрѣчаются примѣры не одной только повелительности, но и внутренняго, сердечнаго вліянія отцовъ на судьбу своихъ дѣтей. Хотя домашнимъ воспитаніемъ дѣтей завѣдывали преимущественно матери, чему исторія Рима представляетъ много прекрасныхъ примѣровъ, однако и отцы принимали въ немъ живое участіе, и удѣляли ему часы досуга послѣ занятій общественными дѣлами. Не рѣдко они сами занимались обученіемъ своихъ дѣтей, особенно до тѣхъ поръ, пока обученіе было соединено съ домашнимъ воспитаніемъ и пока не появилось въ Римѣ множество греческихъ риторовъ, грамматиковъ и философовъ. Такъ напр. Цицеронъ обучалъ своихъ дѣтей, полагая, что лучше самому обучать ихъ, нежели поручать это обученіе другимъ, и что онъ окажется даже услугою отечеству, обучая молодое поколѣніе словеснымъ наукамъ (99). Богатство и важность своего сана онъ не считалъ несомвѣстнымъ съ педагогическими занятіями. Такъ и Атикъ, одно изъ извѣстныхъ лицъ въ римской исторіи, былъ обученъ своимъ отцемъ. Даже

Августъ посвящалъ иногда часы досуга образованію своего усыновленнаго семейства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣти обучались у своихъ родственниковъ, особенно у дядей по отцу. Поучительны рассказы о Катонѣ, представителѣ древнихъ римскихъ нравовъ, въ періодъ близкій къ новому направленію римскаго образованія. Суровость характера, неоднократно имъ выраженная, не изглаживала въ немъ нѣжности семейнаго чувства, перваго проводника внутренняго облагороженія и очищенія нравовъ. Кто бьетъ свою жену и дѣтей, говаривалъ онъ, тотъ нарушаетъ святыню семейной жизни. И онъ тоже самъ обучалъ своихъ дѣтей сперва чтенію и письму (хотя имѣлъ въ домѣ учителя—Грека, по имени Хилона), а потомъ отечественнымъ законамъ и гимнастикѣ, и знакомилъ ихъ съ дѣяніями и нравами знаменитыхъ предковъ. У древнихъ народовъ вообще господствовало почтенное уваженіе къ старинѣ и къ старикамъ, представителямъ старины; но нигдѣ не было обращено столько вниманія на нравственное воспитаніе примѣрами изъ жизни знаменитыхъ дѣятелей отечественной исторіи, какъ въ Римѣ. Древніе Римляне, по свидѣтельству Катона, на пирахъ по очереди прославляли знаменитыхъ предковъ. На этихъ пирахъ они заставляли мальчиковъ пѣть древнія пѣсни, иногда подъ звуки флейты, для прославленія героевъ и важныхъ отечественныхъ событій. Эти пѣсни переходили изъ устъ въ уста, и были пѣты часто и въ торжественныхъ собраніяхъ. Такъ напр. когда гадатели этрусскіе за свои козни были изгнаны изъ Рима, то дѣти пѣли по улицамъ: *malum consilium consultatori pessimum* (100).

Помощниками въ дѣлѣ воспитанія у Римлянъ, какъ и въ Греціи, были педагоги. Но Римляне, также какъ и Греки, по крайней мѣрѣ долгое время, не понимали нравственнаго значенія педагоговъ въ семействѣ, поручали эту должность своимъ рабамъ, и притомъ нерѣдко потому только, что они ни къ чему болѣе не были способны. Унизительное внѣшнее положеніе педагоговъ клало такую же печать низости и на внутреннюю ихъ сторону. Большею частію эти педагоги вовсе не имѣли качествъ, нужныхъ для нравственнаго надзора за молодымъ поколѣніемъ, были люди грубые и преданные порокамъ. Поэтому и вліяніе ихъ на дѣтей рѣдко было благотворно. Самый лучший результатъ, какого можно было ожидать отъ такихъ надзирателей, ограничивался только отрицательною дѣятельностію — удерживаніемъ дѣтей отъ внѣшнихъ видимыхъ проступковъ; оно могло быть вынуждено страхомъ жестокой отвѣтственности предъ своими господами; но внутреннее, нравственное вліяніе ихъ на чувство, на убѣжденія, на образованіе внутренняго человѣка могло быть только особеннымъ исключеніемъ. Не станемъ приводить здѣсь печальныхъ примѣровъ бѣдственнаго положенія древнихъ педагоговъ въ Римѣ; довольно будетъ указать на одного Епиктета, философа-педагога, жившаго уже во время императоровъ, когда педагоги пользовались уже болѣшимъ значеніемъ. Бѣдный стоическій философъ, человѣкъ высокаго ума и строгой нравственности, предлагалъ на выборъ свои услуги одному богатому человѣку: какія же услуги? — Или писца, или привратника, или педагога. И не оскор-

блялось внутреннее чувство родителей одинаковымъ положеніемъ воспитателя ихъ дѣтей съ привратникомъ, часто мѣнявшимся въ роли съ животнымъ, стрегущимъ ихъ дома? Этимъ педагогамъ Римляне часто поручали кромѣ надзора и обученіе дѣтей, для чего выбирали въ педагоги рабовъ, не только знающихъ грамоту, но и знакомыхъ съ литературою и какими нибудь науками. Весьма часто эти педагоги—учители бывали изъ рабовъ, которыхъ Аѳиняне покупали у киликійскихъ пиратовъ и, выучивши, продавали потомъ Римлянамъ. Между тѣмъ самымъ соединеніемъ должности учителя съ обязанностями древняго педагога положено было начало лучшему состоянію его въ обществѣ. Уважая силу знанія и важность его примѣненій къ жизни, мы начинаемъ цѣнить и представителей знанія. Дѣти богатыхъ часто имѣли многихъ педагоговъ; иногда къ каждому дитяти въ семействѣ былъ приставленъ особый педагогъ; но всего чаще нѣсколько дѣтей состояли подъ надзоромъ одного педагога.

Обязанность педагога или надзирателя за дѣтьми состояла не только въ наблюденіи за ихъ поведеніемъ дома и внѣ дома, на улицахъ, въ театрахъ, гдѣ они имѣли свое опредѣленное мѣсто, но и въ приученіи ихъ къ приемамъ, необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка въ то время. Педагогъ училъ ихъ какъ держать голову, какъ брать за столомъ соль, какъ—рыбу?—и. т. д; это называлось *monere*. Такіе педагоги назывались у нихъ *custos* или *paedagogus*. Были и другія названія для этихъ педагоговъ, судя по разнымъ отбѣнкамъ ихъ главной должности,

какъ напр. *carparius* назывался тотъ, кто носилъ за дѣтьми книги въ мѣшкѣ, *progymnasta* — учитель гимнастики или тотъ, кто водилъ дѣтей на гимнастическіе уроки, *comes* былъ ниже педагога и игралъ самую мелкую роль въ семействѣ (101).

На шестнадцатомъ году на дѣтей надѣвали вмѣсто тоги претексты мужескую тогу и стригли волосы. Съ перемѣною одежды начинался новый періодъ въ жизни юноши; онъ пользовался большею самостоятельностью, могъ сближаться съ лицами, состоявшими на службѣ государственной; однакожь время надзора не прекращалось, строгость дисциплины не переставала слѣдить за его нравственностью. Въ этомъ отношеніи переходное время въ жизни римскаго юношества, по крайней мѣрѣ въ лучшія времена республики, было совсѣмъ не таково, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ эфебы пользовались совершенною свободою, и проводили время то въ бесѣдѣ съ софистами, то въ забавахъ и упражненіяхъ гимнастическихъ. По строгости надзора и дисциплины, не прекращавшейся и въ этомъ періодѣ юношескаго возраста, римское воспитаніе похоже на воспитаніе въ Спартѣ, гдѣ строгость дисциплины тоже не уменьшалась, а усиливалась съ возрастомъ; въ ней не было только спартанской однообразности и послѣдовательности. Педагогъ, надзиравшій за Римляниномъ въ дѣтствѣ, не оставлялъ его и въ мужеской тогѣ, до самаго поступленія его на службу, хотя конечно строгость надзора могла соразмѣряться съ характеромъ самаго воспитанника: къ скромному были снисходительнѣе, къ своевольному — взыскательнѣе. Но какъ въ Спартѣ зирень и мелзирень не могъ

позволить себѣ что-нибудь нескромное, такъ и молодой Римлянинъ долженъ былъ строго соображаться съ правилами благоприличія. Стыдливость въ молодомъ человѣкѣ считалась лучшимъ нравственнымъ достоинствомъ. „Я лучше люблю, говаривалъ Катонъ, когда молодой человѣкъ краснѣетъ, нежели когда онъ блѣднѣетъ.“ Въ знакъ скромности, въ публичномъ собраніи или предъ старшими, молодой Римлянинъ долженъ былъ прикрывать свои руки то-гою; держать ихъ открыто въ юношескомъ возрастѣ считалось неприличнымъ (102).

Такимъ образомъ въ римскомъ воспитаніи перваго періода находимъ многія добрыя качества, какія только возможны были въ древнемъ мірѣ, съ его понятіями о человѣкѣ и о разнообразныхъ отношеніяхъ его жизни. Нѣжной заботливостію о молодомъ поколѣніи въ первые годы его дѣтства, строгостію дисциплины, собственной жизнію и примѣрами типическихъ лицъ своей исторіи Римляне поддерживали въ немъ тотъ же энергическій духъ, которымъ долгое время они отличались на поприщѣ воинскомъ и гражданскомъ. Практическое направленіе воспитанія долѣе сохраняло у нихъ чистоту нравовъ, нежели эстетическое—у Аѳинянъ.

Но кругъ предметовъ обученія у Римлянъ былъ очень ограниченъ до знакомства съ греческихъ образованіемъ. Даже въ то время, когда греческіе учителя успѣли передать имъ сокровища своей образованности, они никогда не могли возвыситься до обширности и оригинальности греческаго образованія.

Мы имѣли уже случай сказать, что обученіе у Римлянъ было домашнее. Не только педагоги, но и отцы семействъ, нерѣдко занимавшіе первостепенныя государственныя должности, сами обучали своихъ дѣтей чтенію и письму. Есть впрочемъ историческія свидѣтельства и о школахъ, бывшихъ въ древнемъ Римѣ еще до появленія греческихъ риторовъ. Первое указаніе на школу, въ которую ходили обучаться даже дѣвушки, встрѣчается въ 305-му году отъ построенія Рима, или за 449 лѣтъ до Рожд. Христова (103). Есть и другое свидѣтельство объ училищѣ, бывшемъ въ латинскомъ городѣ Тускулумѣ (104). Этими школамъ, кромѣ заимствованнаго, позднѣйшаго греческаго названія *schola*, они давали свое собственное названіе *ludus* — игра, хараткеризующее ихъ взглядъ на науку и на все духовное образованіе, не какъ на необходимую, существенную потребность человѣческой жизни, но какъ на предметъ досуга и забавы (105).

Свѣдѣнія объ этихъ школахъ въ первомъ періодѣ римскаго воспитанія ограничиваются только нѣкоторыми самыми общими понятіями. Хотя туда ходили обучаться дѣти нѣсколькихъ семействъ, однакоже ихъ нельзя назвать общественными; потому что учителя открывали, содержали и закрывали ихъ по своему усмотрѣнію. Такъ напр. подобное училище было открыто Люціемъ Крассиціемъ Тарентинцемъ, учителемъ Юлія Антонія, триумвирова сына (106). Правительство не принимало еще участія ни въ содержаніи училищъ и учителей, ни въ составѣ предметовъ обученія. Подобныя училища долгое время обыкновенно по-

мѣщались въ зданіяхъ, открытыхъ проходимъ, на улицахъ наиболѣе проходимыхъ, на перекресткахъ. Отъ этихъ перекрестныхъ улицъ—*triviiis*, гдѣ помѣщались школы первоначальнаго обученія, произошло потомъ у Римлянъ названіе *trivialis scientia*, которымъ Квинтиллианъ обозначаетъ элементарное обученіе, а у насъ—слово тривіальный, означающее что-нибудь обыкновенное и отъ частаго повторенія нестойщее напоминанія (107).

Учители домашніе назывались *magistri*, а въ общихъ школахъ *ludimagistri*. Неизвѣстно, была ли опредѣленная плата за обученіе въ школахъ; вѣроятно, что ея не было, но что родители или родственники вносили за обученіе разные подарки, нужные на содержаніе училища и учителя. Плутархъ ясно говоритъ, что только позже была установлена опредѣленная цѣна урокамъ, и что первый основатель школы за опредѣленную плату былъ Спурій Корвиній, отпущенникъ того самаго Корвинія, о разводѣ котораго съ женою является первое историческое свидѣтельство (108).

Несмотря на то, что Римляне, подобно Грекамъ, имѣли общія училища для обученія дѣтей и сами въ своихъ семействахъ занимались обученіемъ ихъ, это обученіе у нихъ никогда не имѣло греческой полноты и гармоніи. У Грековъ образованіе направлено было къ гармоническому развитію душевныхъ и тѣлесныхъ силъ; идеаломъ его была у нихъ *καλοκάγαλεια*—здоровость духа и тѣла, какъ-бы артистическое настроеніе всего человѣка. Изъ этого общаго настроенія, не имѣвшаго одной исклю-

чительной цѣли, сами собою должны были вытекать всѣ частныя блага образованія въ примѣненіи къ потребностямъ жизни. У Римлянъ не было этого высокаго инстинкта къ полному и самостоятельному образованію; достоинство его они измѣряли рефлексією, вниманіемъ къ законности въ жизни, къ пользамъ частнаго и общественнаго быта. А потому не всѣ предметы греческаго образованія были у нихъ въ ходу, другимъ же, которыми и они усердно занимались, давали иное направленіе, оставаясь всегда ниже своихъ учителей. Это различіе въ духѣ образованія обоихъ народовъ отражается и въ области религіи. Греческіе храмы, изваянія боговъ, религіозныя торжества происходили больше изъ стремленія Грековъ къ выраженію своихъ помысловъ въ прекрасныхъ формахъ искусства; у Римлянъ воздвигались храмы, учреждались религіозныя торжества, игры для умиловленія боговъ, для отвращенія язвы.

Греки любили гимнастику какъ прямой предметъ воспитанія; она развилась у нихъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, — и каждый благородный Грекъ считалъ за честь усовершенствоваться въ этомъ искусствѣ. У Римлянъ гимнастика никогда не входила въ составъ воспитанія, какъ необходимая часть его. Римское юношество, надѣвая тогу мужескую, занималось иногда физическими упражненіями, но только для укрѣпленія тѣла, для приготовленія себя къ военной службѣ, безъ всякой эстетической цѣли, пренебрегая искусственную гимнастику Грековъ. Особенно же до сближенія съ Греками Римляне чуждались гимнастическихъ упражненій, не имѣли ни гимнасій, ни педотрибовъ

или гимнастовъ. У нихъ было мнѣніе, что греческая гимнастика не возвышаетъ, а унижаетъ всякаго свободно-рожденнаго, не укрѣпляетъ духа, но ведетъ къ праздности, къ пустой заботѣ о ловкости тѣлодвиженій,— и это понятіе о греческой гимнастикѣ было отчасти справедливо, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ поздиѣйшему характеру ея у Грековъ—со времени македонскихъ войнъ. Во времена имперіи были и у Римлянъ гимнастическія игры въ родѣ греческаго пентаѡлона, но онѣ не пользовались большимъ уваженіемъ. Изъ случая, по которому онѣ были закрыты и изъ словъ Августа, лучше всего видѣль римскій взглядъ на гимнастику: она пользовалась въ Римѣ нѣкоторымъ вниманіемъ не по своему самостоятельному значенію, какъ въ Греціи, но по виѣшнимъ, стороннимъ причинамъ. Августъ желалъ поддержать эти гимнастическія игры преимущественно потому, что онѣ сближаютъ юношество; но когда Азиній Полліонъ однажды сталъ жаловаться, что его внукъ сломалъ себѣ ногу на этихъ играхъ, то Августъ велѣлъ закрыть ихъ. Только агонистическія игры,—были въ обычаѣ у Римлянъ; но онѣ совершались для увеселенія народа, по большей части этрусскими или греческими атлетами. Въ связи съ гимнастическими играми, была у Грековъ любовь къ тѣлесной красотѣ: Греки любили бороться обнаженные. Римлянинъ уже потому самому не былъ расположенъ къ греческой гимнастикѣ, что онъ считалъ постыднымъ являться въ нагомъ видѣ; для него было бы соблазномъ не только бороться обнаженному, но и присутствовать при подобныхъ сценахъ (109).

Изъ тѣлесныхъ упражненій Римляне при воспитаніи юношества обращали особенное вниманіе на танцы и плаваніе. Танцы рано были у нихъ въ употребленіи; они соединены были съ мѣстными празднествами. Есть свидѣтельства, что во время первой пунической войны—когда нравы римскіе сохраняли еще старинную строгость—не только мальчики, но и дѣвушки учились танцевать. Въ этихъ танцахъ Римляне долгое время строго наблюдали мѣру національнаго приличія. Такъ напр. Сципіонъ Африканскій, тотъ самый, котораго Катонъ обвинялъ во вредномъ вліяніи на нравственность Рима, порицалъ совокупные танцы мальчиковъ и дѣвушекъ, и видѣлъ въ нихъ источникъ соблазна. Цицеронъ жалуется что въ его время было много утонченности въ танцахъ въ сравненіи съ прежними временами, когда рѣзвость не выходила изъ границъ любимой римской сурьезности,—и эти нововведенія были оставлены, какъ неприличныя, когда нѣкто Пизадъ, во время Августа, задумалъ еще болѣе усовершенствовать ихъ. Плаванію обучали дѣтей вѣроятно потому, что оно необходимо было для военной службы (110).

Духовное образованіе, извѣстное у Грековъ подъ именемъ музыки, тоже не имѣло у Римлянъ ни высокаго общественнаго направленія, ни обширнаго развитія, но ограничивалось только частными, практическими цѣлями жизни римскаго гражданина.

Чтеніе, письмо и счисленіе или ариѳметика были первоначальными и какъ-бы общими предметами обученія. О способѣ обученія чтенію и письму, въ древнѣйшій пе-

ріодъ римскаго воспитанія, мы не имѣемъ свѣдѣній. На арифметику, какъ предметъ житейской потребности, Римляне болѣе обращали вниманія, нежели Греки;—за то они не имѣли высшаго понятія о значеніи геометріи, объ отношеніи ея къ философіи, и видѣли въ ней только средство для измѣренія обыкновенныхъ предметовъ житейской потребности. Въ этомъ одностороннемъ взглядѣ Римлянъ на науку счисления римскіе поэты—Горацій и Ювеналь находятъ причину ранняго пробужденія корысти въ юношествахъ. Нося съ собою постоянно въ мѣшечкахъ счетные камешки въ школу, перебирая ихъ часто даже на пути въ школу, дѣти заранѣе пріучались къ расчетливости въ поступкахъ, всегда отличавшей Римлянъ (111).

Кромѣ этихъ предметовъ, къ составу обученія въ періодъ ношенія тоги претексты относилась еще исторія, или свѣдѣнія о главныхъ лицахъ и событіяхъ римскаго государства. Съ исторією Рима соединялось вѣроятно обученіе мифологіи. Такъ можно по крайней мѣрѣ заключать какъ по тѣмъ подробнымъ свѣдѣніямъ о мифологіи, которыя мы находимъ у римскихъ поэтовъ и изъ обученія позднѣйшихъ временъ, такъ и по самой связи мифологіи съ исторією и богослуженіемъ. Что касается географіи, то, судя по литературнымъ памятникамъ древности, Римляне гораздо менѣе обращали на нее вниманія, нежели Греки, рано начавшіе знакомиться съ разными частями свѣта посредствомъ военныхъ походовъ, торговли, колоній и путешествій (112). Подъ конецъ этого періода упоминаются уже географическія карты (113).

Изъ искусствъ, получившихъ такое роскошное развитіе у Грековъ, Римляне любили поэзію и пѣніе, имѣя постоянно въ виду ихъ вліяніе на нравственное образованіе. Но какъ въ Римѣ не всѣ виды поэзіи получили такое развитіе, какъ у Грековъ, то и воспитаніе въ этомъ отношеніи ограничивалось у нихъ, по крайней мѣрѣ до знакомства съ произведеніями греческой поэзіи, національными лироэпическими стихотвореніями, въ которыхъ прославились гражданскія добродѣтели знаменитыхъ Римлянъ. Эти произведенія заучивалъ, и долженъ былъ знать каждый благовоспитанный Римлянинъ. Съ ними соединены были и упражненія въ стихотворствѣ, способствовавшія развитію дара слова. Драматическая поэзія не принялась на римской почвѣ; подъ конецъ этого періода стали появляться подражанія греческимъ драматическимъ писателямъ; но ихъ разыгрывали обыкновенно рабы; благородный Римлянинъ считалъ для себя униженіемъ участвовать въ этихъ сценическихъ представленіяхъ. Собственно римская сцена ограничивалась только мимическими представленіями этрусскихъ гистрионовъ и ателланами, въ которыхъ дѣйствующими лицами были свободно-рожденные Римляне. Эти произведенія, не имѣли никакого художественнаго достоинства; первыя были только временными средствами умиловленія боговъ, другія могли доставить забаву и развлеченіе, но не могли способствовать образованію вкуса. Римляне вообще не имѣли природнаго вкуса къ сценическому искусству, любили только низшія сценическія представленія, пантомимы и зрѣлища цирка. Это имѣло потомъ гибельное

вліяніе на правдивность народную, такъ живо описанное авторомъ сочиненія объ упадкѣ краснорѣчія въ Римѣ.

И пѣніе у Римлянъ было не столько плодомъ художественнаго настроенія души, сколько средствомъ для развитія гражданской доблести. Предметомъ пѣсенъ, какъ средства воспитанія, было прославленіе событій и героическихъ лицъ съ присоединеніемъ правдивныхъ мыслей. Грекъ своимъ художественнымъ инстинктомъ чувствовалъ всю прелесть соединенія звуковъ струннаго инструмента съ пѣніемъ, а у Римлянъ музыка не пользовалась большимъ уваженіемъ, и не входила въ составъ воспитанія (114).

Всѣ эти предметы обученія были низшими и какъ-бы приготовительными. Ими могло ограничиваться образованіе большей части молодыхъ людей. Оно продолжалось обыкновенно до того времени, пока они носили тогу претексту, то есть, пока принадлежали еще надзору семейному и не имѣли никакой гражданской самостоятельности. Но за этимъ курсомъ обученія, которое могло быть или дома, или въ училищѣ, наступалъ другой—для приготовленія молодыхъ людей къ специальному служенію отечеству на поприщѣ гражданскомъ, или военномъ. Этотъ курсъ начинался съ того времени, когда надѣвали на молодого человѣка мужескую тогу, то есть на восемнадцатомъ году, но иногда и позже. Главнымъ, общимъ предметомъ обученія въ этомъ возрастѣ было краснорѣчіе, необходимое въ то время не только для гражданской, но и для военной службы: способъ обученія краснорѣчію долго былъ только практической. Нѣкоторые полководцы изучали

ораторское искусство даже въ воинскомъ шалашѣ, особенно подѣ конецъ республики, когда военная дисциплина стала ослабѣвать, когда часто нужна была сила краснорѣчія для пробужденія усыпленнаго героизма. Способъ приготовленія римскаго юношества къ военной службѣ неизвѣстенъ. Такъ-какъ у Римлянъ гимнастика ограничивалась немногими упражненіями, безъ особенныхъ заведеній и учителей, то вѣроятно приготовленіе къ военной службѣ состояло только въ этихъ общихъ гимнастическихъ упражненіяхъ; дальнѣйшею школою воиновъ были походы и битвы. Пока римскій духъ хранился въ первобытной чистотѣ, до тѣхъ поръ въ навѣкъ, въ примѣрахъ строгаго соблюденія дисциплины на форумѣ и въ лагерѣ была лучшая школа чувства чести для молодаго Римлянина. Въ лучшія времена Рима, по словамъ Плінія (115), строгость семейной дисциплины не прекращалась и съ поступленіемъ юноши въ ряды легионовъ, или на службу гражданскую. Ихъ руководили тамъ или отцы, или другія лица, почтенныя по лѣтамъ и опытности. Въ военное время тотъ много имѣлъ средствъ для развитія воинскихъ способностей, кто находился близъ Претора—въ его свитѣ, или въ числѣ его тѣлохранителей (116). Кто готовился въ гражданскую службу, или кто желалъ пріобрѣсть свѣдѣнія въ правовѣдѣніи, тотъ поступалъ къ какому нибудь пративительственному лицу, извѣстному своими юридическими познаніями, для практическаго изученія юриспруденціи. Такъ напр. Цицеронъ былъ отданъ своимъ отцомъ сперва къ Авгуру Муцію Сцеволю, а послѣ его смерти къ верхов-

ному жрецу Кв. Сцеволю, Крассъ поступилъ къ Нарбону, Цезарь — къ Долабеллю, Азиний Поллионъ — къ Катону. И въ этомъ отношеніи есть различіе между воспитаніемъ греческимъ, или точнѣе, аѳинскимъ и римскимъ. Аѳинскій эфебъ, по окончаніи обыкновеннаго курса обученія, предавался какой либо наукѣ и искусству по своей склонности, имѣя въ виду общій идеалъ греческаго образованія; а Римлянинъ посвящалъ цвѣтущее время юности на приобрѣтеніе свѣдѣній и опытности, нужныхъ прямо для практическаго служенія отечеству. Въ этомъ, по словамъ Цицерона, они полагали высшую мудрость и высшую добродѣтель (117). Въ началѣ молодые люди въ Римѣ приучались къ дѣламъ управленія и судопроизводства, присутствуя только въ сенатѣ; потомъ они начали присутствовать въ народныхъ собраніяхъ и при судопроизводствахъ. Но сами не скоро могли являться въ этихъ собраніяхъ съ рѣчами для публичнаго изложенія дѣлъ. Такъ напр. Цицеронъ выступилъ съ своею рѣчью для публичнаго защищенія Секс. Росц. Америна на двадцать седьмомъ году. Только въ позднѣйшія времена менѣе обращали вниманія на дѣла новаго публичнаго оратора. Такъ напр. Плиній говорилъ первую публичную рѣчь на девятнадцатомъ году (118).

Основаніемъ юридическаго образованія Римлянъ, были такъ называемыя 12 таблицъ. Кто посвящалъ себя законовѣдѣнію, тотъ долженъ былъ знать ихъ наизусть. Ихъ учили, по словамъ Цицерона, даже въ дѣтствѣ, какъ какую-нибудь поэму (119). Эти 12 таблицъ замѣчательны въ исторіи римскаго воспитанія особенно потому, что

появленіе письменныхъ законовъ дало потомъ возможность изучать ихъ и плебеямъ; между тѣмъ прежде законы были извѣстны только патриціямъ, и знаніе ихъ сопряжено было съ жреческимъ званіемъ, доступнымъ также только патриціямъ. Первый верховный жрецъ изъ плебеевъ былъ Тиберій Корунканій за 252 года до Р. Х. и около 200 лѣтъ послѣ появленія 12 таблицъ законовъ. Этотъ Тиберій Корунканій часто называется первымъ общественнымъ учителемъ правовѣдѣнія, то есть, не по способу обученія, но потому, что онъ знакомилъ съ законами не только патриціевъ, но и плебеевъ (120).

Таково было въ первомъ періодѣ воспитаніе юношества у великаго народа древности, увѣковѣчившаго свое имя воинскими подвигами и памятниками законодательной мудрости. Во второмъ столѣтіи до Р. Х., то есть, подъ конецъ республики, стали появляться одно за другимъ нововведенія въ воспитаніи Римлянъ. Въ связи съ другими причинами онѣ произвели потомъ существенныя перемѣны въ самомъ духѣ воспитанія.

Первымъ изъ такихъ нововведеній былъ всеобщій, по крайней мѣрѣ у патриціевъ и богатыхъ плебеевъ, обычай обучать своихъ дѣтей греческому языку, и какъ для живаго употребленія греческаго языка нужны были природные Греки, то воспитаніе и обученіе дѣтей мало-по-малу перешло въ руки греческихъ педагоговъ и нянекъ. Владѣть греческимъ языкомъ считалось первымъ признакомъ хорошаго, моднаго въ то время воспитанія. И это первый примѣръ въ исторіи педагогій, что одинъ народъ чув-

ствуется необходимость — изучать языкъ другого народа для образованія себя. Псамметихъ тоже, какъ мы видѣли выше, велѣлъ молодымъ Египтянамъ обучаться греческому языку; но цѣлью этого обученія было не образованіе народа, а желаніе сблизиться съ Греками и воспользоваться ихъ опытностію въ мореходствѣ и военномъ искусствѣ. Скоро, не смотря на цензорскій эдиктъ въ 160 году, которымъ воспрещалось греческимъ риторамъ и философамъ пребываніе въ Римѣ, эти гуверниѣры и гувернантки стали наводнять Римъ, — и древній духъ римскаго воспитанія долженъ былъ мало-по-малу уступить мѣсто новому, модному направленію воспитанія по подражанію Грекамъ, утратившимъ уже чистое изящество своей калокагаѣи. Было и до того времени много образованныхъ Римлянъ, умѣвшихъ писать и говорить на греческомъ языкѣ; съ нимъ началъ знакомить ихъ еще Ливій Андроникъ и Эниій, переводившіе и объяснявшіе своимъ ученикамъ греческихъ писателей; но во всеобщее употребленіе при воспитаніи, какъ необходимая принадлежность образованія и хорошаго тона, греческій языкъ сталъ входить уже подъ конецъ втораго вѣка до Рождества Христова.

Въ связи съ распространеніемъ греческаго языка происходятъ въ римскомъ воспитаніи и другія новыя явленія, — это обученіе грамматикѣ, риторикѣ и философіи. Прежде молодой Римлянинъ усердовался въ краснорѣчій практически — бесѣдою, подражаніемъ, собственными упражненіями въ словѣ; теперь къ практическимъ упражненіямъ присоединяется систематическое изученіе языка и про-

изведеній словесности. Первыя чтенія о грамматикѣ были открыты въ Римѣ Кратесомъ Малосскимъ, ученымъ посланникомъ Атталы, царя пергамскаго, на греческомъ языкѣ (121). Потомъ и между Римлянами стали появляться учителя грамматики, преподававшіе ее на латинскомъ языкѣ. Первые учителя греческіе, познакомившіе Римлянъ съ философіею, были три философа, присланные Аѳинянами въ Римъ въ качествѣ посланниковъ: Карнеадъ академикъ, Діогенъ стоикъ и Критолай перипатетикъ. Изъ нихъ особенно Карнеадъ увлекалъ своихъ слушателей силою слова.

Частію отъ этихъ новыхъ явленій въ исторіи римскаго воспитанія, частію отъ другихъ причинъ, особенно отъ сближенія съ востокомъ и накопленія огромныхъ богатствъ въ Римѣ, послѣ покоренія разныхъ народовъ, постепенно сталъ измѣняться прежній характеръ римской жизни и римскаго воспитанія. Въ чемъ же состоитъ эта перемѣна? Съ одной стороны, правительство усиливаетъ въ этомъ періодѣ свое вліяніе на воспитаніе;—сперва оно ограничиваетъ дѣятельность риторовъ и философовъ, потомъ даетъ имъ право гражданства, далѣе назначаетъ имъ жалованье и мало-по-малу организуетъ сословіе ученыхъ; такимъ образомъ, дѣло образованія, какъ необходимое отъ правленія въ общественной жизни, получаетъ въ этомъ періодѣ болѣе сознательности; съ другой—духъ образованія и воспитанія не имѣетъ уже прежняго практическаго, положительнаго характера, теряетъ прежнее единство съ общественною жизнію. Въ первомъ періодѣ, какъ мы ви-

дѣли, римское юношество получало образованіе въ доль
 родительскомъ или въ частныхъ школахъ, не выходя изъ-
 подъ надзора родителей и прямо приготавливаясь только для
 служенія отечеству; иные продолжали свое образованіе
 для такой же цѣли, изучая практически законы и упраж-
 няясь въ краснорѣчіи. Но съ увеличеніемъ количества и
 значенія риторскихъ школъ, въ римскомъ воспитаніи про-
 изошла переменна подобная той, какую мы видѣли въ Аѳи-
 нахъ съ появленіемъ софистовъ—раздѣленіе между нрав-
 ственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ. Древне-римскій
 духъ образованія испарялся, дисциплина вездѣ ослабѣ-
 вала, за исключеніемъ развѣ начальныхъ школъ; главное
 вниманіе обращено было на обученіе, на умственное об-
 образованіе, какъ на средство для достиженія матеріальныхъ
 выгодъ и вѣса въ обществѣ; главнымъ предметомъ изуче-
 нія было декламаторское искусство риторовъ и отчасти фи-
 лософія. „Теперь пренебрегаютъ, говоритъ Тацитъ, изуче-
 ніемъ законовъ, не обращаютъ вниманія на сенатскіе при-
 говоры, не заботятся объ образованіи себя бесѣдою, под-
 ражаніемъ опытнымъ людямъ, обращеніемъ съ ними, и
 спѣшать къ риторамъ, у которыхъ съ духомъ безнрав-
 ственности соединяется пустота“ (122). Это направленіе
 образованія выразилось и въ характерѣ литературы: въ
 первый разъ появилась беллетристика на педагогическомъ
 поприщѣ. Многіе стали заниматься литературою, какъ
 средствомъ для пріятнаго препровожденія времени, или
 для вступленія въ высшій кругъ общества (123). Другое
 направленіе образованія, уклонившагося отъ прежняго един-

ства съ общественною жизнію, было нѣсколько чище; оно стремилось въ отвлеченную область умозрѣнія. Но Римлянинъ мало былъ способенъ къ умозрѣнію; онъ всегда пользовался философіею, не какъ потребностію и результатомъ своей внутренней жизни, но какъ средствомъ уединеннаго мира и утѣшенія. Духъ человѣческій, въ лицѣ любителей мудрости, какъ бы отзывалъ свои силы отъ сцены дѣйствія, запятнанной кровію гладиаторовъ, и сосредоточивалъ ихъ внутри себя, въ ожиданіи другой, высшей формы жизни.

Многіе изъ позднѣйшихъ римскихъ писателей согласнo описываютъ упадокъ нравственнаго воспитанія и прежней дисциплины въ эту эпоху. „Родители научаютъ своихъ дѣтей, говоритъ Ювеналь, самымъ постыднымъ вещамъ. Мальчикъ одѣтый еще по дѣтски, играетъ уже въ кости, какъ взрослый, и обираетъ другаго; учится у своего отца отыскивать трюфли, готовить бекасовъ въ грибномъ соусѣ... У многихъ еще всѣ зубы не выросли, а они только и думаютъ о кухнѣ, да о лакомствахъ, хотя бы къ нимъ приставленъ былъ учитель съ огромнѣйшею бородою. Таковы же и учителя..... Ни что дурное не должно бы касаться порога той комнаты, въ которой живетъ питомецъ; нужно бы уважать и щадить молодой возрастъ, потому что дѣти подражаютъ всему—и виѣшнему и внутреннему; нужно бы доставлять отечеству не сына только, но сына добраго; а между тѣмъ одни отцы научаютъ дѣтей низкому скряжничеству, другіе—судейскимъ ябедамъ; тамъ твердятъ имъ, что военные подвиги

должны вести только къ богатству, здѣсь объясняютъ имъ, какъ они могутъ достигнуть денегъ и имущества, и доказываютъ, что всѣ средства годны, лишь бы онѣ вели къ приобрѣтенію. Жалуются родители на развращеніе нравовъ, а начало этого развращенія въ нихъ самихъ "(124). То же самое только въ другихъ словахъ говоритъ авторъ сочиненія объ упадкѣ краснорѣчія. Теперь не то, говоритъ онъ, что было у нашихъ предковъ; и родители, и учителя стали хуже. У прежнихъ Римлянъ дисциплина была строгая. Пока дѣти раждались отъ благонравныхъ родителей, то и заботливость о нихъ была радостию для матери семейства. Новорожденное дитя не давали нянькамъ и кормилицамъ, но какая нибудь родственница, почтенная по своимъ лѣтамъ и доброй нравственности, пособляла въ присмотрѣ за нимъ. Такова была Корнелія, мать Гракховъ, Аврелія, мать Цезаря, Аппія, мать Августа. Родители желали дать доброе направленіе доброй природѣ своего сына, и заставляли его посвятить себя какому нибудь роду занятій,—или воинскимъ упражненіямъ, или юриспруденціи, или краснорѣчію; а теперь сдаютъ дитя греческой рабынѣ, приставляя къ ней еще раба, потому только, что онъ ни къ чему болѣе неспособенъ. Тогда восприимчивая душа дитяти наполняется различными суевѣріями и заблужденіями. Рабамъ, ухаживающимъ за дѣтьми позволяютъ дѣлать все, хотя бы это и вредно дѣйствовало на ихъ нравственность. Сами родители ведутъ дѣтей къ порочности и безстыдству, такъ что теперь какъ бы прирождены дѣтямъ пороки города, напр. страсть къ

гладіаторскимъ зрѣлищамъ. Будеть ли послѣ того въ душѣ воспитанника мѣсто любви къ искусству, къ наукамъ? Гдѣ могутъ дѣти услышать что нибудь объ этихъ лучшихъ занятіяхъ? Онѣ умѣютъ говорить только объ увеселеніяхъ даже въ аудиторіяхъ; да и отъ учителей своихъ ничего другаго не слышать, потому что учителя стараются имъ угодить и говорятъ о томъ, что онѣ охотиѣе слушаютъ" (125).

Нѣкоторые писатели римскіе являются даже приверженцами либеральнаго воспитанія и видятъ только дурную сторону въ прежней строгости римскаго воспитанія (126). Были еще и въ эту печальную эпоху римской жизни примѣры добраго воспитанія дѣтей подъ руководствомъ добрыхъ родителей и наставниковъ; но эти примѣры составляли уже исключеніе въ общемъ порядкѣ вещей.

Упадокъ прежней дисциплины былъ въ связи съ отдѣленіемъ нравственнаго воспитанія отъ обученія. Прежде нравственное развитіе шло рядомъ съ практическимъ упражненіемъ въ краснорѣчии и въ военномъ искусствѣ. Но съ того времени, какъ усилилось въ Римѣ вліяніе греческихъ учителей, давно уже отставшихъ отъ духа своихъ предковъ, дорожили болѣе блескомъ риторскаго образованія. Конечно обученіе въ этомъ періодѣ сдѣлалось точнѣе, обширнѣе; но по самой отдѣльности своей отъ жизни, отъ практическихъ примѣненій, должно было часто довольствоваться только школьными, декламаторскими формами.

Два главные предмета высшаго школьнаго обученія были у Римлянъ въ этомъ періодѣ: это словесность и правовѣдніе (127). Въ составъ элементарнаго обуче-

нія, входило, какъ и прежде, чтеніе, письмо и счисленіе. Учители словесности, въ обширномъ смыслѣ слова, назывались у Римлянъ граматиками. Низшіе грамматики, обучавшіе чтенію и письму, назывались *literatores* (у Грековъ ихъ называли граматистами); высшіе—объясняли писателей, обучали собственнымъ упражненіямъ въ краснорѣчій, иногда еще исторіи и стихотворству; ихъ называли *literati* (128).

И въ этомъ періодѣ, по свидѣтельству Квинтиліана, дѣти начинали учиться на седьмомъ году (129). Читать учили по обыкновенному силлабическому методу. Начинали съ буквъ, потомъ переходили къ слогамъ, отъ слоговъ къ словамъ, отъ словъ къ связной рѣчи. При чтеніи особенное вниманіе обращали на правильное и раздѣльное произношеніе (130). Дѣти, выучившіяся читать, заучивали какія нибудь извлеченія изъ лучшихъ писателей, особенно изъ поэтовъ. Такъ напр. у грамматика Орбілія учили что-нибудь изъ драмъ Ливія Андроника, у другихъ—изъ Невія; но самую употребительною, учебною книгою у Римлянъ были стихотворенія Вергілія. Судя по нѣкоторымъ словамъ въ „школьныхъ разговорахъ“ (*colloquia scholastica*) (131), можно думать, что въ римскихъ школахъ былъ въ употребленіи методъ, похожій на нынѣшній такъ-называемый методъ взаимнаго обученія, хотя Римляне не давали ему никакого особеннаго названія. Квинтиліанъ говоритъ что учитель, или одинъ изъ старшихъ учениковъ произносилъ что-нибудь громко, а другіе въ слѣдъ за нимъ повторяли. Повторяя нѣсколько разъ то,

что было пересказываемо, ученики наконец затверживали урокъ наизусть. Подобному способу обученія очень естественно было явиться въ то время, когда неизвѣстно было книгопечатаніе и немного было рукописныхъ книгъ. Чтобы вознаградить этотъ недостатокъ нужно было прибѣгать къ заучиванію со словъ учителя или старшаго ученика. Быть можетъ этотъ способъ обученія былъ отчасти въ связи съ живымъ характеромъ южныхъ народовъ, любящихъ читать не мысленно, а живою, ясною рѣчью и умственно усвоивать что-нибудь по живому впечатленію, а не по одному внутреннему, тихому наблюденію. *Viva vox afficit*—говаривали древніе Римляне. Если статьи, назначенныя для заучиванія, были велики, тогда въ школахъ диктовалъ ихъ или учитель, или ученикъ. Въ выборѣ авторовъ для школьныхъ упражненій римскіе педагоги были довольно старательны, и въ самомъ чтеніи слѣдовали мудрому правилу: *multum legendum esse, non multa* (132).

Съ чтеніемъ и заучиваніемъ лучшихъ авторовъ соединено было и первоначальное обученіе грамматики, объясненіе частей рѣчи и все, что касается каждой части рѣчи порознь. Правильнымъ чтеніемъ и грамматическимъ изученіемъ языка ученики приготовлялись къ декламации, на которую въ древности гораздо болѣе обращали вниманія, нежели въ настоящее время. При открытой южной жизни, при затруднительности переписки древніе народы невольно должны были обращать особенное вниманіе на произношеніе и приличныя тѣлодвиженія, какъ необходимыя условія успѣшности слова. Изящный, музыкальный говоръ былъ

необходимою принадлежностію образованія у Римлянъ и у Грековъ (133).

Писать учились въ то же время, какъ и читать. Учитель писалъ буквы и слова для образца, а ученикъ долженъ былъ подражать; потомъ учитель написанное исправлялъ. Иногда учитель, какъ и нынѣ, водилъ рукою ученика, не привыкшаго еще держать, какъ должно, пишущую трость (134).

Древніе не знали нашей пишчей бумаги и не употребляли перьевъ. Въмѣсто бумаги въ школахъ, при обученіи письму, употребляли таблицы навощенныя, а вмѣсто перьевъ небольшую палочку, называвшуюся у древнихъ Римлянъ *stylus*, *graphium*, *graphiolum*. Одинъ конецъ этой палочки былъ заостренный, а другой гладкій. Острымъ концемъ писали, а гладкимъ затирали, если что неправильно было написано. Для лучшей переписки употребляли папирусъ и пергамень; но писали только съ внутренней стороны, а наружная оставалась чистою (135).

Дисциплина въ низшихъ училищахъ была довольно строгая. Ученикъ долженъ былъ являться въ школу чисто одѣтымъ, умытымъ, причесаннымъ. Вошедши въ школу, онъ долженъ былъ занять свое мѣсто безъ шума. Тѣлесныя наказанія были, кажется, къ большому употребленію, хотя нѣкоторые благоразумные педагоги, напр. Квинтилианъ, не одобряли частаго употребленія подобныхъ средствъ образованія. Гораций съ насмѣшкою называетъ Орбилія Пупилла *plagosus* за то, что онъ любилъ часто бить своихъ учениковъ. Обыкновеннымъ орудіемъ наказанія въ школахъ была

ferula, родъ лопатки или линейки, также *scutica* (плеть), *virga* (розга). Иногда употребляли родъ бича—*flagellum*, орудіе жестокаго наказанія, которымъ часто наказывали даже рабовъ. Состояніе этихъ низшихъ учителей вообще было очень незавидное, исключая развѣ тѣхъ, которые пользовались извѣстностію. Учители имѣли еще помощниковъ *hypodidascali*, *subdoctores*, *proscoli*. Есть основаніе думать, что и лучшіе ученики раздѣляли съ ними труды обученія. Неизвѣстно, раздѣляли ль учениковъ на классы и были ль переводы изъ одного—въ другой. Встрѣчается только раздѣленіе учениковъ по возрасту на младшихъ и старшихъ (*pueri* и *adolescentuli*), и примѣнительно къ этимъ двумъ возрастамъ двойкія упражненія риторическія (*suasoriae* и *controversiae* (136).

Учебные часы каждый день были, кажется, назначены два раза въ день, до обѣда и послѣ обѣда. Такъ по крайней мѣрѣ можно полагать на основаніи „школьныхъ разговоровъ“: „послѣ обѣда возвращаюсь, говорится тамъ, въ школу и нахожу диктующаго,“ (ученика или гиподидаскала). Каждый годъ ученики имѣли вакаціальные дни во время Сатурналій,—сперва одинъ, потомъ четыре, а наконецъ семь дней, во время собранія плодовъ и въ праздникъ Квинкватрій въ честь Минервы, когда взрослые обыкновенно занимались играми и гладиаторскими зрѣлищами (137).

Другіе высшіе грамматики или риторы—*literati* преподавали, кромѣ грамматики, словесность въ обширномъ смыслѣ слова; философія тоже составляла необходимую при-

надлежность высшего образования. По Квантилиану къ преподаванію риторовъ относилась грамматика, метрика, правила хорошаго слога съ упражненіями въ краснорѣчіи, историческое изложеніе поэтовъ, наконецъ руководство къ критикѣ для объясненія темныхъ мѣстъ въ ихъ твореніяхъ и отдѣленія подлиннаго отъ подложнаго въ литературѣ (138). Но это высшее литературное образованіе Римлянъ не ограничивалось одною римскою словесностію: какъ риторическія правила учителей основывались на образцовыхъ писателяхъ греческихъ и римскихъ, такъ и примѣненіе этихъ правилъ въ собственныхъ опытахъ учениковъ большею частію дѣлалось на обоихъ языкахъ. Греческій языкъ былъ какъ бы природнымъ языкомъ ученыхъ и образованныхъ Римлянъ; этотъ языкъ имѣлъ почти такое значеніе, какое въ средніе вѣка имѣлъ латинскій, или какое нынѣ имѣетъ французскій языкъ. Разница только въ томъ, что Римляне обучались у риторовъ съ помощію греческаго языка еще живаго, а латинскій языкъ новыхъ временъ не былъ въ живомъ, народномъ употребленіи. Часто греческихъ риторовъ они даже предпочитали своимъ учителямъ словесности. Риторическія упражненія, по образцовымъ произведеніямъ греческой литературы, много могли благопріятствовать образованію языка и вкуса. Образованные Римляне и педагоги понимали это, а потому въ самомъ методѣ преподаванія и изученія греческаго языка имѣли въ виду не только живое, свободное употребленіе его, но и образованіе собственнаго языка. Съ этою цѣлію Цицеронъ, до самаго вступленія въ должность претора,

часто декламировалъ на греческомъ языкѣ, и сыну своему
 совѣтовалъ упражняться въ философіи и краснорѣчіи на
 обоихъ языкахъ (139)—латинскомъ и греческомъ. Плиній
 младшій рекомендовалъ упражняться въ переводахъ съ од-
 ного языка на другой; подобныя упражненія, по его мнѣ-
 нію, изощряютъ способность сужденія и обогащаютъ при-
 родный языкъ новыми понятіями и оборотами (140). Квинти-
 лианъ полагаетъ даже, что нужно начинать обученіе съ грече-
 ского языка, а потомъ уже приступать къ упражненіямъ на
 латинскомъ языкѣ (141). Но не въ этомъ предпочтеніи гре-
 ческого языка, не въ образцовыхъ произведеніяхъ грече-
 ской литературы была причина постепеннаго упадка рим-
 ской словесности въ этомъ періодѣ; она заключалась въ
 самой жизни Римлянъ. Съ началомъ этого періода прекра-
 тилось публичное судебное краснорѣчіе, а съ прекраще-
 ніемъ его невозможно было одно изъ самыхъ важныхъ въ
 древности примѣненій отечественнаго языка къ народной
 жизни, способствовавшее прежде образованію ораторовъ.
 Оставалось довольствоваться школьнымъ изученіемъ кра-
 снорѣчія, и въ придуманныхъ темахъ подражать оратор-
 скому искусству прежнихъ временъ. Но подражанію до-
 ступна была только виѣшняя сторона слова; внутренняя
 сила его была неподражаема. Мало-по-малу измѣнился
 самый взглядъ на значеніе словесности. Римлянинъ этого
 періода видѣлъ въ своей литературѣ не органъ народной
 жизни, но орудіе лести, средство для пріятнаго препро-
 вожденія времени въ часы досуга. Публичныя литератур-
 ныя чтенія, вошедшія въ моду въ этомъ періодѣ, при ма-

лой пользы, приносили много вреда; онъ еще болѣе питали это суетное направленіе словесности. Занимались литературою уже не потому, что она есть одна изъ существенныхъ потребностей нашего духа, но изъ угожденія частному вкусу не многихъ лицъ, для снисканія ихъ благосклонности. Декламаторское направленіе римской словесности въ слѣдствіе этихъ причинъ было неизбежно. Упадокъ ея былъ довершенъ накопленіемъ многихъ элементовъ иноземныхъ (142).

До времени Цицерона риторскія упражненія состояли въ развитіи и доказательствѣ различныхъ философскихъ тезисовъ. Во время Цицерона къ нимъ присоединены были декламации, или ораторское изложеніе какихъ нибудь дѣйствительныхъ событій или судебныхъ дѣлъ. Въ послѣднее время Августова владычества онъ измѣнились въ письменное только изложеніе предметовъ, уже описанныхъ другими, въ защищеніе и опроверженіе какихъ нибудь выдуманныхъ спорныхъ дѣлъ. Риторскія школы поддерживали въ Римлянахъ любовь къ изящной словесности, даже въ печальномъ періодѣ буйства преторіанцевъ и грубой страсти къ гладиаторскимъ зрѣлищамъ; но общій недостатокъ ихъ былъ почти тотъ же, что и школъ греческихъ софистовъ и раторовъ со времени Димитрія фалерейскаго. И тамъ и здѣсь литературныя упражненія состояли не въ развитіи идеи излагаемаго предмета, но въ утонченномъ, изысканномъ расположеніи рѣчей, въ искусственныхъ украшеніяхъ слога. Уже Цицеронъ порицалъ самолюбивые риторы, думавшихъ, что изящная словесность можетъ обой-

тись безъ развитія ума философією и высшимъ образова-
 ніемъ. Но въ его время еще не было по крайней мѣрѣ
 такого раздѣленія между школою и жизнью. Со временемъ
 же Тиберія и Клавдія риторическое направленіе взяло рѣ-
 шительный перевѣсъ. Сенека находитъ, что въ школахъ
 мало занимались произношеніемъ, и отъ того въ кончившихъ
 курсъ образованія, когда они выступали на арену, не было
 ни присутствія духа, ни искусства. Порцій Латронъ осо-
 бенно мало обращалъ вниманія на произношеніе. Во вто-
 рой половинѣ этого періода риторскія школы еще болѣе
 уклонились отъ своего прямого назначенія, а вмѣстѣ съ
 тѣмъ вели къ упадку и вкусъ и литературу, когда у учи-
 телей словесности вошло въ обычай приглашать нарочно
 слушателей въ свои аудиторіи и произносить предъ ними
 свои рѣчи. Изъ пустаго стремленія къ ложной популяр-
 ности и корыстолюбія, они только оспаривали и черни-
 ли товарищей по наукѣ, угождая грубому вкусу сво-
 ихъ слушателей. Такъ напр. поступалъ Гатерій, между
 тѣмъ какъ Азинію Полліону, ритору прежнихъ временъ,
 чуждо было это ученое газрство (143). Впрочемъ были и
 исключенія, особенно въ началѣ этого періода: не только
 образцовые ораторы, историки, но и поэты римскіе усерд-
 но посѣщали эти школы краснорѣчія и имъ, обязаны были
 во многомъ своею классическою извѣстностію. Цезарь,
 Цицеронъ, Горацій, Virgilій, Овидій, Тацитъ учились въ
 школахъ раторовъ.

Устройство училищъ римскихъ и въ этомъ періодѣ
 намъ неизвѣстно. Такъ какъ оно зависѣло отъ усмотрѣ-

нія самыхъ риторовъ, то можно думать, что въ нихъ долгое время не было стройнаго механизма ни въ распредѣленіи предметовъ обученія, ни въ управленіи, ни въ дисциплинѣ. Помѣщеніе школъ также зависѣло отъ обстоятельствъ и состоянія ихъ основателей. Иногда они читали свои уроки въ частныхъ зданіяхъ, иногда въ театрахъ, въ баняхъ, даже въ храмахъ. Такъ въ Смирнѣ храмъ былъ аудиторіею для уроковъ и бесѣдъ риторскихъ, въ Эгѣ Аполлоній Тіанскій читалъ свои лекціи въ храмѣ. Подобное соединеніе религіи и науки подъ однимъ кровомъ было въ обычаѣ у Грековъ еще въ цвѣтущій періодъ ихъ образованія. Случалось нерѣдко, что люди, извѣстные по своему богатству и сану открывали свои дома для этихъ публичныхъ чтеній. На публичныхъ чтеніяхъ риторовъ могли присутствовать не одни ученики, но и другія лица не принадлежавшія къ школѣ, а потому молодые люди, желавшіе обнаружить свое ораторское искусство, часто читали свои рѣчи не только въ частныхъ домахъ, въ театрахъ, въ храмахъ, но и на улицахъ, на рынкахъ. Риторы читали свои *disputationes* или въ прогулкахъ, въ портикахъ, или въ зданіяхъ, имѣвшихъ ученое назначеніе—въ музеяхъ, въ бібліотекахъ (144).

Количество риторскихъ школъ особенно возрасло съ того времени, когда краснорѣчіе перестало дѣйствовать въ народныхъ собраніяхъ и ограничилось только тѣснымъ кругомъ школы и частной жизни. Светоній (145) говоритъ, что въ его время въ одномъ Римѣ было двадцать риторскихъ школъ, пользовавшихся извѣстностію, и что учите-

ли ихъ получали значительные доходы за уроки. Въ провинціяхъ тоже не было недостатка въ этихъ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Особенно Галлія (цизальпинская) была богата школами, отличалась образованіемъ и чистотою языка. Но не только школы риторовъ, бывшія, такъ сказать, подъ рукою, привлекали къ себѣ любителей просвѣщенія; у Римлянъ, начиная съ послѣднихъ временъ республики, вошло въ моду путешествовать въ отдаленные предѣлы имперіи для того, что-бы тамъ, подъ руководствомъ какого нибудь знаменитаго ученаго, довершить свое образованіе. Прежде Катонъ и другіе ревнители римской старины силились воспретить греческимъ риторамъ и философамъ даже пребываніе въ Римѣ; а теперь тѣ же Римляне спѣшили сами въ далекую Элладу, и цѣною золота покупали сокровища ея образованія. Въ Греціи особенною извѣстностію своихъ школъ пользовались Аѳины, Митилена, и Родосъ, гдѣ школа риторская продолжалась по преемству отъ Эсхина. На западѣ извѣстны были особенно Масилія въ Галліи и Кордуба въ Испаніи.

Кромѣ учителей риторики были особенные учителя правовѣдѣнія—*juris civilis professores*, необходимость которыхъ становилась со дня на день ощутительнѣе со временъ Августа, когда устное обученіе правовѣдѣнію стало отдѣляться отъ гражданскихъ должностей. И къ чести его должно сказать, что оно одно только сохранило достоинство науки и чистоту языка, не увлекаясь вреднымъ вліяніемъ риторовъ на развитіе вкуса и образованія. Быть можетъ этому много способствовало самое свойство пра-

вовѣдѣнія, какъ науки, требующей точности и въ знаніи положительнаго законодательства, и въ подведеніи дѣйствительныхъ случаевъ подъ силу закону, что необходимо сопряжено съ опредѣленностію и естественностію языка; между тѣмъ какъ риторы, имѣя дѣло съ прихотливою публикою, изъ угожденія ей, не замѣтно могли уклоняться отъ прямого пути въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Какъ бы то впрочемъ ни было, только законовѣдѣніе достигло высокой степени совершенства у Римлянъ именно въ то время, когда литература пришла въ упадокъ; въ то время, когда въ поэзіи и краснорѣчій господствовалъ уже языкъ полуиспорченный, у юристовъ онъ сохранилъ свою прежнюю крѣпость и естественность. Неизвѣстно до какого времени эти *juris civilis professores* не получали жалованья отъ правительства; быть можетъ и они пользовались только частною платою своихъ учениковъ (*studiosi auditores*) до Антонина благочестиваго, назначившаго жалованье риторамъ и философамъ.

Можно полагать, что до Юліана учителя не были ограничены ни предварительными испытаніями на право учительства, ни мѣстомъ обученія, потому что только съ Юліана являются опредѣленные предписанія объ испытаніяхъ для вступленія въ званіе публичнаго учителя, а послѣ него означены были и мѣста для училищъ правовѣдѣнія— въ Римѣ, въ Константинополѣ и Беритѣ. До этого времени самою большею извѣстностію и значеніемъ пользовалось училище правовѣдѣнія въ Римѣ. Неизвѣстно, какъ велико бывало количество учениковъ въ этихъ училищахъ;

можно думать, что въ началѣ ученики ограничивались только однимъ учителемъ по самому свойству древняго отношенія между учителями и учениками. Въ училища правовѣдѣнія поступали, по всей вѣроятности, въ такомъ же возрастѣ, въ которомъ начинали пользоваться частными практическими наставленіями должностныхъ лицъ во времена республики, то есть, по окончаніи элементарнаго обученія и съ переменною тоги претексты на тогу мужескую. Не знаемъ также распредѣленія уроковъ законовѣдѣнія. Такъ какъ эти заведенія долгое время не были заведеніями общественными, и самое обученіе не было чисто-теорическимъ, но соединялось съ практическими упражненіями, то и самыя чтенія могли быть не каждый день, но въ тѣ дни, когда было болѣе какихъ нибудь запутанныхъ юридическихъ случаевъ. Ученики кромѣ того, что слушали уроки своихъ учителей, занимались иногда и дома письменнымъ изложеніемъ и обработкою этихъ уроковъ. Такіе уроки, списанные учениками, назывались *repetita lectio*. Квинтъ Муцій Сцевола былъ первый писатель по законовѣдѣнію, а Сервій Сульпицій первый обладалъ обширнымъ ученымъ знаніемъ римскаго права. Онъ первый далъ ему нѣкоторый видъ науки. Въ направленіяхъ юристовъ были также свои школы или секты, какъ и между риторамъ и философами, такъ напр., были юристы—кассіанцы, прокулейцы, сабинианцы (146).

Къ средствамъ, способствовавшимъ распространенію образованія относятся, кромѣ учебныхъ заведеній, и бібліотеки, какъ частныя, такъ и общественныя. До Августа,

открывшаго двѣ общественныя бібліотеки—*ostavia* и *palatina*, въ Римѣ были только частныя бібліотеки. Изъ этихъ бібліотекъ намъ извѣстны—Емилиа Павла, Суллы, Лукулла и Асинія Полліона, составленныя большею частію изъ книгъ, добытыхъ побѣдоносною рукою Римлянъ въ Македоніи, въ Аѳинахъ и въ Малой Азіи (147). Двѣ изъ нихъ, именно Лукулла и Асинія Полліона, хотя и частныя, были открыты для всѣхъ. Въ послѣдствіи онѣ обѣ сгорѣли, но были возобновлены. Библіотека Асинія Полліона была перенесена Домиціаномъ въ Капитолій (148). Потомъ Тиберій завелъ бібліотеку въ своемъ дворцѣ, а Веспасіанъ—въ храмѣ мира. Но самая знаменитая бібліотека была *Ulpia*, основанная Траяномъ, которую потомъ Діоклетіанъ перенесъ въ свои термы (149).

Мы уже сказали, что въ продолженіе этого періода правительство принимало болѣе участія въ дѣлѣ воспитанія, нежели въ предыдущемъ, когда оно было дѣломъ только частной, семейной заботливости; но все это участіе касалось больше обученія, нежели воспитанія. Сначала мѣры правительства были больше отрицательныя; правительство старалось ограничить произволь риторовъ и философовъ и предохранить общество отъ злоупотребленій, которыя легко могли распространиться во времена боренія разныхъ школъ и ихъ представителей. Мало-по-малу стали появляться и положительныя мѣры, способствовавшія распространенію образованія, хотя и эти мѣры, почти до четвертаго вѣка, больше касаются правъ ученаго сословія и средствъ его содержанія, нежели устройства учебныхъ заведеній по

идеѣ, соотвѣтствующей однимъ общественнымъ началамъ. Сословіе ученыхъ, постепенно умножавшееся въ Римѣ съ присоединеніемъ Греціи къ римской имперіи, долго не пользовалось правами гражданства; даже пребываніе его въ Римѣ нѣкоторое время было подвержено сомнѣнію. Юлій Цезарь первый распространилъ столь важное въ Римѣ право гражданства не только на граматиковъ и риторовъ, но и на медиковъ (150). Августъ тоже много покровительствовалъ ученымъ, такъ что напр. во время голода, когда необходимо было удалить изъ Рима значительное количество черни и иностранцевъ, ученымъ позволено было остаться (151). Онъ освободилъ учителей отъ многихъ стороннихъ должностей, исполненіе которыхъ обыкновенно возлагалось на жителей городовъ, награждалъ ихъ деньгами и, какъ мы видѣли, основалъ двѣ публичныя бібліотеки. Кромѣ того при Августѣ Римъ сдѣлался какъ бы школою для воспитанія чужестранныхъ князей, которые поступали туда изъ разныхъ побѣжденныхъ странъ (152).

Скоро, частію по причинѣ разстройства учебныхъ заведеній въ Аѳинахъ, частію изъ политическихъ видовъ, пришла счастливая мысль римскимъ императорамъ сосредоточить и возвысить въ Римѣ образованіе постояннымъ пособіемъ со стороны государства. Веспасіанъ (69—79) первый возымѣлъ эту прекрасную мысль. Въ то время былъ въ Римѣ отличный учитель краснорѣчія Квинтиліанъ. Его и нѣкоторыхъ другихъ Веспасіанъ возвелъ въ званіе публичныхъ учителей краснорѣчія (*professor oratoriae institutio-*
nis) и назначилъ каждому изъ нихъ значительное жало-

ванье (100 aureos) изъ государственнаго казначейства. Кромѣ того, выслужившіе двадцать лѣтъ въ этой должности получали почетную отставку (*honesta missio*) и пользовались пансіономъ (153). Примѣръ Веспасіана подѣйствовала благотворно. Разные города начали содержать на свой счетъ общественныхъ учителей. Не всегда это содержаніе было достаточно; часто оно измѣнялось по волѣ представителей городскихъ общинъ,—какъ это видно изъ того, что въ послѣдствіи императоръ Граціанъ счелъ нужнымъ ограничить произвольность въ назначеніи жалованья учителямъ, и опредѣлилъ постоянную плату какъ римскимъ, такъ и греческимъ грамматикамъ и риторамъ,—но и это участіе общества въ содержаніи представителей просвѣщенія было уже важнымъ шагомъ къ органическому устройству системы образованія (154).

Молодые римляне, для полученія высшаго образованія, часто путешествовали въ другіе города, извѣстные своими училищами и учеными мужами. Такія путешествія были и дороги и затруднительны. Чтобы облегчить средство къ высшему образованію, Адріанъ (118—138 г.) въ самомъ началѣ своего царствованія основалъ въ Римѣ Атеней (*Athenæum*), или особенное высшее училище съ достаточнымъ количествомъ учителей риторики на жалованьи (155). Сверхъ того, чтобы дать этимъ учителямъ болѣе возможности и охоты къ образованію другихъ, онъ освободилъ ихъ отъ всѣхъ повинностей. Имъ предоставлено было принимать—да и то безъ принужденія—только нѣкоторыя почетныя должности. По римскому праву они были *ισεροί και*

ἅβυλοι или *sacrosanctæ personæ*, т. е. были особами священной неприкосновенности, и со времени Адриана получили названіе профессоровъ (156). Маркъ Аврелій Антонинъ, прозванный философомъ, (161—180 г. послѣ Р. Х.), можно сказать, болѣе другихъ императоровъ чувствовалъ важность образованія и уважалъ скромное сословіе жрецовъ науки. Онъ учредилъ при высшихъ училищахъ еще каѳедру философіи и во многихъ городахъ римской имперіи основалъ учебныя заведенія по образцу римскихъ, извѣстныя потомъ подъ именемъ императорскихъ. Въ Афинахъ онъ учредилъ восемь философскихъ каѳедръ, — для каждой, извѣстной въ то время школы, особенную. Кромя философскихъ каѳедръ были каѳедры софистовъ, пользовавшихся особеннымъ предъ другими учителями уваженіемъ публики. Былъ даже особенный учитель политики, но не извѣстно отдѣльный ли, или изъ числа тѣхъ же софистовъ. Вѣроятно, что и этотъ предметъ проходили софисты, потому что краснорѣчіе софистовъ обнимало и гражданскія дѣла. Професоры философіи получали каждый по 10,000 драхмъ или болѣе 2,000 рублей сер., а профессоръ политики 6,000 драхмъ, или болѣе 1,200 руб. сер. Этотъ императоръ, такъ высоко цѣнившій пользу наукъ, и самъ отличался неутомимымъ трудолюбіемъ, обширностію образованія, и возвышеннымъ настроеніемъ духа. Прекраснымъ памятникомъ этого настроенія служить его саморазмышленіе — *τὰ εἰς αὐτόν* (157).

Изъ послѣдующихъ римскихъ императоровъ замѣчательны въ исторіи воспитанія Александръ Северъ, Кои-

стаптинъ Великій и Юліанъ. Александръ Северъ извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ ученымъ, которымъ онъ часто открывалъ свои залы для чтеній, и въ особенности заботливостію о воспитаніи дѣтей бѣдныхъ родителей. Онъ не только поддерживалъ прежнія учрежденія касательно образованія, но и отпускалъ изъ казны деньги на содержаніе бѣдныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ хорошаго происхожденія (158), въ честь матери своей Маммеи. При Юліанѣ произошло новое дополненіе въ организованіи ученаго сословія, поставившее систему общественнаго образованія въ ближайшее отношеніе къ государству, — это поступленіе учителей на должности по одной общей формѣ — по испытаніямъ и съ утвержденія императора. До Антонина философа правительство не входило еще въ способъ поступленія ученыхъ на свои должности; но крайней мѣрѣ его участіе въ замѣщеніи ученыхъ должностей не было постояннымъ и общимъ. Особенно философы предъ смертію сами обыкновенно назначали себѣ въ преемники кого нибудь изъ способнѣйшихъ своихъ учениковъ. Отъ этого произвола происходило много безпорядковъ. Случалось нерѣдко, что двѣ партіи изъ-за учителей оканчивали свои споры кровавыми сценами (159). Антонинъ — философъ предоставилъ опредѣленіе на ученые должности Проду Атику. Съ этого времени, по свидѣтельству Лукіана (160), учителей часто избирали по большинству голосовъ почетнѣйшіе жители тѣхъ городовъ, въ которыхъ они должны были проходить свою должность. Только въ спорныхъ случаяхъ утвержденіе въ ученыхъ должностяхъ зависѣло отъ самыхъ импе-

раторовъ. (161). Потомъ въ порядкѣ замѣщенія ученыхъ должностей, равно и въ дисциплинѣ ученаго сословія, произошелъ нѣкоторый упадокъ во время Констанція, когда у учителей отнято было жалованье и когда опредѣленіе на эти должности, безъ всякихъ предварительныхъ испытаній, предоставлено было на произволъ городскихъ жителей. Юліанъ первый подчинилъ ученое сословіе правиламъ болѣе строгимъ. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы общественные учителя были впредь испытываемы въ присутствіи почетныхъ жителей городовъ, и не иначе поступали бы на свои должности, какъ съ утвержденія императорскаго (162). Кромѣ того, онъ воспретилъ учителямъ перемѣнять мѣста жительства и читать уроки въ разныхъ городахъ по своему произволу, и къ числу условий для полученія должности относилъ не одну ученость, но и добрую нравственность (163). Безъ сомнѣнія, что подъ этими мѣрами Юліанъ скрывалъ тайное желаніе—устранить христіанъ отъ публичныхъ кафедръ и замѣнить ихъ одними язычниками; но тѣмъ не менѣе онъ замѣчательны въ исторіи воспитанія, потому что вносятъ въ составъ ученаго сословія и въ самое направленіе обученія, сознательное единство, необходимое для общественной жизни и для успѣховъ образованія.

Въ правленіе слѣдующихъ императоровъ, въ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Римѣ и Константинополѣ, появляется еще болѣе опредѣленности, такъ что въ нихъ можно уже видѣть нѣчто подобное нынѣшнимъ университетамъ. Въ Римѣ и Константинополѣ, по уложенію Тео-

досія II и Валентиніана III, должно было сосредоточиться высшее преподаваніе всѣхъ наукъ; означено было опредѣленное количество преподавателей по каждому предмету, воспрещено публичнымъ профессорамъ ходить, по прежнему обычаю, съ своими учениками для хвастовства по улицамъ, и давать публичные уроки внѣ учебныхъ аудиторій, а частнымъ, уполномоченнымъ отъ правительства, учителямъ позволено было читать уроки только въ частныхъ домахъ, и притомъ немногимъ воспитанникамъ, и за нарушеніе этого закона велѣно было изгонять ихъ изъ города. Есть даже довольно подробныя постановленія Валентиніана II (370 г.) объ учащихъ, о поступленіи ихъ въ учебное заведеніе, о поведеніи въ продолженіе академическаго курса, о наказаніяхъ и наконецъ о выпускѣ учениковъ, хотя эти постановленія касаются одного Рима (164). При Юстиніанѣ получаютъ органическое устройство общественныя заведенія для вспомошествованія страждущему человѣчеству—*геронтокоміи* и *носокоміи* для престарѣлыхъ и больныхъ, *вредотрофіи* и *орфанотрофіи* для грудныхъ младенцевъ и сиротъ, *птохотрофіи* и *ксенотрофіи* для бѣдныхъ и странниковъ (165). Но все это дальнѣйшее развитіе идеи воспитанія выступаетъ уже за предѣлы древняго міра и относится къ новой эпохѣ человѣчества, подъ вліяніемъ высшихъ началъ христіанскихъ.

Обученіе женскаго пола въ Римѣ во времена императорскія достаточно неизвѣстно. Можно сказать вообще, что и объ образованіи ихъ, особенно подъ конецъ имперіи, заботились довольно, даже болѣе, нежели подъ ко-

нецъ республики. Дѣвушки посѣщали отчасти публичныя школы подѣ надзоромъ педагоговъ, обучались музыкѣ и рукодѣльямъ. Несмотря на то римлянки этого періода не имѣли уже нравственной доблести римлянокъ древнихъ (166).

Такимъ образомъ изъ обзрѣнія втораго періода воспитанія у Римлянъ видно, что умственное образованіе въ это время вообще было значительно шире, нежели прежде. И однако же оно не принесло существенной пользы нравственной природѣ челоуѣка, не улучшало его внутренняго состоянія. Причина безуспѣшности нравственнаго образованія заключалась не въ упадкѣ только чистоты семейной жизни и дисциплины, но въ ограниченности самой идеи воспитанія у древнихъ классическихъ народовъ. Дѣятельность ихъ ограничивалась только цѣлями насущной, настоящей жизни и ея временными потребностями. Идея челоуѣка, идея его вѣчнаго призванія, которую должны быть проникнуты всѣ виды его земной жизни, которую онъ долженъ сохранить, развить и вынести на самыхъ развалинахъ *своего* существованія, — эта высокая идея челоуѣка, возвышенная христіанствомъ, была чужда языческимъ народамъ. Между тѣмъ существовалъ народъ въ древности, судьбы котораго были приготовленіемъ къ исполненію обѣтованій Божіихъ о спасеніи челоуѣка, — это народъ израильскій. Въ его исторіи проведена свѣтлая нить отъ первыхъ дней міра, сквозь сумракъ вѣковъ, до дня исполненія Божественнаго обѣтованія, а потому мы, по всей справедливости, должны заключить исторію древняго воспитанія народамъ израильскимъ.

Израильтяне не имѣли того блестящаго образованія, приспособленнаго къ потребностямъ настоящей жизни, которымъ такъ прославились Греки и Римляне; но ихъ духовное образованіе одушевлено было великою цѣлю, обнимавшею судьбы всего человѣчества, — чаяніемъ того Божественнаго Лица, о имени Котораго обѣщано было благословеніе всѣмъ племенамъ земнымъ. Отсюда и самое воспитаніе у древнихъ Евреевъ проникнуто возвышеннымъ религіознымъ духомъ и все направлено къ тому, чтобы приготовить въ каждомъ Иудеѣ строгаго исполнителя закона Иеговы, и предохранить его отъ заблужденій языческихъ народовъ. Все прочее имѣетъ у него второстепенное значеніе. Самое сохраненіе племенной неприкосновенности потомковъ Авраама было только средствомъ для сохраненія чистоты заповѣданной Богомъ вѣры. Разсматриваемое въ связи съ общою идеею израильскаго народа, воспитаніе его имѣетъ важное значеніе, какъ выраженіе воспитанія Божественнаго, ведущаго все человѣчество къ благимъ цѣлямъ его бытія. Но въ частности, оно не имѣетъ, ни обширнаго развитія, ни искусственныхъ, методическихъ отправленій. Оно было просто и не многосложно.

Въ кругу самыхъ первыхъ приемовъ и средствъ воспитанія у древнихъ Евреевъ двѣ черты достойны особеннаго примѣчанія; одна — касается отношенія родителей къ дѣтямъ, другая — дѣтей къ родителямъ. У нихъ не было обычая выставлять или выбрасывать новорожденныхъ дѣтей; такимъ образомъ, явленіе человѣка въ міръ, какъ дѣло творческой воли Божіей, не подчинялось у нихъ тѣмъ

разсчетахъ человѣческимъ, съ которыми образованные Греки и Римляне встрѣчали новорожденное дитя. Далѣе, у другихъ восточныхъ народовъ, даже у образованныхъ Афинянъ, матери не пользовались значеніемъ, приличнымъ ихъ полу и такъ важнымъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей; между тѣмъ у Евреевъ уваженіе къ матери внушается дѣтямъ наравнѣ съ уваженіемъ къ отцу: *чти отца твоего и мать твою*—говорится въ заповѣдяхъ данныхъ Богомъ чрезъ Моисея (167).

Первоначальное воспитаніе дѣтей обоюго пола у древнихъ Евреевъ было общее; онѣ были преимущественно на попеченіи матери. Въ лѣта отрочества мальчикъ поступалъ подъ руководство отца, и съ того времени подчинялся довольно строгой дисциплинѣ; но вліяніе матери всегда было довольно значительное.

Физическое воспитаніе у древнихъ Евреевъ не имѣло особенной искусственности, поэтому не было у нихъ и систематической гимнастики. Иродъ Великій первый ввелъ между ними, около временъ Рождества Христова, гимнастическія игры или греческую палестру. Но Іосифъ, разсказывая объ этомъ нововведеніи, замѣчаетъ, что это обычай иноземный, противный ихъ отеческимъ преданіямъ. Тѣлесная крѣпость развивалась сама собою земледѣльческими трудами, воинскими упражненіями, отчасти даже благочестивымъ путешествіемъ въ Іерусалимъ—на поклоненіе Іеговъ (168).

Изъ многихъ мѣстъ ветхаго завѣта видно, что древнимъ Евреямъ не чужды были свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ на-

укахъ; но эти свѣдѣнія выросли не на почвѣ израильскаго народа, онѣ были заимствованныя. Образование дѣтей, вмѣняемое родителямъ, во многихъ мѣстахъ ветхаго за-вѣта (169), въ непремѣнную обязанность, ограничива-лось закономъ Божиимъ, изложеннымъ въ священныхъ кни-гахъ, свѣдѣніями объ исторіи израильскаго народа и ут-верженіемъ живой вѣры въ особенное попеченіе Божіе о народѣ израильскомъ и въ обѣтованнаго Искупителя міра. Это было какъ-бы высшее духовное образованіе; оно могло быть обширнѣе, или ограниченнѣе. Но ему необходимо предшествовало приготовительное обученіе чтенію, письму и счисленію. Письмо было извѣстно Евреямъ еще пре-жде поселенія ихъ въ Палестинѣ; потому что въ книгѣ „исходъ“ упоминаются уже публичные писцы (170). Мои-сей въ пустынѣ говоритъ о письменности, какъ объ иску-ствѣ извѣстномъ. Впрочемъ неизвѣстно, до какой сте-пени было распространено между ними это искусство. Что начала науки счисленія тоже были распространены между Евреями издавна, это также видно изъ пятокнижія Мои-сеева (171). Въ послѣдствіи, занимаясь торговлею, они могли расширить свои свѣдѣнія въ арифметикѣ.

Изъ искусствъ пѣніе и музыка, какъ дополненіе къ священной поэзіи, входили въ составъ воспитанія. Назна-ченіе музыки было преимущественно религіозное—прослав-леніе имени Іеговы въ скинии и въ храмѣ; поэтому музы-кантами въ древнія времена были преимущественно Леви-ты. Древнимъ Евреямъ извѣстны были многіе инструмен-ты, какъ струнные, такъ и духовые. Самымъ благород-

нымъ и употребительнымъ инструментомъ была кивара, при Давидѣ гусли или псалтырь. Пластическія искусства, по свойству ветхозавѣтной религіи, воспрещавшей вещественное изображеніе Божества, не всѣ могли быть предметомъ обученія, или по крайней мѣрѣ не всѣ могли пользоваться одинаковымъ вниманіемъ (172) древнихъ Евреевъ.

Объ училищахъ въ собственномъ смыслѣ нѣтъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ въ ветхомъ завѣтѣ. Но на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгахъ царствъ (173) можно полагать, что онѣ были, и что ими часто завѣдывали пророки. Эти школы, или возстановленныя, или приведенныя въ лучшее устройство пророкомъ Самуиломъ, и извѣстныя подъ именемъ школъ пророческихъ, существовали въ разныхъ мѣстахъ Палестины, какъ наприм. въ Рамѣ, Веилѣ, Іерихонѣ. Судя по названію учениковъ этихъ школъ сынами пророческими должно заключать, что преимущественное назначеніе ихъ было религиозное, что кромѣ чтенія и письма, разумныя слова Божія и священныя пѣснопѣнія Пророковъ, то ихъ назначеніе не ограничивалось воспитаніемъ юношества. Промыслъ Божій воззывалъ ихъ чаще для объявленія своей воли царямъ и народу, для оживленія вѣры въ Искупителя міра и для исправленія нравственности народной, словомъ, назначеніе Пророковъ состояло какъ бы въ воспитаніи цѣлаго народа.

Воспитаніе и обученіе женскаго пола ограничивалось предметами его патриархальнаго семейнаго быта, именно, домашнимъ хозяйствомъ, рукодѣльемъ, а иногда еще и

пѣніемъ; потому что и дѣвицы иногда участвовали въ религиозной орхестикѣ. Вообще, изъ свидѣтельствъ ветхаго завѣта видно, что женскій полъ, по крайней мѣрѣ въ семействахъ домостроительныхъ, не лишень былъ пѣкотораго образованія умственного и эстетическаго, сообразнаго съ духомъ законодательства Моисеева. Въ исторіи израильскаго народа часто встрѣчаются женщины, достопримѣчательныя по своимъ прекраснымъ качествамъ. Къ такимъ женщинамъ относятся, напримѣръ, Руѣъ, Анна, мать Пророка Самуила, Іудифъ, Есѣпръ, Соломонія, мать семи мучениковъ въ эпоху Маккавеевъ. Только въ позднѣйшія времена іудейскіе раввины дали другое направленіе воспитанію женскаго пола, лишая его почти всякаго образованія.

Не всегда впрочемъ народъ израильскій слѣдовалъ высокому назначенію, для котораго былъ призванъ Промысломъ Божиимъ; это не могло остаться безъ вредныхъ послѣдствій въ самомъ воспитаніи. Отъ времени до времени пророки возвышали свой голосъ для вразумленія народа, изображая ему въ живыхъ чертахъ и милость Божию за исполненіе закона и кару небесную за отступленіе отъ него. Рѣзкая пере мѣна въ духѣ воспитанія у Іудеевъ (174) является послѣ плѣненія вавилонскаго, когда образованіе стало переходить въ руки раввиновъ. Множествомъ церемоній и софистическихъ тонкостей они помрачили истинное пониманіе закона Моисеева и въ-за буквы не могли сочувствовать его духу. Между ними образовались секты фарисеевъ и саддукеевъ, изъ коихъ первые произвольно толковали священныя книги, вторые близки были къ деизму.

Со времени появленія раввинскихъ сектъ обученіе закону происходило въ синагогахъ и въ школахъ. Эти школы бывали или въ домахъ самихъ раввиновъ, или въ публичныхъ мѣстахъ (175). У Раввиновъ не было недостатка ни въ сознаніи важности обученія, ни въ ревности къ распространенію школъ. Почти за сто лѣтъ до Рождества Христова Симонъ, сынъ Шетаха, заботился, чтобы всѣ дѣти посѣщали училища, назначенныя прежде только для ученыхъ. Не задолго до разрушенія Іерусалима Іисусъ, сынъ Тамлы, основалъ первую школу для обученія дѣтей. Съ этого же времени становятся извѣстными училища для обученія юношества (176). Мало по малу количество училищъ увеличивалось; вездѣ, гдѣ только насчитывалось сто двадцать семействъ, вмѣнялось Іудеямъ въ обязанность имѣть начальную школу. Городъ, не имѣвшій училища и не заботившійся о томъ, подвергался проклятію, даже недостойнъ былъ, по суду раввиновъ, существованія. На двадцать пять учениковъ полагался особый учитель. Если количество учениковъ возрастало до сорока, то учитель принималъ къ себѣ помощника. Уроки въ этомъ училищахъ были даромъ, или по крайней мѣрѣ совершенно за-висѣли отъ состоянія учащихся; это доказываетъ, что существованіе учителей было обезпечено другими средствами. Обученіе дѣтей начиналось у Іудеевъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. По свидѣтельству Мишны, они посылали своихъ дѣтей въ школу на пятомъ году; если дѣти были слабы—на шестомъ, рѣдко—на седьмомъ году. Уваженіе къ раввинамъ было чрезвычайное; авторитетъ ихъ словъ былъ

также великъ для всякаго Иудея, какъ и авторитетъ Библии. Кромѣ низшихъ училищъ у Иудеевъ были и высшія учебныя заведенія во многихъ городахъ (177). Словомъ, все доказываетъ заботливость раввиновъ объ образованіи своихъ единоплеменниковъ. Но эта заботливость мало приносила пользы заблудшимъ потомкамъ Авраама. Софистическое, занятое пустыми мелочами содержаніе талмуда питало въ нихъ только страсть къ мертвой обрядности, не доставляя пища ни уму, ни сердцу. Научнымъ образованіемъ раввины пренебрегали; часто оно было даже преслѣдуемо, какъ недостойное книжниковъ, почивающихъ на законѣ. Исключенія въ этомъ отношеніи были рѣдки; только по сближеніи съ Арабами, особенно въ югозападной Европѣ, многіе Иудеи начинаютъ принимать живое участіе въ общемъ умственномъ движеніи и отличаются ревностнымъ изученіемъ наукъ. Но при этой мертвой ограниченности раввинскаго образованія была въ немъ одна особенность, достойная вниманія. Еще во времена плѣна вавилонскаго принято было у Иудеевъ закономъ, чтобы каждый отецъ училъ своихъ сыновей какому-нибудь ремеслу или художеству, хотя бы даже они не имѣли нужды въ вещественномъ трудѣ, и приготавлились къ труду умственному. Въ новомъ завѣтѣ встрѣчается много примѣровъ этого соединенія дѣятельности духовной съ матеріальною. Такъ наприм. Апостоль Павель былъ скинотворецъ, Симонъ іонійскій—усмарь (кожевникъ), Александръ, ученый Иудей—коваѣ. Нѣкоторыя только ремесла считались неприличными. Конечно умственный трудъ также производителе-

лень, также достоинъ вознагражденія, какъ и вещественный; не смотря однако же на то, подобное занятіе при духовной дѣятельности имѣеть много преимуществъ,—какъ дѣятельный отдыхъ послѣ внутренняго напряженія, какъ запасное средство пропитанія, наконецъ даже какъ знакъ уваженія ко всякой, самой вещественной формѣ труда (178).

Воспитаніемъ и обученіемъ лицъ женскаго пола равнины пренебрегали, нерѣдко старались даже возбранить имъ участіе въ общественныхъ молитвахъ—въ синагогахъ (179). И въ этомъ отношеніи они удалились отъ духа ветхаго завѣта (180), увлекаясь общимъ на востокъ уни- зительнымъ понятіемъ о значеніи женщины.

Иудеями оканчивается историческое обозрѣніе воспитанія у древнихъ народовъ. Къ какимъ же результатамъ оно приводитъ насъ?

Прежде всего находимъ много преимуществъ въ дѣлѣ воспитанія у Грековъ и Римлянъ въ сравненіи съ воспитаніемъ у языческихъ народовъ востока. У Грековъ и Римлянъ значительно выработалось сознаніе о воспитаніи, о средствахъ и постепенномъ ходѣ его. Въмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни и сознанія о внутренней связи между жизнію общества и его членовъ, у нихъ появляются благородныя усилія къ образованію въ преемственныхъ поколѣніяхъ питомцевъ живаго сочувствія интересамъ общественной жизни и совершенствъ, необходимыхъ въ дѣятельности для общества. По крайней мѣрѣ этою достойною чертою отличается ихъ воспитаніе, въ лучшую пору ихъ политической жизни.

И однакоже не будемъ безотчетными поклонниками древне-классическихъ народовъ. Отдавая справедливую дань уваженія добрымъ качествамъ ихъ воспитанія, не можемъ не замѣтить, что оно проникнуто однимъ существеннымъ недостаткомъ, — недостаткомъ истинной идеи чело-вѣчества. Ограничивая все назначеніе чело-вѣческаго образо-ванія или наружною гармоніею души и тѣла, или внѣш-нимъ могуществомъ гражданскаго общества, древніе даже образованные языческіе народы не имѣли понятія о выс-шей духовной нравственности, нерѣдко требующей упор-ной борьбы съ самой заманчивой игрою естественныхъ силъ чело-вѣка, не видѣли изъ-за гражданина чело-вѣка, — члена земли и неба. Отсюда истекаютъ и всѣ частные недостатки въ характерѣ и въ примѣненіяхъ ихъ воспитанія.

Въ отношеніи къ чело-вѣческому существу, отдѣльно разсматриваемому, народы классической древности при-даютъ излишній вѣсъ достоинствамъ его чувственной при-роды; въ области внутренняго образованія, они руковод-ствуются только условнымъ значеніемъ чело-вѣка въ граж-данскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ этого ограниченного понятія о чело-вѣкѣ, древніе не обращаютъ вниманія на тѣ совершенства нашего духа, развитіе которыхъ должно при-готовить его для жизни вѣчной, небесной. Это высшее направленіе жизни и воспитанія видно только въ избран-ныхъ лицахъ ветхозавѣтной исторіи, въ ихъ неуклонной преданности волѣ Божіей, въ ихъ безусловной вѣрѣ въ Про-мысль Божій. Не развитіе прекрасныхъ формъ тѣла, даже

не одно образованіе способностей души, приспособленное къ потребностямъ настоящей жизни, но приготовленіе человека въ достойныя орудія домостроительства Божія о спасеніи всего рода человѣческаго было главною задачею воспитанія въ благословенныхъ семействахъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, въ кругу избраннаго Богомъ народа.

Далѣе, разсматривая человека только со стороны его условнаго положенія въ настоящей жизни, древніе примѣняютъ воспитаніе къ самому ограниченному кругу дѣятелей въ обществѣ гражданскомъ; другая, матеріальная дѣятельность, въ которой человекъ долженъ прикасаться къ вещественной природѣ, испытывать утомительную борьбу съ ея силами, была предоставлена частнымъ усиліямъ забытой части народонаселенія. И не только дары воспитанія, самая жизнь человека, въ первыя минуты его существованія, оцѣнивается, у нихъ съ этой же ограниченной точки зрѣнія: не неприкосновенный даръ Божій видятъ они въ этой жизни новорожденнаго человека, но предметъ временныхъ расчетовъ и произвола домовладыки.

Наконецъ въ самомъ развѣтвленіи обученія у древнихъ образованныхъ народовъ замѣтна еще большія скудость и односторонность. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ позднѣйшія времена Рима, находимъ кафедры правовѣдѣнія, риторики, философіи, даже каждой философской школы, между тѣмъ ни одной—по такъ называемымъ реальнымъ предметамъ. Такъ одно основное заблужденіе вело ко множеству другихъ несообразностей въ великомъ дѣлѣ воспитанія человека. Для исправленія этого

недостатка нужно было исцѣленіе помраченнаго сознанія челоѣка о самомъ себѣ, нужно было высшее понятіе о цѣли его жизни, освящающее трудъ его на всякомъ мѣстѣ, на всякой чредѣ служенія. Но что могла сказать объ этой цѣли вся древняя мудрость, вся языческая религія съ ея чувственными богами? Только въ любвеобильномъ участіи христіанства къ челоѣку заключается живое основаніе обширнаго примѣненія воспитанія и образованія къ разнымъ сторонамъ его жизни.

Что еще важнаго и поучительнаго представляетъ историческій ходъ воспитанія въ древнемъ мірѣ? Проходя мысленно политическую жизнь древнихъ народовъ, находимъ неразрывную связь между направленіемъ воспитанія и состояніемъ ихъ гражданскихъ обществъ. Духъ общества отражается въ духѣ воспитанія, но съ другой стороны и начала, одушевляющія воспитаніе, способствуютъ, или препятствуютъ благосостоянію общества. Чтò сѣяно было на почвѣ молодаго поколѣнія, то всходило потомъ въ жизни и составляло сумму добрыхъ или дурныхъ плодовъ, пожинаемыхъ обществомъ. Это особенно подтверждается историческою жизнію Грековъ и Римлянъ: съ упадкомъ дисциплины и нравственныхъ правилъ воспитанія идетъ у нихъ въ неразрывной связи упадокъ любви къ общему благу, оскуднѣніе единства въ индивидуальныхъ стремленіяхъ, отражающееся потомъ въ бѣдствіяхъ общественныхъ и частныхъ. Такимъ образомъ между дисциплиною и нравственнымъ воспитаніемъ съ одной стороны и народнымъ благосостояніемъ съ другой—связь неразрывная: гдѣ нѣтъ дисциплины, гдѣ

изсякъ нравственный духъ воспитанія, тамъ невозможно благосостояніе — ни общественное, ни частное.

Намъ остается только воспользоваться живыми вражденіями исторіи воспитанія. Приготовляясь сами и приготавливая потомъ другихъ въ періодъ воспитанія для будущей дѣятельности, мы должны быть всегда проникнуты истиннымъ понятіемъ о назначеніи человѣка — христіанина и живою любовію къ святой Церкви, воспитывающей всѣхъ, и питомцевъ и воспитателей, и юныхъ и престарѣлыхъ, подъ благодатнымъ смотрѣніемъ одного верховнаго Воспитателя всего человѣчества. И какъ воспитаніе человѣка возможно только въ благоустроенномъ обществѣ, то и вся наша педагогическая дѣятельность да будетъ проникнута духомъ безусловной преданности волю Монарха, духомъ законовъ и завѣтныхъ преданій отечественныхъ. — Университету, какъ высшему святилищу науки, предстоитъ высокая честь и священный долгъ — быть прекраснымъ образцомъ этого истиннаго воспитанія юношества, по державной мысли великаго Монарха нашего, ко благу отечества и въ завѣтъ потомству.

С И Т А Т А.

- (†). Быт. Глав. 9, ст. 6. Римл. Глав. 2, ст. 14, 15. Ефес. Глав. 4, ст. 22, 23, 24.
- (1). China, od. allgem. Beschr. der Sitt. u. Gebr... v. J. F. Davis, 2 Ausg. 1843, 1 Th. s. 304.—Fr. Cramer Gesch. d. Erzieh. im. Alterth. 1832, 1 B. s. 22.
- (2). Cram... 2 B. s. 17.—Esquisse d'un syst. d'instruct. et d'educat. par Theod. Fritz, 1843, T. 3. p. 27.—Magasin für die Litter. d. Ausland. Berlin 1834, № 79.
- (3). Тамъ-же.
- (4). — —
- (5). Cram. 1 B. s. 20 примѣч.
- (6). Description de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise par le p. du Halde T. 11, p. 403.—Cram... 1, B. s. 28 примѣч. 43.
- (7). Cram... 1 B. s. 29.
- (8). Журн. Минист. нар. проsv. 1840, Мар. стр. 59.
- (9). Du Halde... p. 320.—Cram... 1 B. s. 29, примѣч. 53.
- (10). Журн. Минист. нар. проsv. 1840. Мар. стр. 56.
- (11). Тамъ-же, Fr. Cram... 1 B. s. 29. China... v. Davis, 1 Th. s. 305—306.
- (12). Cram... 1 B. 29—38.—Fritz... T. 3, p. 28—39. China... v. J. F. Davis, 1 Th. s. 304—307.
- (13). Dubois, Moeurs des peuples de l'Inde T. 1. p. 475.
- (14). Тамъ-же Fritz... T. 3, p. 50.

- (15). Cram... 1 B. s. 68.
- (16). Fritz, T. 3, p. 51.
- (17). Cram... T. 1, s. 59.
- (18). Тамъ-же.
- (19). Fritz... T. 3, s. 44. Dub... T. 11, p. 330.
- (20). Schwarz Erziehungslehre 1829. 1 B. s. 142. (Herod. 11, 35).
- (21). Fritz... p. 62. Cram... s. 129. (Diod. 1, 81).
- (22). — — p. 63.
- (23). Leg. VII, 819.
- (24). Schwarz... s. 144. Fritz... p. 64. (Diod. 1, 81).
- (25). Leg. V, 747. Cram... s. 133.
- (26). Cram... s. 133.
- (27). Herod. 1, 131—138.
- (28). Fritz... p. 174.
- (29). Herod. 1, 131—138. Schw... s. 104.
- (30). Cyrop. 1, 2. Schw... s. 106—121. Fritz. p. 76—78.
- (31). Fritz.
- (32). Ilias XIII, 326. XVI, 203.
- (33). Cram... s. 165.
- (34). *πότερον ἰατρικῆς ἢ γυμναστικῆς*. Cap. 33. (Basil. IV, 296). Gesch. d. Erzieh.... v. D. J. H. Krause, s. 60. Cram... 167.
- (35). Diod. II, 29. Krause... s. 7.
- (36). *Μύθων τε ῥητῶν ἔμμεναι, πρηκτιῶρα τε ἔργων*. II. IX, 442. Ut Achillem efficeret oratorem verborum actoremque rerum. Cic. orat. III. 15. Слпч. Krause.... s. 55. Wolf, proleg. p. LXXX.
- (37). Cram... s. 169.
- (38). — — 164—170.
- (39). Plut. Ages. 2. Plut. Lys. 30.—Lycurg. 15. Cram.... 173—174.
- (40). Plut. Lycurg. 16.
- (41). Cram.... s. 176.

- (42) Cram... 177, 178.
- (43). Polit. VII. 17.
- (44). Rep. V. 452...
- (45). Arist. pol. III. 2, 5.
- (46). Hochheimer, Syst. d. Griech. Pädagog. III, B. 209—, 241—.
Cram... s. 179—226. Schw... s. 255—299.
- (47). Plat. Apol. Socr. 29, c. Cic. pro Flacc. c. 26. Aesch. in Timar.
T. III. s. 252. 253. Athen. 4. 6. Diog. Laër. 7. 168.
- (48). Thucyd. 11, 45.
- (49). Cram.. s. 235, 236.
- (50). Arist. Polit. 7, 14, 4.
- (51). Sext. Emp. Pyrrh. Hypot. III, 24. Hochheim... 1 Th. s. 76—83.
Cram... s. 237. Schwarz... s. 350.
- (52). Arist. nub. 15, 61. Equ. 557. Av. 1131, 1447.
- (53). Cram... s. 238—249.
- (54). — — s. 249.
- (55). Protag. 325.
- (56). Dion. Halic. de admir. vi dic. in Demost. c. 52.
- (57). Athen. X, 79.
- (58). Diog. Laër. 2, 11. Plat. Lys. 213. Plut. de aud. poet. 35.
- (59). Cram... s. 283—285.
- (60). Cram... s. 275—279.
- (61). Arist. rhet. 1, 5. Thuc. 11, 42. Cram... s. 288.
- (62). Cram... s. 287—291.
- (63). — — s. 291.
- (64). Theophr. Charac. 30. Diog. Laër. 11, 43.
- (65). Cic. de orat. II, 5. Plat. Charm. init. Leg. VI, 764.
- (66). Theophr. Char. 30. Diog. Laër. II, 43.
- (67). Aristoph. nub. 987. av. 1379. Eccles. 665.
- (68). Isocr. Arcop. c. 18. Aristoph. nub. 654.

- (69). Aristoph. nub. 799, 1389.
- (70). Cram... s. 270 примѣч.
- (71). Aristoph. nub. 243, Equ. 560, 1126.
- (72). Cram... 1 B. s. 272. Aristoph. Plut. 510. Theocr. 21, 1. Plutar. de discrim. adulat. ab am. p. 65—. Cram... 1 B, s. 271, 272.
- (73). Cram... s. 272.
- (74). Aristoph. Lysistr. 646, Thesmophor. 289. Theocr. 11, 66.
- (75). Aristoph. nub. 244, 438, 1100—.
- (76). Plat. Pro'ag. 347.
- (77). Plutar. de mus. c. 26. Max. Tyr. disser. 37. Jacobs Erz. d. Griech... s. 25.
- (78). Aristoph. ran. 1053. nub. 1350. Cram... s. 285...
- (79). Aristot. Eth. Nic. 11, 30.
- (80). Cram... s. 304.
- (81). Boëckh, Staatshaushaltung. 1, 134. Cram... 1 B. s. 303. Gibbon, Gesch. d. Verf. et cæt. X, p. 47.
- (82). Cram... s. 303.
- (83). Paus. 5, 9. Athen. 1, 34. Cram. 1 B. s. 331.
- (84). Niebuhr. 1, 215. Cram, 1 B. s. 364.
- (85). Dionys. Halic. 2, 25.
- (86). Liv. XX, 21. Dion. Halic 2, 25. Gell. n. a. 4, 3.
- (87). Valer. Max. 2, 1, 6. Cram. s. 367.
- (88). Gesch. d. römi. Staatsverf. Gött. 1840. s. 102.
- (89). Dionys. 1, 15. Terent Heaut. III, 5. Gaius, 1, 55. Cram. s. 377, M. Michel. orig. du droit franç. T. I, p. 2. Edouard Laboulaye. Recher. sur la cond. civ. et pol. d. femmes p. 15.
- (90). Festus s. v. lactaria columna: in foro olitorio, quod ibi infantes lacte alendos deferebant.
- (91). Voss. Vers. üb. d. Erz. für d. Staat T. II, s. 93. Fritz.. T. III. p. 3
- (92). Plut. quæst. rom. 102. Macrob. saturn. 1, 6. Est autem dies

- dies Iustricus, quo infantes Iustrantur et nomen accipiunt.
- (93). Cram. 1. B. s. 375.
- (94). Cic. de rep. 4, 2. —
- (95). Cic. de senect. c. 12. Val. Max. 11, 9. 7. Plat. Cat. 16.
- (96). Cram. s. 384.
- (97). Plut. præcept. conjug. 144. Quæst. Rom. 33.
- (98). Gellius n. a. 11, 15. Juven. XIII, 54. Iustin. III, 3. Nieb. 1, 492.
- (99). Cic. de divin. 11, 12. ad Attic. VIII, 4, 11, 21. Ad Quinct. frat. 11, 13, 9, 18.
- (100). Cram. 390, 391.
- (101). Schwarz, Gesch. d. Erz. 1 B. s. 459—465. Cram. 1 B. s. 394.—397.
- (102). Cram. 1 B. s. 391—394.
- (103). Liv. III, 44.
- (104). Liv. VI, 25.
- (105). Krause, s. 248. Слово «schola» «σχολή» ни у Грековъ, ни у Римлянъ не употреблялось до времени имперіи въ смыслѣ школы. Греки называли школу *διδασκαλείον*, а Римляне — *ludus*
- (106). Cram. s. 397.
- (107). Dio Chrys. or. 20, p. 264. Quinct. inst. 1, 4. Liv. 3, 41.
- (108). Plut. Quæst. Rom. 59.
- (109). Cram. s. 402—404. Krause, s. 293, 294. 328—331.
- (110). Cram. s. 406—409.
- (111). Cic. Tuscul. 1, 2. Horat. Ars poet. 325. Sat. 1, 6, 75. Quinct. 1, 10, 25, Cram. s. 401, 402.
- (112). Cram. s. 408, 409.
- (113). Krause. s. 368.
- (114). — — s. 322.
- (115). Plin. epp. 8, 14.
- (116). Cram. s. 423.

- (117). — S. 416.
- (118). Cic. de orat. 1, 38. de amic. c. 1. Brut. 89. Cram. s. 416—419.
- (119). Cram. s. 419.
- (120). Hugo, Gesch. d. röm. Rechts § 57, 181, 183, 184.
- (121). Excerpt. ex Polyb. de virt. et vit. pag. 1456 ed. Casaub. et Jacob. Gronov. Corn. Attic. c. 4, 18. de orat. II, I. Cram. s. 411, 412.
- (122). (Tacit.) de orat. C. 32...
- (123). Die Pädag. als syst. v. Dr. C. Rosenk. Königsb. 1848. s. 185.
- (124). Juven. Sat. 14.
- (125). Schwarz... s. 469.
- (126). — — s. 465.
- (127). Cic. de orat. 1, 58. Cram... s. 415.
- (128). Cram... s. 432.
- (129). Quinct. inst. orat. lib. 1, c. 1, 15.
- (130). Cram. s. 433.
- (131). См. объ этихъ разговорахъ Krause.. s. 356. и Leop. Röder de schol. Roman. instit. dissertatio 1828, p. 10. Cram. s. 434.
- (132). Plin. ep. VII 9. Quinct. 1, 10, 1.
- (133). Quinct. 1, 4.
- (134). Quinct. 1, 10.
- (135). Cram. s. 436—438.
- (136). — — s. 437—439. Quinct. I, 2, 23. Quinct. VII, 1. Quinct. I, 3, 14. Horat. Ep. 11, I. 70. См. Krause.. s. 365.
- (137). Cram. s. 437—448.
- (138). — — s. 432.
- (139). Suet. de clar. rhet. c. 1.
- (140). Plin. Ep. VII, 9. Quinct. X, 5, 2.
- (141). D. Nizard, Etud. de mœurs et de crit. T. 1, p. 261—326.
- (142). Cram. s. 446, 447.

- (143). Cram: s. 444—448.
- (144). — — s. 448.
- (145). Suet. de illustr. gram. cap. 3.
- (146). Cram. 449—452. Hugo I, 1. § 317—354.
- (147). Cic. de fin. III. 2. ad Attic. IV, 20. Plin. ep. II, 17. III, 7.
- (148). Suet. Aug. 29.
- (149). Gram. s. 436.
- (150). Suet. Cæsar, 4, 42.
- (151). Cram. s. 430, 431.
- (152). Schwarz, s. 496.
- (153). Cram. s. 457, 458. Schw. 497.
- (154). Arch. von Schlosser s. 222, 225. Philostr. 11, 1, 2, 11. Ahrens, de Athen. statu polit. et litter. p. 72. Gibb. Gesch. d. Verf. 10 Th. s. 48.
- (155). Aurel. Victor. de Cæs. cap. 14, 3. Xiphil. in Did. Jul fin.
- (156). Schw... s. 499.
- (157). Cram. s. 459—461.
- (158). По словамъ Лампрідія: in discipulos, pauperum filios, modo ingenuos, annonas dari jussit.—Puellas et pueros quemadmodum Antoninus Faustinianas instituerat, Mammæanas et Mammæanos instituit. Ael. Lamprid. c. 57 p. 1022 volum. 1. ser. hist. Aug.
- (159). Schw. s. 487—495.
- (160). Luc. Eunuch. c. 2, 3.
- (161). — — c. 12.
- (162). .... jubeo, quisque docere vult, non repente, nec temere prosiliat ad hoc munus, sed judicio Ordinis probatus decretum Curialiom mereatur, Optimorum consensu, hoc enim decretum ad me tractandum refertur. Schwarz, s. 502. Примѣч. Слѣд. Срам. s. 465, 468. Schloss. Archiv für Gesch. u. Litt. 1, 227, 251.

- (163). Magistros studiorum doctoresque excellere oportet moribus primum, deinde facundia. Cod. Theod. 1, 14, tit. 9, 3.
- (164). Cod. Theod. Gothofr. ed. Ritter. 1. 14. tit. 9, 3. См. Schw. s. 507—511.
- (165). Cod. Just. 1, 2. 17, 22. Paufler de pueris et puel. spec, II, p. 46. Cram. s. 494.
- (166). Juven. Sat. XIV, 4... 208... VII, 176, 185... Pers. Sat. III, 10—20. Krause.... s. 356 —.
- (167). Исх. гл. 20, ст. 12.
- (168). Fritz... Т, III. p. 137, 138.
- (169). Второз. Гл. 6, ст. 6, 7. Гл. 4, ст. 9.
- (170). Второз. Гл. 1, ст. 15. Исх. Гл. 18, ст. 25.
- (171). Книг. числ.
- (172). Исх. Гл. 20, ст. 4.
- (173). 4 Царст. Гл. 2, ст. 3.
- (174). Иудеями стали называть всѣхъ Евреевъ послѣ плѣненія вавилонскаго, потому что въ числѣ возвращившихся изъ этого плѣна большая часть была изъ колѣна Иудова.
- (175). Cram... s. 109...
- (176). Тамъ-же.
- (177). Schwarz... s. 215.
- (178). Fritz... p. 154 (lost allg. Gesch. d. israel. Volk. Т. II, s. 42).
- (179). Schwarz... s. 185, 186. Anmerk. Cram... s. 114, Anm.
- (180). 1. Цар. Гл. 1, ст. 9, 10, 11, 27, 28.

1854
812.